

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Яковлева Наталья Александровна
ЛЕКСИКА ЭТИКИ И МОРАЛИ
В ДИАЛЕКТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(на материале архангельских говоров)

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Е.А. Нефедова

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	12
1.1. О соотношении языка и культуры.....	12
1.2. Семантические поля и методики их выделения.....	18
1.3. Современные семантические школы	20
1.4. Методика концептуального анализа	24
1.5. Диалектная картина мира.....	28
1.6. Говоры архангельского региона и «Архангельский областной словарь».....	31
1.7. Общерусское слово в диалектной макросистеме.....	34
ГЛАВА 2. «НРАВСТВЕННЫЙ КВАДРАТ»: СОВЕСТЬ, ЧЕСТЬ, СТЫД, ПОЗОР	36
2.1. СОВЕСТЬ.....	39
А. Историко-лингвистический комментарий.....	39
Б. СОВЕСТЬ по данным архангельских говоров	45
В. а) <i>Сóвестной / бессóвестной</i> человек	54
б) Поведение <i>сóвестного / бессóвестного</i> человека.....	58
2.2. ЧЕСТЬ.....	61
А. Историко-лингвистический комментарий.....	61
Б. ЧЕСТЬ по данным архангельских говоров	63
В. а) <i>Чéстной (честнóй)</i> человек	69
б) Ситуация чествования.....	70
2.3. СТЫД.....	73
А. Историко-лингвистический комментарий.....	73
Б. СТЫД по данным архангельских говоров	76
В. а) <i>Сты́дной / бессты́дной</i> человек	80
б) Постыдная ситуация.....	81
2.4. ПОЗОР	84
А. Историко-лингвистический комментарий.....	84
Б. ПОЗОР по данным архангельских говоров.....	85
В. а) <i>Позóрной, позорли́вой</i> человек	91
б) Ситуация позора	93

ГЛАВА 3. НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ДИАЛЕКТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ВНУТРИ «НРАВСТВЕННОГО КВАДРАТА»	103
3.1. <i>Сóвестной</i> и <i>чéстной</i> – атрибуты с общей семой ‘порядочность’	105
3.2. <i>Ни стыда́ ни со́вести</i> : диалектные фраземы, отражающие внутреннюю мораль	107
3.3. Синонимия глаголов <i>стыди́ться</i> и <i>со́веститься</i> в ситуации стеснения.....	108
3.4. Синонимия существительных <i>стыд</i> и <i>позо́р</i>	110
3.5. Синонимия предикативов <i>сты́дно</i> , <i>позо́рно</i> и <i>со́вестно</i>	113
3.6. ЧЕСТЬ и ПОЗОР как показатели репутации в коллективе.....	117
ГЛАВА 4. ДОБРО И ЗЛО – ДВА ПОЛЮСА НАРОДНОЙ МОРАЛИ	118
4.1. ДОБРО	119
А. Историко-лингвистический комментарий.....	119
Б. ДОБРО по данным архангельских говоров.....	122
1. Вещественная семантика добра.....	122
2. Этическая семантика добра	131
В. Композиты с корнем <i>добр-</i>	139
4.2. ЗЛО	144
А. Историко-лингвистический комментарий.....	144
Б. ЗЛО по данным архангельских говоров	146
В. Триада ЗЛО – ХУДО – ЛИХО	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
БИБЛИОГРАФИЯ	175
ПРИЛОЖЕНИЯ	201

ВВЕДЕНИЕ

В названии настоящего диссертационного исследования – «**Лексика этики и морали в диалектном пространстве**» – соседствуют слова *этика* и *мораль*. Слово *этика* (греч. *ἠθικά*) произошло от др.-греч. существительного *ἦθος*, обозначающего ‘нрав, характер, обычай’, т. е. правило поведения, закрепленное внутри определенного коллектива. *Moralis* – латинское слово, впервые использованное Цицероном для перевода греческого прилагательного *ἠθικός* (‘этический’). Следовательно, по происхождению *мораль* и *этика* являются полными синонимами.

В современной философской науке под *моралью* понимаются существующие в реальности нравственные отношения, а под *этикой* – наука о морали [Разин 2006]. Однако носители русского языка и, следовательно, наивной, ненаучной языковой картины мира (далее – ЯКМ) не воспринимают этику исключительно как науку: например, в таких выражениях, как *неэтичное поведение, грубить старшим – неэтично* и т. п., *этичный* означает ‘правильный, нравственный’, а не ‘относящийся к этике как науке’.

Согласно данным «Национального корпуса русского языка», на 166 вхождений по запросу «*моральный – этический*» только в 8 случаях эти слова сознательно противопоставляются: «моральный опыт обобщен в этических нормах», «моральное чувство... этическая доктрина», «моральные принципы, послужившие основой дальнейшего развития этической мысли» и т. п. Остальные примеры демонстрируют неразличение понятий: синонимия *морального* и *этического* проявляется либо в противопоставлении чему-либо третьему («казус состоял не в материальных претензиях... а в претензиях моральных, нравственных, этических»; «не столько юридическое, сколько моральное, этическое значение»), либо при пояснении одного слова другим («морально-психологические, этические свойства личности», «оправдание носит характер

морального, этического»). В подавляющем большинстве контекстов (в том числе из газетного и устного подкорпусов) отмечено употребление единого сложного прилагательного *морально-этический* [НКРЯ: URL].

В толковых словарях современного русского языка находим пересечение значений *мораль*₁ и *этика*₂: «Мораль – 1. Совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и к обществу; нравственность...» [МАС II: 298], «1. Нравственные нормы поведения, отношений с людьми, а также сама нравственность» [Ожегов: URL]; «Этика – <...> 2. Нормы поведения, мораль человека, к.-л. класса, общественной или профессиональной группы» [МАС IV: 769], «2. Совокупность норм поведения (обычно применительно к какой-н. общественной группе)» [Ожегов: URL].

В настоящей диссертации принято понимание этики как системы норм нравственного поведения человека или группы людей, система правил взаимодействия субъекта с окружающими, а мораль – как система оценивания своих или чужих поступков в категориях добра и зла, хорошего и плохого, правильного и неправильного. В работе представлено описание лексических единиц, семантика которых отражает как моральные, так и этические представления людей, проживающих на территории архангельских говоров. Термин «этика» используется не в философском смысле и обозначает наивную этику, т. е. отражение представлений о нормах поведения в языке рядового диалектоносителя.

Изучение ключевых понятий национальной картины мира, осуществляемое на основе системного подхода к описанию фактов языка в рамках лексических групп и семантических полей, является одной из основных задач современной лингвистики. Анализу абстрактных имен, относящихся к духовной составляющей русской ментальности и формирующих ключевые константы народной культуры, посвящены работы известных лингвистов: Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, О.В. Беловой, Т.В. Булыгиной, А. Вежбицкой, Т.И. Вендиной, В.Г. Гака, М.К. Голованивской, А.А. Зализняк, Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова, Д.С. Лихачева, Е.В. Падучевой, Е.В. Петрухиной, Ю.С. Степанова, Н.И. Толстого,

С.М. Толстой, Е.В. Урысон, Л.О. Чернейко, А.Д. Шмелева, Е.С. Яковлевой и др. Лексемы, обозначающие ключевые понятия нравственности (*стыд, совесть, честь* и др.), исследуют в своих статьях, диссертациях и монографиях многие отечественные филологи: Л.Е. Антонова, О.М. Афанасьева, И.А. Белова, А.А. Блинова, Е.А. Дженкова, О.П. Ермакова, В.И. Жданова, Г.И. Кабакова, Е.В. Колесникова, Л.В. Лотря, А.А. Маленкова, С.И. Меньшикова, А.Б. Недосугова, Е.С. Палеха, М.В. Рукавишникова, Н.В. Сафонова, Г.Г. Слышкин, Е.Е. Стефанский и др.

Как правило, упомянутыми выше учеными для подтверждения их научных гипотез привлекается языковой материал кодифицированного литературного языка или городского просторечия. Однако для полного описания национальной языковой картины мира во всем ее многообразии необходимо привлечение данных диалектов, отражающих традиционные народные представления о мире.

Богатейшие данные диалектов привлекаются С.М. Толстой при анализе общеславянских концептов СУДЬБА, ДУША, ГРЕХ, СМЕРТЬ и др. [Толстая 2008], а также Т.И. Вендиной, убедительно доказавшей в монографии «Антропология диалектного слова», что «именно диалектный материал, не подвергшийся иноязычным влияниям и сохранивший свою самобытность, должен лежать в основе исследований, направленных на выяснение этнического своеобразия культуры» [Вендина 2020: 7]. На материале архангельских говоров базируются исследования культурной семантики слов *простор, воля, свобода, дух, душа, вера* и др., проведенные Е.А. Нефедовой в [Нефедова 2016б, 2018, 2021].

Актуальность настоящей диссертационной работы определяется тем, что в ней представлен комплексный анализ функционирующих в архангельских говорах общерусских слов, являющихся именами ключевых понятий русской национальной концептосферы. Изучение их семантики и сочетаемости актуально в аспекте полного описания национальной языковой картины мира во всем ее многообразии, а также в аспекте сохранения крупного фрагмента традиционной народной культуры.

Объект исследования – общерусские абстрактные имена *совесть, стыд, честь, позор, добро* и *зло*, обозначающие важнейшие нравственные понятия народной духовной культуры. **Предметом** исследования являются семантические и словообразовательные связи и отношения между лексическими единицами, являющимися общими обозначениями морально-этических понятий.

Материалом исследования послужили данные бумажной картотеки и электронной базы данных «Архангельского областного словаря» (далее – АОС), его 22 опубликованных выпусков (буквы А–З) [АОС 1980–2022], а также личные полевые записи автора, сделанные в ходе экспедиций 2012–2017 гг. в Ленский (с. Козьмино, д. Лена, д. Суходол), Верхнетоемский (пос. Зеленник, д. Сефтра, д. Монастырек), Пинежский (д. Шотогорка, с. Карпогоры, с. Пиринемь) и Мезенский (д. Погорелец, д. Кимжа) районы Архангельской области.

Цель работы – на основе анализа семантики и сочетаемости общерусских слов *совесть, стыд, честь, позор, добро, зло* и их дериватов охарактеризовать фрагмент диалектной картины мира, соотносящийся с содержанием нравственных доминант традиционной народной культуры, именами которых являются данные слова.

Для реализации цели исследования поставлены конкретные **задачи**:

- 1) проанализировать семантику и сочетаемость слов, обозначающих морально-этические понятия в архангельских говорах;
- 2) выявить зоны семантических пересечений и области тесной связи морально-этических понятий в исследуемых говорах;
- 3) описать концептуальное содержание рассматриваемых слов;
- 4) охарактеризовать роль исследуемых нравственных доминант народной культуры в духовной и практической жизни носителей диалекта.

В работе использованы следующие **методы** изучения диалектного материала. Структурно-семантический анализ языкового материала проводится с помощью **описательного** метода. **Лексикографический** метод используется при подаче диалектного материала в форме словарных статей нежесткого характера.

Лингвогеографический метод исследования находит свое проявление в территориальной документации материала (указании на район и населенный пункт). **Лингвокультурологический** метод используется при рассмотрении языка в контексте народной духовной культуры, семантические микрополя и зоны пересечения значений анализируются и на уровне культурной символики. Использование приемов **концептуального анализа** помогает вскрыть глубинные слои народных представлений о мире и охарактеризовать содержание культурных констант.

Принципы отбора и характеристики языковых единиц предполагают анализ всего комплекса синтагматических, парадигматических и ассоциативно-деривационных отношений, в которые вступает рассматриваемое общерусское слово в пространстве диалекта, что соотносится с **методикой выделения семантических полей**, описанной Е.А. Нефедовой в [Нефедова 2008].

Изучению лексем с абстрактными значениями, функционирующих в русских говорах, уделяется недостаточно внимания. Существует мнение, что в диалектном языке преобладает конкретная лексика. **Научная новизна** реферируемой работы заключается в том, что в ней впервые:

1) на диалектном материале представлено комплексное системное описание абстрактной лексики, обозначающей этические понятия;

2) абстрактные сущности, связанные с нравственностью, проанализированы на материале русских говоров с использованием терминов «доминанта языковой картины мира», «культурная константа», «концепт» и др.;

3) реконструирована система морально-этических представлений носителей говоров Русского Севера;

4) в научный оборот введен уникальный материал, показывающий отражение в языке актуальных для народной нравственности понятий: проанализировано около 6 тыс. словоупотреблений (например, около 2100 контекстов для словообразовательного гнезда с корнем *добр-* и более 700 контекстов для лексем, входящих в гнездо с корнем *зл-*). Столь

репрезентативный массив диалектных контекстов позволяет обеспечить надежность и **достоверность** результатов выносимой на защиту работы.

Теоретическая значимость работы заключается в применении методов лексико-семантического и когнитивного анализа к диалектному материалу с непредметной семантикой. В диссертации подтверждена результативность подхода к описанию семантики и сочетаемости общерусского слова и связанных с ним в диалектном пространстве слов (дериватов, синонимов, омонимов и др.) как микрополя, представленного в объемной проекции и являющегося точкой пересечения трех осей системных отношений (синтагматических, парадигматических и ассоциативно-деривационных).

В диссертации доказана возможность представления модели семантического микрополя в виде трех секторов, соответствующих структуре прототипической ситуации, обозначаемой базовым именем культурной константы: 1) нравственное состояние, 2) носители этого состояния, 3) поведение и действия носителей нравственного состояния.

Результаты проведенного исследования имеют **практическую значимость** для создания словарных статей «Архангельского областного словаря»; они могут быть использованы в лекционных курсах, на семинарских занятиях и спецкурсах по диалектологии, лексикографии, лексикологии, этнолингвистике, при изучении ЯКМ и концептосферы русского языка.

Положения, выносимые на защиту:

1. Важнейшими нравственными ориентирами носителей архангельских говоров являются морально-этические понятия, которые в говорах выражаются общерусскими словами *добро*, *зло*, *совесть*, *стыд*, *честь* и *позор*, а также их многочисленными дериватами и диалектными синонимами *худо*, *лихо*, *страм*, *позорá* и др.

2. Общерусские слова, выражающие морально-этические понятия, обнаруживают глубокую полисемию, сохраняя и развивая архаичные значения, восходящие к этимону и зачастую не отражаемые современным литературным языком (*добро* 'имущество', *честь* 'уважение', *позор* 'вид' и др.).

3. Концептуальное содержание общерусского слова в пространстве диалекта не полностью соответствует тому, которое выявляется на материале литературного языка.

4. Общерусское слово в говорах формирует словообразовательное гнездо, лексемы и семемы внутри которого связаны ассоциативно-деривационными отношениями. Семантика производящих слов *добро*, *зло*, *совесть*, *стыд*, *честь* и *позор* находит продолжение и дальнейшее развитие в дериватах.

5. Выявляется тесная связь четырех культурных констант, выражающих внутреннюю позитивную (СОВЕСТЬ), внутреннюю негативную (СТЫД), внешнюю позитивную (ЧЕСТЬ) и внешнюю негативную (ПОЗОР) оценку поведения человека в социуме. Эти константы образуют «нравственный квадрат», каждый член которого в ходе исследования сопоставляется с остальными.

6. Общерусские слова, обозначающие морально-этические понятия, и семантические объединения, которые они формируют в изучаемых говорах, составляют основу своеобразной «шкалы нравственности», по которой носители традиционной народной культуры оценивают свое и чужое поведение. Полюсами этой шкалы нравственности являются члены базовой морально-этической оппозиции ДОБРО — ЗЛО¹.

Апробация диссертационной работы прошла в форме 21 доклада на различных всероссийских и международных конференциях: «XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Л.А. Вербицкой» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2020 г.); «VI Международный конгресс исследователей русского языка “Русский язык: исторические судьбы и современность”» (Москва, МГУ, 2019 г.); «Актуальные проблемы русской диалектологии» (Москва, ИРЯ РАН, 2018 г.); «Славянский мир: язык, литература, культура» (Москва, МГУ, 2018 г.); «Четвертые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка» (Оренбург, ОГПУ, 2018 г.); «Ломоносовские чтения» (Москва, МГУ, 2019 г.); «Международная научная

¹ При использовании в семантических исследованиях новейшего нейросетевого подхода шкала оценки «этической тональности», выстроенная с помощью нейронной сети, также базируется на понятиях добра и зла. См. [Кобозева и др. 2022].

конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов”» (Москва, МГУ, 2013–2015, 2017, 2018, 2020 гг.); «III традиционная конференция “Актуальные проблемы современной филологии”» (Москва, 2014 г.), а также на ежегодных отчетных конференциях кабинета диалектологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по итогам летней диалектологической практики (2012–2014, 2016, 2018 гг.).

По теме диссертационного исследования опубликовано 15 научных работ общим объемом 3,04 п. л., из них 4 статьи в журналах из «Перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук», утвержденного Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России».

Структура работы. Настоящая работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка (253 наименования) и раздела «Приложения».

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. О соотношении языка и культуры

В начале XX столетия в лингвистике господствовала идея, согласно которой язык следует рассматривать «в самом себе и для себя». Так завершили «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра составители книги – Ш. Балли и А. Сеше. Это означало пристальное внимание исключительно к языковому материалу, тогда как носитель языка оказывался вне исследования. В настоящее время в языкознании утвердилась новая лингвистическая парадигма – антропоцентрическая, согласно которой анализ языка неотделим от связанных с ним внеязыковых данных: информации о носителе языка и о культуре, в контексте которой этот язык функционирует. Человек и его мировидение, таким образом, не только оказываются в поле зрения ученых, но и выходят на передний план лингвистических исследований.

Данная парадигма восходит к трудам В. фон Гумбольдта – «О мышлении и речи» (1795) и «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (1836), в которых он отмечал связь языка с национальным духом народа. Гумбольдт был первым, кто применил понятие «внутренняя форма» по отношению к языку, связав внешние формы языка с ментальностью. Ученый сформулировал положение о том, что разные языки являются различными «мировидениями». В лексике и грамматике языка есть то, что можно определить «априорно», вне зависимости от условий каждого отдельного языка, и то, что органически переплетено в конкретном языке и не может быть перенесено в другие языки без искажения смысла. Если в каждом языке существует свой способ «концептуализации» одного и того же, то следует признать, что каждому языку соответствует своя картина мира [Гумбольдт 1984: 37–297].

Зародившись в русле немецкой философии², идея о существовании языковых картин мира лингвистически стала разрабатываться американскими исследователями. Э. Сепир, лингвист и антрополог, автор книги «Язык» [Sapir 1921], считал, что именно язык навязывает человеку определенное мировидение. Связь языка и культуры он объяснял так: культура – это то, что данное общество делает и думает, а язык – то, как оно думает [Сепир 2002].

Ученик Э. Сепира, Б.Л. Уорф, сформулировал основной постулат теории лингвистической относительности, названный позднее гипотезой Сепира – Уорфа: язык определяет мышление [Уорф 1960]. Картина мира, то есть система взглядов, имеющаяся у человека, определяется системой того языка, на котором он говорит. Это означает, что носители разных языков имеют разные представления о мире.

Идеи гумбольдтианства были восприняты «во многих славянских странах, в том числе и в России» [Толстой 1991: 5]. Связь языка и мышления изучали А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, языка и культуры – Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев и др.³ Культура и язык «существуют в диалоге между собой», отражают мировоззрение человека, им присущи схожие черты (например, нормативность и историзм). Культура – это «своеобразная историческая память народа», которую язык хранит, обеспечивая диалог поколений [Телия 1996: 224–226].

Н.И. Толстой называл язык «зеркалом народной культуры, народной психологии и философии» [Толстой 1991: 5]. Он отмечал, что язык рассматривается отдельно от культуры, как один из ее компонентов или как орудие культуры. Сравнение языка и культуры позволило ученому сделать вывод об изоморфизме структур национальной культуры и конкретного языка. Языковые и культурные страты формируют два параллельных ряда «культурологической лестницы»:

² См. [Вайсгербер 2004; Звегинцев 1964–1965; Радченко 1997; Шухардт 1950].

³ См. также [Иванов, Топоров 1974; Потебня 1989, 2016; Успенский 1994].

1. литературный язык – элитарная культура;
2. просторечие – «третья культура»;
3. наречия, говоры – народная культура;
4. аргó – традиционно-профессиональная культура.

Изучение национальной культуры, таким образом, не может базироваться только на анализе данных литературного языка. «Вся народная культура диалектна, <...> ее явления и формы функционируют в виде вариантов, территориальных и внутридиалектных вариантов» [Толстой 1991: 9].

На основе культурологической лестницы Н.И. Толстого филологами Саратовской диалектологической школы О.Б. Сиротининой и В.Е. Гольдиным было определено понятие речевой культуры как составной части культуры народа, связанной с языком, и названы ее типы [Гольдин, Сиротинина 1993, 1997]. О.Б. Сиротинина выделяет «элитарную», «среднелитературную» и «фамильярно-разговорную» культуры и подчеркивает, что нет дисциплины, которая охватывала бы весь русский язык. Изучение неоднородной речевой культуры, по мнению О.Б. Сиротининой, невозможно без анализа крестьянского речевого этикета, имеющего территориальное варьирование⁴ [Сиротинина 2000].

В своей работе «Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения» В.Е. Гольдин выделяет систему признаков, которые отличают народную речевую культуру:

1) непротивопоставленность личной и коллективной сфер общения, коммуникация на бытовом уровне в едином стилевом оформлении (в отличие от дифференциации функциональных стилей литературного языка в зависимости от вида и места речепроизводства);

2) типичные социальные формы организации речевого общения (свадьба, похороны, молодежные гуляния и т. п.);

⁴ Ярким примером такого варьирования может служить различное отношение к личному имени в севернорусских говорах (используются полное имя и отчество: *Иван, Наталья Клавдиевна*) в противопоставлении средне- и южнорусским (употребляются краткие имена, в том числе с суффиксами -к- и -ух-: *Колька, Настюха*), отмеченное Р.Ф. Касаткиной в [Пауфoшима 1989]. – *Примеры авт.*

3) своеобразие когнитивной стороны, проявляющееся в устойчивых речевых формах – «рассказах-пластинках» (в фокусе культуры сельских жителей оказываются такие темы, как семья, дом, хозяйство, промыслы, природа);

4) особая сфера коммуникативных средств (устная форма речи, ее бóльшая изобразительность, диалогичность, заметная рефлексия диалектоносителей над тем, как говорят они и как говорят другие) [Гольдин 2002].

Несмотря на наличие варьирования внутри традиционной сельской речевой культуры, существует два доминантных фактора, ее объединяющих: это «ограниченность коллектива общавшихся» при его хозяйственной самодостаточности и принципиальная установка на «традиционность, ориентацию на прошлое» [Гольдин 2002: 63]. Сочетание этих факторов, по мнению В.Е. Гольдина, и объясняет отношение говоров к территории и отсутствие необходимости в письменной коммуникации.

В настоящем диссертационном исследовании рассматривается важнейший аспект духовной жизни народа и его речевой культуры – морально-этический. «Нравственные установки, религиозная практика, обычаи и нравы русского народа, способы организации его труда и быта, особенности его мышления, чувствования и поведения <...> по-прежнему живут в языке традиционной духовной культуры, оказывая влияние на формирование ее концептосферы [Вендина 2020: 8]. Именно диалекты сохраняют тесную связь с прошлым и то лексико-семантическое богатство, которое со временем утратилось в литературном языке.

Работы Н.И. Толстого не только способствовали развитию диалектологической науки, но и послужили базой для формирования комплексной дисциплины – этнолингвистики, изучающей «план содержания» народной культуры, психологии и мифологии во всем многообразии их реализаций (словесных, предметных, обрядовых и т. д.). В Московскую этнолингвистическую школу входят такие видные ученые и последователи Н.И. Толстого, как С.М. Толстая, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, Г.И. Кабакова, А.А. Плотникова, А.В. Гура, И.А. Седакова и др. Объектами

анализа в работах московских этнолингвистов являются славянские мифы, народный календарь, демонология, поверья, стереотипы обыденного и ритуального поведения, обрядовая лексика и фразеология. Соединение всех этих форм традиционной культуры базируется на понимании «интегральности» культуры, то есть смыслового единства всех ее форм и жанров, обусловленного единой картиной мира воспринимающего и создающего культуру человека.

Особое направление в этнолингвистике представляют работы А.С. Герда, который определяет этнолингвистику как «пограничную дисциплину, лежащую между языкознанием, этнографией и социологией» [Герд 2005: 3]. В книге «Введение в этнолингвистику» [Герд 2005] ученый различает этнолингвистику диахроническую и синхроническую. Первая использует язык для изучения истории и культуры народа, вторая выявляет и решает актуальные национальные проблемы. Другие исследователи относят этнолингвистику целиком к диахронии, называя план синхронии предметом лингвокультурологии: «Лингвокультурология – это та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия 1996: 217; Ковшова 2016].

Как пишет польский этнолингвист Е. Бартминьский, исследователь должен производить «субъектную реконструкцию, пытаясь смотреть на мир глазами носителя изучаемого языкового коллектива». ЯКМ фиксируется в виде устойчивых языковых конструкций – «стереотипов» (термин Х. Патнэма), изучение которых позволяет описать систему духовных ценностей народа. Проводя реконструкцию ЯКМ, польские ученые не разделяют данные диалектного и литературного языков, а также объединяют диахронию⁵ и синхронию. «Если мы изучаем современность, то это не значит, что мы забываем о прошлом» [Бартминьский 2005: 23–38].

Е.Л. Березович, вслед за польскими лингвистами, предлагает не разграничивать этнолингвистику и лингвокультурологию по отношению к

⁵ Историзм – отличительная черта Московской этнолингвистической школы. См. [Хроленко 2000, Юдин 1988].

диахронии / синхронии, так как считает основной задачей обеих дисциплин реконструкцию «традиционной языковой картины мира» с помощью «таких источников этнокультурной информации», которые позволили бы представить ее «наиболее полно и системно» [Березович 2007: 19]. Углубление анализа, по мнению Е.Л. Березович, требует выхода в макросемантику, оперирующую такими «пространствами смыслов», как семантические поля (термин Й. Трира).

1.2. Семантические поля и методики их выделения

В науке существуют разные принципы выделения семантических полей. Их объем и содержание неоднократно становились предметом для научной дискуссии в 1970-х гг. [Щур 1974]. В книге Ю.Н. Караулова «Общая и русская идеография» [Караулов 1976: 23–32] приводится более тридцати определений семантического поля, при всем разнообразии которых очевидна их общность – парадигматический подход. Долгое время оставалась нерешенной проблема рассмотрения полисемии – в границах одного или нескольких полей.

Н.И. Толстой первым вышел за пределы парадигматического подхода к семантическому полю, предложив новую методику его выделения, состоящую в выборе опорной многозначной лексемы и выявлении лексем, альтерирующих с каждым из ее значений. Амплитудой колебания семантики опорной лексемы охватывается весь спектр ее значений и определяются границы поля [Толстой 1963: 38].

В работах филологов, использующих понятие «семантическое поле», прослеживается его различное «наполнение» в зависимости от объекта исследования и методов каждого конкретного ученого. В.Г. Гак формировал поля по принципу словообразовательных гнезд. Этимоны слов, входящих в такие формально-семантические поля, по его мнению, должны быть обязательно связаны с общим понятием [Гак 1998]. С.М. Толстая пишет о семантическом поле как полном спектре значений праславянского слова [Толстая 2002: 98]. Ж.Ж. Варбот рассматривает «морфо-семантические поля» (термин П. Гиро [Giraud 1956]), структурируя их по гнездовому принципу, характерному для этимологических исследований [Варбот 1995: 60–65]. Д.Н. Шмелев особое внимание уделял «эпидигматическому полю», т. е. словообразовательной и семантической деривации [Шмелев 1973: 191]. В виде «ономастического поля» представляет результаты своих научных изысканий В.И. Супрун [Супрун 2000].

Е.Л. Березович предлагает этнолингвистический метод анализа семантических полей на трех уровнях: собственно семантическом (логическая

группировка слов в зависимости от их значений), мотивационном (группировка слов на основе мотивационных моделей) и на уровне культурной символики (анализ символических значений слов, приобретаемых в языке культуры) [Березович 2007: 22–23].

Таким образом, не существует единственно возможного деления языковых единиц на семантические поля. Применение какого-либо конкретного метода диктуется материалом и теми «целями, которые лингвист ставит перед собой» [Клепикова 1977: 163]. Методика выделения семантических полей, предложенная Е.А. Нефедовой, заключается в том, что при анализе диалектного материала учитываются все три оси семантических отношений – синтагматических, парадигматических и ассоциативно-деривационных. Внутри поля оказываются базовые слова, а также их семантические и словообразовательные дериваты. В результате семантическое поле представляет собой «узел системных отношений слов с общим семантическим признаком» [Нефедова 2008: 91–92]. Этому принципа исследования языкового материала придерживается и автор настоящей работы.

1.3. Современные семантические школы

В современной русистике изучение семантики языковых единиц «с последующей их культурной интерпретацией» проводится по трем направлениям: 1) интегральное описание языка и системная лексикография Московской семантической школы (МСШ) под руководством Ю.Д. Апресяна; 2) метод «естественного семантического метаязыка», используемый А. Вежбицкой и ее последователями; 3) «Новомосковская школа концептуального анализа», к которой себя относят А.Д. Шмелев, Анна А. Зализняк и И.Б. Левонтина.

Представители МСШ формируют систему ключевых слов-концептов, основываясь только на фактах языка. Языковые единицы – главный источник информации о русской ЯКМ. По Ю.Д. Апресяну, представления о мире составляют фоновые знания, заложенные в пресуппозиции лексического значения слова, они не входят в ассертивную часть [Апресян 2006: 34–35].

При анализе лексического значения Ю.Д. Апресян опирается на работы Л.В. Щербы и В.В. Виноградова [Апресян 1995а: 6–7]. Именно Л.В. Щерба впервые высказал идею о том, что лексическое значение слова – это «обывательское» понятие, которое может наполняться смысловыми и эмоциональными ассоциациями. Апресян развил эту мысль: смысловые и эмоциональные ассоциации (коннотации и экспрессивность) он назвал «прагматическим компонентом» значения, а обывательское понятие – «наивным», что позволило ученому сформулировать важнейший постулат МСШ, согласно которому языковая картина мира является «наивной», а не научной. «При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные» [Апресян 1995б: 351].

О принципиальной нетождественности научной и наивной картин мира пишет в своей монографии О.А. Корнилов, отмечая их параллельное существование и взаимовлияние, но подчеркивая, что это «конструкты разных

видов сознания» с различными функциями. Наивная ЯКМ стабильна и существует для сохранения и воспроизведения упрощенной структуры внешнего мира, обеспечивая тем самым преемственность языкового мышления носителей языка традиционно сложившимися категориями [Корнилов 2013]. Лингвистический императив о необходимости концептуальной интерпретации систематизированной лексики, сформулированный О.А. Корниловым, восходит к высказыванию Ю.Д. Апресяна о том, что наивные представления каждой из областей картины мира «не хаотичны, а образуют определенные системы» [Апресян 1995б: 351].

Доказательства системности лексики, подробно описанные в трудах Ю.Д. Апресяна, базируются на высказываниях В.В. Виноградова (о зависимости значения слова от контекстов и от лексических связей с другими словами) и Л.В. Щербы – о том, что значения слов внутри словосочетания дают не «сумму значений», а «более сложный продукт» [Апресян 1995а: 6–7]. Таким образом, моделирование картины мира на базе лексики и фразеологии⁶ невозможно без формирования лексических групп и анализа сочетаемости.

А. Вежбицкая считает, что «изучение лингвистической картины мира, проявляющейся в семантике отдельных языков, – прекрасная <...> перспектива для лингвистов XXI века» [Вежбицкая 2012: 633]. В своей книге «Язык. Культура. Познание» [Вежбицкая 1996] и в других работах по сопоставлению различных языков и культур⁷ она показывает, что язык тесно связан с мышлением людей, их чувствами и образом жизни. Подход исследовательницы базируется на следующих утверждениях:

1. «Слова любого языка уникальны по своей семантике». В каждом языке есть свои зоны особой словарной разработанности. Так

⁶ ЯКМ также извлекается из грамматических категорий, словообразовательных средств и синтаксических конструкций.

⁷ Среди них – подробный анализ семантики слов, обозначающих эмоции в разных языках, в книге «Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals» («Эмоции в разных языках и культурах: различия и универсалии» – Пер. авт.) См. [Wierzbicka 1999], а также [Вежбицкая 1999].

проявляется интерес носителя языка к определенной области предметов.

2. Показателем важности определенных слов для мышления людей является их частотность в речи. Частота употребления слова в разных языках разная.
3. Отдельные слова могут считаться ключевыми для языка и культуры, с ним связанной. Ключевые слова формируют «культурные скрипты» [Вежбицкая 2012: 627].

Как отмечает А.Д. Шмелев, А. Вежбицкая «первостепенное значение придает метаязыку описания» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 611]. Все толкования в ее работах даются на «естественном семантическом метаязыке». Элементы такого языка универсальны, то есть имеют выражение во всех естественных языках. Это делает толкования «культурно независимыми, то есть понятными носителям всех языков и культур». А.Д. Шмелев оспаривает этот тезис, ссылаясь на неполное соответствие английского *want* и русского *хотеть*, отмеченное Ю.Д. Апресяном [Там же: 611]. А. Вежбицкая считает такие различия незначительными, называя их «резонансом» языковых единиц (термин К. Годдарда).

Новомосковская школа концептуального анализа является продолжением линии, намеченной в МСШ, что отражено в первой части самоназвания группы ученых. Подход А. Вежбицкой также методологически близок этому направлению исследования. Основное отличие от своих предшественников А.Д. Шмелев видит в том, что для него и его коллег «проблема толкований играет существенно меньшую роль» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 611]. Поиски правильных толкований были необходимы во время работы над «Новым объяснительным словарем синонимов русского языка» (МСШ) или при описании мироощущения билингвов (А. Вежбицкая). Труды Новомосковской школы направлены на более глубокое изучение картины мира, которое строится на анализе концептуализации мира, закодированной в языке, при этом основное внимание уделяется языку современного городского жителя.

Основные тезисы программы Новомосковской школы определены в [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 11–12, 286–295, 610–620]:

1. Каждый естественный язык отражает определенную языковую картину мира, то есть способ восприятия и устройства мира. Это система взглядов, навязанная всем носителям языка.
2. Представления, формирующие ЯКМ, входят в значения слов «в неявном виде». Человек неосознанно принимает взгляд на мир, заключенный в языке, на котором он говорит. Обнаружение неявных смыслов требует детального семантического анализа.
3. «Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке». Например, носители русского языка интеллект связывают с *головой*, а эмоции – с *сердцем* (мы говорим *светлая голова* и *доброе сердце, храним в голове, а чувствуем сердцем* – примеры А.Д. Шмелева).
4. ЯКМ формируется системой ключевых концептов и ключевых идей (ср. ключевые слова и «культурные скрипты» у А. Вежбицкой). Для русской ЯКМ это *душа, совесть, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость* и др. Эти слова «лингвоспецифичны», так как для них трудно найти равноценные аналоги в других языках.
5. Особыми картинами мира характеризуются различные диалекты русского языка, язык фольклора, городское просторечие, различные жаргоны, обценный дискурс и т. д. Для ЯКМ наиболее существенны общеупотребительные слова.

Всех перечисленных выше исследователей объединяет пристальное внимание к синтагматике. Выводы о семантике единиц и картине мира делаются, как правило, на основе анализа сочетаемости языковых единиц – тех самых «ключевых слов». Работа Новомосковской школы в большей степени направлена на концептуальный анализ.

1.4. Методика концептуального анализа

Изучение концептосферы занимает все более заметное место в современной науке⁸. В.В. Красных связывает этот факт с антропоцентризмом, особым интересом к человеку у ученых различных областей знания, и называет его «новым Возрождением» [Красных 2010: 214].

Впервые термин «концепт» использовал С.А. Аскольдов в 1928 г. в своей статье «Концепт и слово». В советской лингвистике этот термин начинает формироваться в середине 1970-х гг. Среди отечественных ученых-концептологов – З.Д. Попова и И.А. Стернин, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова и др.⁹ Определяя понятие «концепт», современные исследователи (например, Р.М. Фрумкина, Л.О. Чернейко, В.В. Красных) ссылаются на формулировку А. Вежбицкой: концепт – «объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий определенные культурнообусловленные представления человека о мире “Действительность”» (см. [Фрумкина 1995], [Чернейко 1997], [Красных 1998]). В своих более поздних работах Л.О. Чернейко называет концепт «моделью содержания ключевых слов культуры», отражающей «мифологизирующую способность разума» [Чернейко 2012: 159–160].

Ю.С. Степанов считает концепт «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2001: 43]. В.В. Колесов также называет концепт «основной единицей ментальности», понимая под ментальностью мировосприятие в категориях родного языка, а под менталитетом – наивную картину мира, то есть «систему смысловых, или семантических, полей» [Колесов 2007: 10–11, 24]. Е.С. Кубрякова определяет концепты как «некие идеальные сущности», которые фиксируются с помощью языка и выстраиваются в ряд «меток на непрерывном пространстве смысла» [Кубрякова 2010: 330–331].

⁸ Что отражено, например, в таких сборниках, как «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» [Роль... 1988] и «Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений» [Рус. слово... 2003].

⁹ См. [Карасик 2004; Кузнецов 2000; Маслова 2004; Нерознак 1998; Попова, Стернин 1999; Прохоров 2009] и др.

Следовательно, значения слов не могут быть сведены только к концептам, так как концепты – лишь «посредники между словами и экстралингвистической действительностью» [Кубрякова 1996].

Концептосфера – одно из важнейших понятий когнитивной лингвистики. Это свод знаний, состоящий из концептов и обобщающий различную информацию о мире. Концептосфера организует «мыслительные картины», «схемы», «символы», «понятия», «фреймы», «сценарии», «гештальты», «пропозиции», «когнитемы», представляя их в виде абстрактных значений. Термин «концептосфера» ввел в науку академик Д.С. Лихачев. По определению Д.С. Лихачева, концептосфера – это совокупность концептов, она объединяет как «потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека», так и «всего языка в целом» [Лихачев 1993: 5]. Богатство концептосферы нации определяется богатством ее культуры.

Первопроходцем в разработке концептуального анализа, предполагающего восстановление знаний и представлений, связанных с конкретным словом и проявляющихся в его сочетаемости с предикатами, традиционно считается Дж. Лакофф [Лакофф 1981; Lakoff 1987]. В книге «Метафоры, которыми мы живем» (написанной в соавторстве с М. Джонсоном в 1990 г.) метафорические понятия называются «концептами» [Lakoff, Johnson 1990]. «Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека», – утверждает Лакофф [Лакофф, Джонсон 2010: 270].

Л.О. Чернейко в своей монографии «Лингво-философский анализ абстрактного имени» отмечает, что задолго до Дж. Лакоффа и В.А. Успенского (развивающего концепцию Дж. Лакоффа на русском материале) А.М. Пешковский писал о «персонификации отвлеченных понятий» (*совесть заедает, беда ходит*), а В.С. Соловьев называл слова *мысль* и *ощущение* «образами бытия личности» [Чернейко 1997: 288]. Там же подробно описываются споры вокруг подхода Дж. Лакоффа и его последователей. Их метод подвергался критике со стороны таких ученых, как Ю.Д. Апресян и В.Г. Гак. Основной

недостаток метафорического подхода виделся им в том, что «метафора принимается за конечный продукт лингвистического анализа» [Апресян В. 2010: 296].

Л.О. Чернейко доказывает правомерность концептуального подхода к анализу абстрактных имен. Абстрактные имена отличаются от всех остальных тем, что заключают в себе метафизические понятия и относятся к ассоциативным представлениям – мифологемам. Поэтому мы можем утверждать, что не ассоциации возникают на основе сочетаемости, а несвободная сочетаемость слова обусловлена его ассоциативным потенциалом. «Через сочетаемость осуществляется символизация умопостигаемой сущности, стоящей за абстрактным именем: <...> *интриги плетут, а козни строят*» [Чернейко 1997: 288]. Таким образом, буквальное прочтение метафорической сочетаемости слова – действенный способ изучения абстрактного имени и его семантики, позволяющий обнаружить гештальты – «маски, которые язык надевает на абстрактное понятие» [Чернейко 1997: 301].

Изучение концептосферы диалектного языка началось относительно недавно. К настоящему моменту наибольших успехов в этой области добилась Томская диалектологическая школа, исследующая «культурное пространство» (концепты, традиции, ценности и т. д.) говоров Среднего Приобья. Это работы О.И. Блиновой, Т.Б. Банковой, Т.А. Демешкиной, Л.Г. Гынгазовой, Г.В. Калиткиной и др.¹⁰ Вслед за Ю.С. Степановым, автором словаря констант русской культуры [Степанов 2001], томские диалектологи все чаще говорят не о концептах, а о константах – устойчивых, неизменных и постоянных единицах, комплекс которых определяет «своеобразие духовно-нравственных и мировоззренческих представлений носителей культуры» [Банкова, Угрюмова, Агапова 2017: 9–11].

Важнейшие нравственные ориентиры, описанные в настоящем исследовании, правомерно считать константами духовной культуры сельских жителей. Эти фундаментальные понятия нравственности, присущие всем

¹⁰ См. [Блинова 2002; Демешкина 2004; Ефанова 2013].

носителям русского языка, представлены в исследуемых говорах устойчивым и широко употребительным пластом лексики с развитыми полисемией, синонимией, фразеологией и сочетаемостью, анализ которых приводит к выводу об их безусловной культурной значимости.

1.5. Диалектная картина мира

Соответствие каждому языку своей картины мира – это общепризнанный в научном мире факт. Однако, как отмечают в своих работах А.Д. Шмелев, Е.А. Нефедова, Е.Л. Березович, недостаточно реконструировать национальную языковую картину мира только на материале литературного языка [Нефедова 2008: 85]. В таком случае, несмотря на тщательные научные разработки в этой области, мы будем иметь лишь частичные представления о своеобразии русской ЯКМ.

Диалектологические исследования проводятся в рамках трех научных парадигм: 1) структурно-системной, где диалектные единицы сопоставляются друг с другом; 2) функциональной, когда данные говоров сравниваются с единицами литературного языка; 3) коммуникативной, внутри которой поиск общих для всех диалектов черт позволяет охарактеризовать народную речевую культуру. «Диалектологические и этнолингвистические исследования свидетельствуют о том, что русские народные говоры являются речевым воплощением особой традиционной народной культуры» [Гольдин 2000: 58].

Некоторые диалектологи говорят о «единой диалектной картине мира». Например, С.М. Белякова понимает под этим термином «систему традиционно-народных представлений о мире», отличающуюся «эkleктичным характером» (вариативностью), «антропометризмом» (человек – мера всех вещей) и «антропоморфностью» (оживление в речи природного и вещного мира) [Белякова 2011: 18–21].

Диалектная картина мира, безусловно, отличается от той, которая отражается в литературном языке, однако нет оснований говорить о разных картинах мира. Между элитарной и народной культурой есть различия, но их гораздо меньше, чем сходств. Отношение к жизни и смерти, семье и труду, будням и праздникам имеет общенациональную специфику. В.Е. Гольдин и А.Д. Шмелев видят основу единства русской ЯКМ в «общеупотребительных словах» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 654].

Своеобразие диалектной картины мира «получает яркое выражение в ее когнитивной стороне»: носители диалектного языка понимают мир мифологически, их речь проявляет иную степень культурной разработанности, нежели речь носителя литературного языка [Гольдин 2002: 60]. Специфику концептов в народной культуре описывает в своих работах Л.А. Грузберг (см., например, [Грузберг 2004]).

Исследования семантических полей, возглавляемых именами важнейших понятий общечеловеческой значимости, проведенные на материале архангельских говоров, обогащают традиционные представления о диалектной картине мира.

Диалектный материал дает возможность анализировать более широкие круги сочетаемости слов, их оригинальные мотивировки и коннотации. Так, например, широко употребляемое в исследуемых говорах выражение *время далёко* ('прошло много времени') отражает архаическое восприятие движения времени «в пространственных категориях, как ушедшее от говорящего далеко вперед» [Нефедова 2007: 10] (ср. с сохранившимся в литературном языке словом *предок* – тот, кто перед нами, а не позади). Тезис об иной культурной разработанности диалектной ЯКМ можно проиллюстрировать и бóльшим кругом слов, обозначающих в архангельских говорах внебрачного ребенка: *сколо́ток* (мотивирующий глагол *сколотить* – 'родить вне брака'), *найде́ньши*, *прижи́той* (от *прижить* – 'зачать вне брака'), *нагу́льши* (от *гулять* – 'вести непристойный образ жизни'), *беззако́нник*, *безба́тьковщина* ('рожденный без законного отца') *любодéланной* ('зачатый в любви'), *зауго́лок* ('зачатый тайно' – за углом), *гото́вьши*, *довéсок*, *чужа́к* и мн. др. [Коконова 2011: 122–129].

Закономерности переходов номинаций из одной семантической области в другую рассмотрены в монографии Е.А. Нефедовой «Многозначность и синонимия в диалектном пространстве» на примере семантических полей 'ВРЕМЯ' и 'ЖИЗНЬ', 'ВРЕМЯ' и 'ПОГОДА' [Нефедова 2008]. Взаимообмен номинациями между семантическими полями 'БОЛЕЗНЬ' и 'ТОСКА' рассмотрен Е.А. Ковригиной в [Ковригина 2022].

Включение диалектных данных в анализ культурно значимых концептов позволяет «выявить общую и вариативную часть национальных представлений о мире» и «представить русскую концептосферу в единстве, исключающем деление языка на высшую и низшую сферы» [Нефедова 2015: 263]. Таким образом, следует говорить не о разных ЯКМ, а о вариантности национальной картины мира [Нефедова 2008: 86].

1.6. Говоры архангельского региона и «Архангельский областной словарь»

Архангельская область расположена на севере Европейской части России. Она граничит на западе с Карелией, на севере – с Мурманской областью (граница проходит через Белое море), на юге – с Вологодской и Кировской областями, на востоке – с Республикой Коми¹¹. На данной территории «населенные пункты группируются исключительно по течению больших рек» и говоры не являются однородными [Пожарицкая 2005: 221].

Говоры архангельского региона, образовавшиеся при слиянии древнейших новгородских и ростово-суздальских говоров, сохраняют свои традиционные черты и не утрачивают коммуникативную активность. Такая устойчивость стала возможной благодаря изолированности большей части территории Архангельской области и однородности ее национального состава (92,1% населения – русские) [Плешкова 2005]. Сохранение диалектного языкового ядра позволяет вскрывать глубинные пласты национальной культуры.

На «Диалектологической карте русского языка в Европе» 1915 г. территория Архангельской области входила в Поморскую, Олонецкую группы говоров, а также в Восточную группу северновеликорусского наречия. Обследование этой территории для «Диалектологического атласа русского языка» 1964 г. проводилось только до 62-й параллели с. ш., то есть в атлас вошла лишь часть архангельской территории.

О.Г. Гецова доказала, что архангельские говоры должны быть выделены в отдельную группу, поскольку они имеют общие языковые черты: 20 фонетических, 20 морфологических, 18 синтаксических и 9 акцентологических [Гецова 1997]. В настоящее время факт существования отдельной группы архангельских говоров не подвергается сомнению¹². Подробнее эта тема рассмотрена в [Нефедова 2016а], где указывается на не вполне совпадающие

¹¹ Карту Архангельской области см. в *Приложении 1*.

¹² См. выделение данных говоров в отдельную группу в учебниках по диалектологии: [Русская диалектология 2005], [Пожарицкая 2005] и др.

понятия: «Архангельская группа говоров как единица диалектного членения... и архангельские говоры как региональная база исследования фрагмента общей макросистемы русского диалектного языка¹³» [Нефедова 2016а: 81]. Лексика архангельских говоров во втором смысловом наполнении этого термина представлена в «Архангельском областном словаре».

«Архангельский областной словарь» (АОС) – масштабный лексикографический проект кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Начало формирования его картотеки относится к 1956 г., когда состоялись первые лексикографические экспедиции студентов и преподавателей Московского университета на территорию Русского Севера. В 1970 г. вышел «Проект Архангельского областного словаря» [Гецова 1970].

АОС – полидиалектный системный словарь академического типа. Главным критерием отбора лексики для него является ее отличие от нейтральных слов литературного языка. Помимо диалектной, в АОС включается просторечная, разговорная, устаревшая либо стилистически окрашенная (в литературном языке) лексика, не имеющая такой окрашенности в говорах. «Основанием для такого подхода является положение о том, что в говорах слова, общие с литературным языком, оказываются в иных системных отношениях с другими словами и это проявляется в их семантике и сочетаемости» [Нефедова 2013: 66]. Поэтому любое отличие слова, зафиксированного на исследуемой территории, от литературного языка позволяет внести его в словник АОС.

Изначально задуманный как дифференциальный особого типа (включающий все единицы с семантическими отличиями от слов литературного языка), словарь постепенно переходит в разряд полных (включающих всю лексику данного региона), поскольку в статьях на общерусские слова больше не отсекаются значения, общие с литературным языком [Нефедова 2013; Нефедова, Качинская, Коконова 2013].

¹³ Макросистема диалектного языка – в терминологии Р.И. Аванесова. См. [Аванесов 1964; Калнынь 2002].

Сегодня бумажная картотека АОС насчитывает уже более 5 млн словоупотреблений. С каждым годом растет электронная база данных, объединяющая оцифрованные карточки с новыми полевыми записями, создаваемыми сразу в электронном виде. В словаре представлена лексика говоров более 300 населенных пунктов Архангельской области.

К настоящему времени издано 22 выпуска (буквы А–З) под редакцией О.Г. Гецовой (вып. 1–12), О.Г. Гецовой и Е.А. Нефедовой (вып. 13–15), Е.А. Нефедовой (вып. 16–22).

На базе огромной картотеки АОС проведено описание семантических областей, соотносящихся с базовыми понятиями народной речевой культуры. Исследованы такие области, как *время, простор, свобода и воля, жизнь, рождение и смерть, вера, дух и душа*, народное православие, народные праздники, родственные отношения [Нефедова 2000, 2007, 2014, 2016б, 2021; Качинская 2011; Кокконова 2011; Панина 2015]. На материалах опубликованных выпусков и картотеки АОС базируется и настоящее исследование.

1.7. Общерусское слово в диалектной макросистеме

Изучение функционирования общерусских слов в диалектной макросистеме – актуальная и перспективная задача современной диалектологии. Общерусское слово «оказалось втянутым во все основные культурные <...> сферы жизнедеятельности диалектоносителя» [Пак 2010: 7]. Следовательно, им нельзя пренебрегать при изучении народной культуры.

Под общерусским словом, по определению О.Г. Гецовой, понимается слово, общее для говоров и литературного языка, но не заимствованное говорами, а существовавшее в них всегда [Гецова 1972]. Специфика семантической структуры общерусского слова заключается в «чрезвычайно широкой сфере референции, диффузии семантических границ, широкозначности слов данной категории» [Пак 2010: 7].

О системообразующей роли общерусского слова в говорах пишет в своих работах Е.А. Нефедова [Нефедова 2010, 2012 и др.]. Общерусские слова являются «центрами системных отношений: развивают многозначность, группируют вокруг себя многочисленные синонимические ряды и фразеогруппы. В семантической и словообразовательной деривации и фразеологии проявляется их коннотативный потенциал» [Нефедова 2013: 69]. Именно общерусские слова обладают в говорах более развитой семантической структурой: сохраняют архаичные значения, уже утраченные литературным языком; становятся вершинами разветвленных словообразовательных гнезд и семантических полей; реализуются в условиях нестандартной сочетаемости и обладают богатым концептуальным содержанием.

Слова *совесть, честь, стыд, позор, добро, зло* относятся к группе общерусских слов. Они имеют историческую природу и генетически принадлежат к общеславянскому слою лексики; фиксируются во всех словарях русского литературного языка и активно функционируют в говорах; их основы служат для формирования словообразовательных гнезд, сохраняя семантическое тождество слова.

Е.А. Нефедова отмечает, что для современных говоров характерны «различия в объеме и содержании универсальных базовых понятий общечеловеческой значимости, таких как *время* и *пора*, *свобода* и *воля*, *совесть* и *стыд*» [Нефедова 2015: 260]. Поэтому анализ функционирования в архангельских говорах общерусских слов с семантикой нравственности представляется актуальным и может выходить далеко за рамки настоящего исследования.

ГЛАВА 2. «НРАВСТВЕННЫЙ КВАДРАТ»: СОВЕСТЬ, ЧЕСТЬ, СТЫД, ПОЗОР

Семантический универсум любого народа немислим без ценностных ориентиров, зафиксированных в языке. Каждый язык так или иначе отражает видение мира на эмоциональном и ценностном уровнях. Однако для русского языка характерна особая расширенная зона морально-этической оценки¹⁴, связанная, прежде всего, с этноспецифичным понятием совесть¹⁵.

В.В. Колесов объясняет это тем, что менталитет народов Западной Европы направлен на рассудок и мысль, у них 'совесть' и 'сознание' обозначаются одним латинским словом – *conscientia*. Современные европейские языки подтверждают соединение совести и сознания в народном восприятии: фр. *conscience*, итал. *conscienza*, англ. *conscience*, нем. *Gewissen*. Для народов Восточной Европы настроение и душа – более важные ценности, чем *ratio* [Колесов 2007: 12]. «Душа – главное понятие народной антропологии», локализуется внутри тела человека, для русского сознания – в сердце или около него [СДЭС II: 162]. Поэтому исконное 'совместное знание' в русском языке выражается двумя словами: *сознание* связывается с разумом, а *совесть* – с нравственностью [Колесов 2007: 500].

Для диалектной картины мира характерно тесное переплетение понятий внутренней и внешней моральной оценки: помимо совести культурно значимыми оказываются понятия стыд, честь и позор. В данной главе будет рассмотрено

¹⁴ Что не раз отмечалось лингвистами, например, А. Вежицкой в [Вежицкая 1996]. Об этическом компоненте русской ЯКМ см. в [Дмитриева 2011; Емец 1996; Касьянова 1994; Кругликова 1998; Миронюк, Каминьски 2003; Ситникова 2009; Суrowягин 1995; Уфимцева 1996; Харитонов 1997].

¹⁵ В настоящей работе понятия показываются обычным шрифтом (добро, совесть), а номинативные единицы языка – курсивом (*добро*, *совесть*). Значения слов заключаются в одинарные кавычки (*по совести* – 'честно'). Имена концептов, называющие соответствующие семантические микрополя, даются прописными буквами (ДОБРО, СОВЕСТЬ). Иллюстративный материал приводится в упрощенной транскрипции с расстановкой ударения по правилам, принятым для «Архангельского областного словаря» [АОС I: 50–52]. Каждый диалектный контекст снабжается кратким указанием на район и деревню, где он был зафиксирован. Список топонимических сокращений см. в *Приложении 2*.

семантическое пространство, соотносящееся с понятиями совести, чести, стыда, позора, представленными в говорах словами *совесть*, *честь*, *стыд* и *позор*, которые являются именами соответствующих базовых понятий русской национальной культуры.

В архангельских говорах границы семантического пространства, соотносящегося с этими базовыми понятиями, определяются амплитудой семантического и словообразовательного варьирования имен, являющихся общерусскими словами. В совокупности синтагматических, парадигматических и ассоциативно-деривационных отношений рассматриваемых слов выявляется единое смысловое пространство, которое может быть определено как семантическое микрополе.

Четыре микрополя соотносятся между собой, образуя вершины «нравственного квадрата» (см. табл. 1).

Оценка	Внутренняя	Внешняя
Позитивная	СОВЕСТЬ	ЧЕСТЬ
Негативная	СТЫД	ПОЗОР

Таблица 1. «Нравственный квадрат» в архангельских говорах.

Внутри этого квадрата они могут быть попарно противопоставлены: СОВЕСТЬ и ЧЕСТЬ как выразители позитивной оценки – СТЫДУ и ПОЗОРУ как выразителям негативной оценки чьих-либо действий; СОВЕСТЬ и СТЫД как внутреннее осознание моральности / аморальности своих действий – ЧЕСТИ и ПОЗОРУ как внешней реакции социума на чей-либо нравственный / безнравственный поступок.

Описание указанных микрополей в каждом из параграфов 2.1–2.4 будет проводиться по следующему плану:

А. Историко-лингвистический комментарий – этимологическая справка, толкование слова в различных словарях и работах авторитетных ученых.

Б. Анализ семантики и сочетаемости общерусского слова, именующего микрополе, в архангельских говорах.

В. Анализ семантики других единиц микрополя – словообразовательных дериватов имени базового понятия: а) атрибутов, характеризующих субъекта описываемой ситуации, б) предикатов и предикативов¹⁶, описывающих эту ситуацию.

¹⁶ Под термином «предикатив» мы, вслед за чешскими лингвистами, будем понимать слова, обозначающие статическое состояние и выступающие в функции сказуемого. Этот термин своей внутренней формой выражает синтаксическую функцию (т. е. функцию предиката) рассматриваемых слов, что является существенным для их анализа в рамках данной работы.

2.1. СОВЕСТЬ

У каждого из нас внутри нечто вроде метронома – такой поразительный, самодействующий инструмент, самый тонкий механизм на свете. Люди зовут его совестью...
(Дж. Голсуорси)

А. Историко-лингвистический комментарий

Слово *совесть* уходит корнями в эпоху активного заимствования из греческого языка после принятия христианства. *Совесть* – калька с греческого перфектного причастия *συνείδησις* (в свою очередь, родственного слову *εἶδω* – ‘видеть, созерцать’), заимствованная через посредство церковнославянского языка и родственная слову *ведать* (ст.-сл. ВѢДѢТИ – ‘знать’), близкого *видеть*. Ср. лат. *conscientia* – ‘сознание’ [Фасмер III: 705]. При образовании этого слова используется и.-е. приставка (*συν-/con-/co-*). Значения корней ‘видеть’ и ‘знать’ тесно переплетаются. Наиболее ранняя общеславянская форма *съвьсть* сохраняется почти во всех современных языках славянской группы: укр. *совість*, болг. *съвест*, чеш. *svědomí* и др.

Подробный этимологический анализ слова *совесть* можно найти в статье М.В. Рукавишниковой «Совесть как многогранный феномен» [Рукавишникова 2009]. В частности, там объясняется, что связь с производящей основой *-вьд-* утрачивается, когда ударение переходит с корня (где оно находилось после калькирования с греческого) на приставку и русский язык усваивает форму *сѡвесть*.

От анализа этимологии лексемы М.В. Рукавишниковой переходит к описанию феномена совести и подробно разбирает эволюцию понятия *совесть* в античной и средневековой философии. Впервые термин *συνείδησις* появляется у Демокрита, который связывал *совесть* с долгом и стыдом. Так, человек добровольно следует долгу, предписанному обществом, и даже если совершает злодеяние, то всегда осознает это. Со времен Платона в совести заложен компонент нравственной оценки. Аристотель рассматривает понятие с этической

точки зрения и тесно связывает совесть с добром. В своей «Этике» Стагирит называет совесть «правильным судом доброго человека». Можно предположить, что совесть воспринималась древними как то, что знает все поступки человека и видит его насквозь. Совесть могла быть некоей субстанцией или существом, живущим внутри человека или наблюдающим за ним со стороны. Сенека писал, что «злые дела бичует совесть» [Сенека: URL], с которой человек совсем не хочет ссориться.

По мнению М.В. Рукавишниковой, только в христианстве дана почва для учения о совести, которое позднее разовьется в средневековой философии. Иоанн Златоуст изображал совесть как неподкупного судью, считая, что он и есть «путеводитель для достижения добродетели»¹⁷. В схоластической традиции существовало два феномена. Совесть-*synderesis* трактовалась как привычка суждения о правильности действий и способность воли к совершению именно правильных действий. Совесть-*conscientia* означала способность человека оценивать свои или чужие поступки как добрые или злые [Рукавишникова 2009: 121–123].

Позднее слово *synderesis* утратится, однако разделение совести на два разных понятия будет актуальным и во времена И. Канта, и в XX веке – среди основоположников психоанализа. Так, например, Э. Фромм различал «авторитарную» и «гуманистическую» совесть. Первая формируется из потребности человека иметь идеал, вторая – «голос заботы о самом себе» [Арутюнова 2000: 67]. В русской философии закрепляется определение совести как «духовного средоточия нравственной жизни человека» [КФС 2004: 354]. Русский человек, как замечал Л.Н. Толстой, живет не по принудительному закону, а по совести [КФС 2004: 395].

В.И. Даль определял совесть как «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка» [Даль IV: 256–

¹⁷ Связь совести с добром, отмеченная философами и схоластами, характерна и для народного мировоззрения.

257]. Толковые словари современного русского языка сходятся на определении совести как чувства нравственной ответственности за свое поведение перед самим собой, окружающими людьми, обществом [Ожегов: URL], [MAC IV: 175].

У современных русистов не вызывает сомнения тот факт, что СОВЕСТЬ считается одним из ключевых концептов русской ЯКМ. К анализу семантики слова *совесть* и его производных в своих трудах обращались многие отечественные лингвисты: Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.И. Вендина, М.К. Голованивская, Анна А. Зализняк, В.В. Колесов, Л.О. Чернейко, Е.В. Урысон и др.

Впервые о месте совести в русской ЯКМ написал Ю.Д. Апресян на страницах своей статьи «Воля и совесть – приведение в действие и торможение», позже вошедшей в его «Избранные труды» [Апресян 1995а: 352–354]. По мнению ученого, люди реализуют свои желания при помощи силы, именуемой *волей*. Действие воли уравнивается действием другой силы – *совести*, которая «мыслится как нравственный тормоз, блокирующий реализацию <...> аморальных желаний или побуждений» [Апресян 1995а: 352]. В дальнейшем «идея торможения» подвергнется критике со стороны некоторых ученых, так как *совесть* может быть абсолютной ценностью, не противопоставленной *воле* (*Было бы здоровье да совесть чиста.* – Пример Е.В. Урысон), и служить стимулом к действию, а не тормозом (*Имей совесть, верни ему деньги.* – Пример М.К. Голованивской). Несмотря на это, именно Ю.Д. Апресян впервые намечает «образный ряд» СОВЕСТИ, характерный для русского языкового сознания, когда пишет, что *совесть* – это «внутренний голос», «некое существо внутри человека», «строгий внутренний судья», который может наказывать или миловать, давая предписания с опорой на понятие добра [Апресян 1995а: 353–354].

Н.Д. Арутюнова в статье «О стыде и совести» прослеживает историю употребления слов *стыд* и *совесть* в письменных источниках от Ветхого и Нового Заветов до произведений Ф.М. Достоевского [Арутюнова 2000: 54–77]. Логический анализ *совести* в русском языке выводит исследователя на пять «аналогий»: совесть – 1) «нравственная норма» (*жить, поступать, говорить по*

совести, сделать на совесть и др.); 2) «контрагент Эго (Другой)» (прислушиваться к голосу совести, поступать по велению совести, сделка с совестью; совесть проснулась, совесть не велит и др.); 3) «Судья» (суд совести, совесть судила иначе, совесть вынесла приговор и др.); 4) «судебный исполнитель» (совесть мучает, терзает, грызет; угрызения, уколы, упреки, укоры совести и др.); 5) «орган» (чистая, незапятнанная совесть; иметь, потерять совесть и др.) [Арутюнова 2000: 75].

Описанная Н.Д. Арутюновой сочетаемость слова *совесть* связывает концепт СОВЕСТЬ с ситуацией судебного заседания. «Нравственная норма» – внутренний закон, с которым сверяется сам человек или его контрагент («Другой»). Проступок человека приводит того в зал суда к совести-«Судье», выносящему приговор и назначающему «судебного исполнителя», который затем мучает, терзает, укоряет, упрекает провинившегося.

Аналогия «совесть – орган» позволяет Н.Д. Арутюновой сделать вывод о взаимодействии понятий «совесть» и «душа»: *грехи могут ложиться* тяжким бременем *как на душу, так и на совесть. Греховная совесть –* нечистый, запятанный «орган».

Мысль о совести как внутреннем органе развивает в своих работах Е.В. Урысон [Урысон 2000, 2003]. По ее мнению, *совесть – «способность человека оценивать с нравственной точки зрения свои действия, а также мысли и чувства»* [Урысон 2003: 34], глубоко переживать и менять свое поведение при его несоответствии нравственным нормам. Совесть относится к группе «невидимых органов» человека и помещается «где-то рядом с душой», как бы являясь ее частью (выше уже упоминалось, что В.И. Даль называл совесть «тайником души»). Исследователь отмечает также, что *совесть предстает как «некое существо внутри человека» и даже как «человек внутри человека» (совесть грызет, переговоры с совестью)*. Е.В. Урысон обнаруживает сходство совести с разумом: можно услышать *голос совести* и *голос разума*. Однако только *совесть* может наказать человека за непослушание, вызвав душевные мучения (*муки*

совести), что, в свою очередь, сближает совесть и с сердцем – вместилищем чувств и переживаний [Урысон 2003: 34–36].

М.К. Голованивская в своей книге «Ментальность в зеркале языка» [Голованивская 2009: URL], сравнивая представления русских и французов о совести, обращается к древней символике. Символика рта применительно к концепту СОВЕСТЬ рассматривается как созидательная (т. е. связанная с говорением – *совесть говорит, подсказывает; слышать голос совести, заглушать его в себе*) и разрушительная (связанная с поглощением – *совесть грызет, гложет, снедает*). Совесть в первом случае – «судья», который не только *судит, велит*, но и *советует, подсказывает*. Во втором случае совесть – «червь», который *просыпается, шевелится и грызет* человека изнутри. М.К. Голованивская связывает такую концептуализацию с мифологическими и, позднее, христианскими представлениями о загробных пытках. Кроме того, по мнению исследователя, совесть локализуется вместе с душой в груди человека, поэтому возникает образ «совести-жидкости» (*капля, остатки совести; чистая, спокойная совесть*). Другой образ – «совесть-предмет» реализуется в сочетаемости: *иметь, потерять, забыть совесть*. Совесть мыслится как свод законов, нравственных ориентиров, с которым надо сверяться [Голованивская 2009: URL].

И.Р. Мокаева рассматривает этические концепты в языковой картине мира на материале русского и карачаево-балкарского языков. В ее диссертации русская *совесть* представлена в следующих ипостасях: 1) нравственный критерий, норма (*поступать по совести, как велит совесть* и др.); 2) нравственный судья (*суд, укоры, приговор совести* и др.); 3) судебный исполнитель (*совесть терзает, мучает* и др.); 4) составляющая внутреннего мира человека (*чистая совесть, потерять совесть* и др.). Специфичность представления СОВЕСТИ в карачаево-балкарской ЯКМ заключается в тенденции «сохранить свое лицо», т. е. совесть связана непосредственно с лицом¹⁸ человека [Мокаева 2004].

¹⁸ Связь чести и совести с лицом человека анализируется и в [Гучепшкова 2011].

Рассмотренные работы показывают, что даже примерно одинаковое количество моделей сочетаемости не позволяет сделать однозначных выводов о концепте СОВЕСТЬ в русском языке. Для одного лингвиста чистая совесть связана с родниковой водой, а для другого – с органом человека. Кто-то считает, что совесть грызет как мышь, а кто-то сравнивает ее с червем. Совесть-судья видится единообразным или подразделяется на внутреннего и внешнего. Разные исследователи дают различную интерпретацию почти идентичного набора моделей сочетаемости¹⁹.

В диалектной речи слово *совесть* также занимает важное место, однако, будучи общерусским, оно редко фиксируется диалектными словарями²⁰. В «Словаре русских народных говоров» широко представлена только сочетаемость искомого слова, отличная от литературного языка, например: «*Совесть на совесть жить*. Честно, порядочно. Киров. <...> *Не в совесть сказать*. Сказать неправду... Ярослав. <...> *Совесть в мою душу*. О тихом, скромном человеке. Новгород. <...> *Совесть дозрела*. Замучили угрызения совести. Дон. <...> *Совесть убила*. Пристыдиться... Новосибир., Ярослав., Дон. <...> *Не в совесть*. Не по любви. Казаки-некрасовцы» и т. д. [СРНГ 39: 181–182].

Некоторые выводы о семантике *совести* в русских говорах можно сделать исходя из функционирования диалектных дериватов: *Совестью*, нареч. По совести, честно. *Кто-то совестью заплотит, а другой – спасибо, бабушка*. [НОС X: 110]. *Совестный* – 1. Честный... 2. Верный, преданный чему-н. *Народ раньше совестный был, на работу ходил без разговору*. [Селигер 7: 142]. *Бессовестный*. Лгун, болтун. *Кто много болтает и чепуху ненужную, называли бессовестный*. [Селигер I: 43]. *Совестный*, *совестный* во 2 знач. Застенчивый, стеснительный. *Марусяка така уж совествлива, слово скажи – покраснеет вся*. Р. Урал. *Он совестный парень, смирной, на людей боялся глядеть*. Ряз. [СРНГ 39: 181]. *Совестьтяться* – стесняться, смущаться. *Да не совестьтесь вы, дэушки, садітесь за стóл-от*. [СВГ X: 67].

¹⁹ См. [Стефанский 2004; Шахманова 2008; Яндиева 2010].

²⁰ Диалектная концептуализация СОВЕСТИ будет рассмотрена ниже, в пункте Б.

В говорах Карелии отмечена интересная концептуализация *совести* как субстанции, которую можно *съесть*: *Це про совесть говорить-то. Совесть с булками съедена. Съел совесть, совесть с булками съедена у него.* Белоз. [СРГК VI: 197].

Б. СОВЕСТЬ по данным архангельских говоров

Совесть для носителей исследуемых говоров – кодекс нравственных правил, с которым сверяется человек перед принятием какого-либо решения. Поступать *по совести* – действовать в соответствии с этим внутренним кодексом: *Фсё заработала по совести.* ПИН. Яв.

Данное слово обнаруживает в говорах развитую атрибутивную, предложно-падежную и глагольную сочетаемость.

Наличие *чистой* совести приписывается тому человеку, который поступает честно, правдиво: *Я от чистой совести говорю.* КАРГ. Ус. *Я на чисту совесть ей помогá тóжэ.* КОН. КЛМ. *Ты минé от чистой совести скажы́: пыйóт, не кривулять!* В-Т. Врш. Прилагательное *чистой* в этих контекстах имеет значение ‘абсолютный’.

Использование данного атрибута характерно и для литературного языка, но в других конструкциях. Ср. диал. *от чистой совести / на чистую совесть* с лит. *с чистой совестью*: *Он ушел с места прежней работы с чистой совестью. На свободу – с чистой совестью!* Словари литературного языка чаще фиксируют предикат с отрицанием признака: *Совесть нечиста* [МАС IV: 175], *Совесть нечиста у кого-нибудь* [Ожегов: URL]. Для диалектных употреблений отрицание не характерно.

К честности и бесхитростности приравнивается *простая совесть*. *По простой совести* – ‘по-простому, честно, как на духу’: *Мы бес хитрости, по простой совести.* ЛЕШ. Вжг. В данном контексте *простая совесть* употребляется как антоним *хитрости*. Наивного, бесхитростного человека носители литературного языка назовут *простой душой* (*Люби его – он простая*

душа! М. Горький), тогда как носители говоров отметят *простую совесть* такого человека: *Совесть у нас проста, мы бесхитрыйе*. ЛЕШ. Вжг.

Отсутствие совести у человека сравнивается с отсутствием этого качества у животных – *баранья совесть: Ой, иди руки помой, вонина какая, совести у вас нету, баранья какая-то*. В-Т. Врш. Выражение *баранья совесть* зафиксировано и в говорах Карелии: *Баранья совесть – это когда какой скверный человек что худое сделает*. Прион. [СРГК VI: 197].

Совесть может характеризоваться как хорошая или плохая. Обладатель хорошей совести – человек, имеющий понятие о нравственности и добродетели: *Совесь хороша, тятя говорит, совесь хороша*. ВИЛ. Пвл. *Ты, подрушка-подмигушка, не люби мойово друшка, люби брата моево, хороша совесть у нево*. ЛЕШ. Кнс. *Йесли совесть хороша – не скажо никому, а йесли барахолка какá, то фсэм раскажо!* ПИН. Ёр. Выражение с общеоценочным прилагательным *хорошая совесть* используется по отношению к честному человеку, что сближает его с добросовестностью²¹: *Надо было сказать честно, добросовесно, што люблю*. ПРИМ. Слз. *Йесь добросовесные, не грабят* (не берут много денег за проезд). ПИН. Ёр.

Если человек *смирёный* ('скромный, кроткий, мирный'), то он обладает *хорошей совестью*: *А веть совесть-то хороша, смирёны такы*. ПИН. Кшк. *Хорошая совесть* – качество человека, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла. Отметим выражение с той же семантикой в конструкции кто-н. *совестью хороший*: *А он совестью-то хорошой*. ПИН. Ёр.

Самый частотный атрибут – *такая совесть*. Трактовка семантики будет варьироваться в зависимости от предиката. Если *есть совесть* для хорошего поступка, то *такая* – это и *чистая*, и *хорошая*, и *простая*. Совесть здесь является качеством положительным, даже идеальным, на которое люди опираются в переломные моменты жизни, когда необходимо сделать нравственный выбор. *Есть такая совесть – чтобы поступать хорошо: Он сам не пойдёт, така была совесь*. ШЕНК. Шгв.

²¹ Выражение *добрая совесть* в исследуемых говорах не зафиксировано.

В контексте с отрицанием указательное местоимение *такой* начинает обозначать «плохую» совесть. *Нет такой совести* – чтобы поступать плохо: *Мне бы хоть трóйечку поста́вили. Не́ было такой совести, штоп пятёрку проси́ть.* ВИН. Кнц. *Нет у меня совести такой, штоп целове́ка гнать.* ЛЕШ. Рдм. Варианты конструкции – *не позво́лило такой совести / такая совесть не была́: У меня́ бы уш не позво́лило такой совести.* ВИЛ. Пвл. *У меня́ уш така́ совесть не была́, итё э́к стару́ха живё́т, и я бы молоцька́ не принесла́, я уш нека́к бы не вьидюжыла.* ВИЛ. Пвл. Выражение *такая совесть* в этих контекстах фактически означает отсутствие совести, частица *не* создает как бы двойное отрицание, поэтому подразумевается, что субъект не обладает плохой совестью.

Для слова *совесть* характерна сочетаемость с различными предлогами. Зачастую такие сочетания используются как наречия, что позволяет нам говорить об их возможной адвербиализации.

На совесть – ‘честно’: *Потом уш на пра́вду фсе́, на совесть.* КАРГ. Ош. *На совесть окрестил, што нет имени Альби́на.* ВЕЛЬ. Пжм.;

– ‘честно, дав друг другу слово’: *А мы́ жы́ли на совесть* (в гражданском браке). ВЕЛЬ. Пжм.;

– ‘в долг, под честное слово’: *Потом уш та́к, на совесть дава́ли* (продавали). ЛЕШ. Кнс. *Только што затреця́ли, што прибавят* (пенсию). *А цэны уж гото́вы. Фсе́ отпу́щено на совесть.* ШЕНК. ВЛ.;

– ‘как положено’: *Творок у тебя́ зашыби́сь, на совесть.* КАРГ. Крч. *Сделанное на совесть* обладает лучшими качествами.

По совести – ‘честно’. Сочетается с любыми глаголами действия: *Он ви́ш как йей по совести де́ньги о́ддал.* ВИЛ. Трп. *Ну́ дак веть не мне́ надо, я по совести заказываю, а она́ мне хрэсниця́й йеуце́.* ВИЛ. Пвл. *Ой-ой-ой, вот э́тот нельзя́, те́та Са́ша заруга́еца, нельзя́ э́то выде́ргивать, она́, смотри́, тибé по совести дала́, а ты́ обраи́шайеи́сь с ру́цькой не та́к. Фсе́ заробóтала по совести.* ПИН. Яв. *Которы́е на́шы, по совести покупа́ют.* УСТЬ. Брз. *Та́к дала́ два куска́ – по совести, рас не накла́ла.* ВЕЛЬ. Пжм. Совесть является гарантом

правильности и порядка: *Рáньшэ софсэм фсё б́ыло по-другóму. Вóт по сóвести фсё б́ыло.* ЛЕН. Кзм. *А чё упрáшивать-то, я по сóвести.* МЕЗ. Бч.

Выражение *сóвесть на сóвесть* характеризует что-л., сделанное добротнo, как надо: *Э́то уш пусь сoвэ́сть на сóвесть дéлают.* ПРИМ. Ннк. Синонимично фраземе *честь по чести* (о ней см. в п. 2.2).

Сделать что-л. *за сóвесть* – просто так, в соответствии со своими моральными убеждениями: *Не з́наю, за дéньги он дéлал или за сво́ю сóвесь (бесплатно).* МЕЗ. Аз.

С сóвестью – ‘правильно, честно’: *Я и самá с сóвестью фсё́ жь́сь прожы́лá.* КРАСН. ВУ.

Без сóвести – ‘неправильно, нечестно’: *Ну пáрень и б́ес сóвести тóжэ.* ВЕЛЬ. Пжм. *Ктó это вам так продáл бес сóвести?* (слишком дорого) ВИН. Кнц. *Пья́ница пья́ницу и́шшот, бес сóвести у магáзина сидя́т.* УСТЬ. Брз.

Буквальное прочтение глагольной сочетаемости слова *сóвесть* в архангельских говорах выводит нас на народные представления о совести.

Восприятие совести как нравственного кодекса, который постоянно находится в голове у человека и помогает ему принимать правильные решения, отражает сочетаемость с глаголами *знать, жить, идти́, сказа́ть, говори́ть*.

Знать сóвесть – ‘жить согласно понятиям о нравственности и морали, иметь о них представление’: *Не мо́гут о́ни днём спать, а на́до сóвесть знать. Должны́ сóвесть знать, не спя́т, а веть я не могу́ днём спать.* ХОЛМ. Сия. Второе значение – ‘осознавать, понимать свою вину’: *Она́ (кошка) самá з́на́ет сóвесть: пойéла, дак нéчя дожыда́цца ремья́ да ви́цы.* УСТЬ. Брз. (Ср. лит. *Знает кошка, чье мясо съела*).

Знающий *сóвесть*, скорее всего, ее имеет, так как *не знать сóвесть* равнозначно *потеря́ть сóвесть*: *Мно́го сéно нако́сили, мно́го и накучили. Дéфки сóвести не з́нают – игрока́ (гармониста) замучили.* (фольк.) ПИН. Ср. *Мно́го сéна нако́сили, мно́го и накучили. Дéфки сóвесь потеря́ли – игрока́ замучили.* (фольк.) КАРГ. Крч.

Жить какой-н. совестью – ‘руководствоваться собственными принципами’: *Кто какой жывёт, фсех знали, какой кто совестью жывёт.* МЕЗ. Сфн. Это значит, что у разных людей разная совесть.

Сказать по совести / говорить от совести – ‘честно, искренне’: *Сахар был кусками в мешке, скажу по совести: щюпаи пальцем сахарок, а развезать так боишься – вдрук не так завязано, меня заругают потом.* ВЕЛЬ. Пкш. *Ну а в опиэм, по совести скажу: хожу в ведру.* ПИН. Яв. *Я вот уш от совести говорю, што дружно жыли очень.* ВИЛ. Пвл. *Уш ты, Фёдя, не тужы, тебе тужыть не надо. Я по совести скажу – тебе веть Анка надо!* (фольк.) ПИН. Ёр. В литературном языке *сказать по совести* является вводной конструкцией, синонимичной выражению *честно говоря*. Употребляется только с формой инфинитива. Диалектные контексты отражают использование личных форм глагола в данной конструкции.

Второй образ совести – ценная вещь, которая должна быть у каждого: *Своя совесть должна быть.* ПРИМ. Ннк. Поступая неправильно, человек *теряет* свою совесть: *Оддать-то надо, дак онё, совесть-то вот потеряна.* ВИЛ. Пвл. Совесть и сама может *потеряться*: *Он вино пил, у него совесь-то потерялась.* ШЕНК. ВЛ. Люди растрачивают совесть – *проводят* на что-н. (т. е. разменивают) или *пропивают*: *У нас раньше война была да голодно, скажут: «У, ты всю совесть на картошку провела».* ПИН. Яв. *Пил, да совесть не пропивал.* КАРГ. Крч.

Совесть мыслится носителями диалекта как существо сильнее человека. Это внешняя сила, которой он не способен противостоять. Она *бьёт, убивает, ударяет* поступающего бессовестно в качестве наказания или чтобы не позволить ему совершить аморальное действие. Не слушающего голоса совести она *бьёт*: *Найдёш вино, на стол поставиш, вот йего и совесь бьёт: тебе вот тоже дети будут так платить, отплачивать.* МЕЗ. Кд. *Йей, наверно, тоже совесь бьёт.* *Наверно, совесь бьёт, не знают, как назват.* ПИН. Чкл. *И он разгорячился, што дом на дитей прописан, и ухапал. А и совесь побила.* КАРГ. Лкшм.

Удары совести – предупреждения, которые могут быть менее сильными, но повторяющимися, что доказывает употребление глагола с приставкой *под-*:

Сты́дно бы́ло, совесть подбива́ла. ПРИМ. Ннк. За серьезный проступок совесть не бьёт несколько раз, а убивает: *Совесть уби́ла, три́ста рублёй мне о́брáтно вы́вернула.* ВЕЛЬ. Длм. *Пóсле сове́сь уби́ла, пере́клáл свекро́ви (печку).* А пóсле йево́ сове́сь уби́ла, и о́н мне фсё зде́лал. ВИЛ. Трп.

«Смертельное» воздействие совести проявляется также в сочетании *совесть забивает*: *Совесть-то забивáт* (когда сделал что-то плохое). ЛЕН. Кзм. В тех говорах, где глагол *убить* имеет значение ‘ударить, стукнуть’, выражение *совесть убивает* синонимично выражению *совесть бьёт* (*убивать* = ‘бить’): *Йей сове́сь убивá, што соврала́, она́ и ушла́ в та́бор* (пересказ фильма). *А кáк жэ, Ёра, я пойду́, как я не быва́ла? Меня́ сове́сь уби́ла. Куда́ пойду́? Заце́м?* ПИН. Ёр. *Сове́сь-то убивá, яко́й-тако́й. Те́х сове́сь уби́ла – и йего́ увезли́.* ПИН. Врк. Выражение *совесть уби́ла* встречается во многих русских говорах, что отмечено в [СРНГ 39: 182]: *Как я так сказала, совесть убила их, они и пошли потихонечку из-за стола.* Новосиб. *Что покраснел? Совесть убила?* Яросл.

Сочетаемость с глаголом *ударять* вскрывает глубинные представления о совести как о внешней силе, неподвластной человеку: *ударять* может не только живое существо, но и, например, молния. Эта ассоциация не лишена оснований, поскольку соотносится с мифологическими представлениями о молнии как о злом роке, наказании со стороны высших сил: *Меня́ сове́сь уда́рила.* ЛЕН. Лн.

Другой возможный образ *совести* – это агрессивное существо, живущее внутри человека. В литературном языке отмечена сочетаемость: *совесть грызёт, мучает, заедает*. Диалектный материал дает иную сочетаемость при схожей концептуализации. В архангельских говорах *грызёт* не совесть, а болезнь, чаще всего – *грыжа*: *Ра́не ма́лых ребя́т по́ят, штобы́ гры́жа не гры́зла.* ПИН. Врк. *Заболéла, гры́зло спи́ну, нагры́зло.* КАРГ. Нкл.

Совесть не *грызёт*, зато может *заедать*: *Совесть зайéла фсё-таки. Зде́лал, мол, по-хоро́шэму. Вот йего́ то́же сове́сь зайéла, так о́н и убежа́л со сце́ны. Сты́дно ста́ло.* ЛЕН. Кзм. Совесть как существо действует и до совершения человеком неправильного поступка: *А Ю́ре сове́сь меша́йет, не на́до йему́ ро́стись де́лать.* ВИЛ. Трп. Так совесть предостерегает человека от ошибок и

безнравственных действий. Если неправильный поступок все-таки был совершен, совесть *гложет*: *Йего́, навёрно, совесть-то гложо, зна́ет, што пра́вда не на йего́ сторонé: он мне и «ветерáна труда́» зажы́лил.* ПИН. Ср.

Некоторые фольклорные контексты прямо указывают на то, что совесть находится внутри человека: *Ка́бы зна́ла в ре́чке глۇ́бь, я бы не купáлася. Ка́бы зна́ла в па́рне совесть, я бы не влюбля́лася.* (фольк.) ПИН. Ёр. В исследуемых говорах совесть не обязательно является частью души, при описании аморального поведения субъекта они отрицаются по отдельности: *Я́ дак вот не могу́ терпе́ть вот э́тих людéй, ни души́, ни сове́сти, ничé у них нéт.* ВИЛ. Пвл.

Совесть может приравниваться к разумному существу. Персонафикация совести характерна для фольклорных текстов, где олицетворение является одним из типичных изобразительных средств. Перед совершением неблаговидного поступка человек прощается со своей совестью: *Закури́л да и поло́жыл на око́шко тру́бочку. До свидáнья, моя́ совесть, я полéс под ю́бочку.* ПИН. Ёр. Любимая девушка может идентифицироваться с совестью: *Да здра́стуй, ла́пушка ми́лая, да здра́стуй, совесть дорога́я, да я пришол к тебе́ на вре́мя, да на йеди́ный на часо́к.* МЕЗ. Аз. Слово *совесть* даже становится прозвищем: *Фсё сове́сно, йего́ Сове́стью и про́звали, у́лично зва́нье.* ЛЕШ. Лбс.

Кроме того, совесть – некая субстанция, которую видно в глазах: *У на́с совесть в глаза́х йесть.* КАРГ. Крч. *Сове́сти в глаза́х нет ни у ково́!* ЛЕШ. Тгл. *У них сове́сти не бывáло в глази́цях, пъя́ница.* ПИН. Яв. «Количество» совести у разных людей можно «взвесить» и сравнить: *У на́ших сове́сти-то бо́льше.* ШЕНК. Шгв. Отсутствие совести маркируется словом *нет*: *Да ну́, у нейо́ сове́сти нет. Она́, мол, зде́лает и то́, и то́...* ЛЕН. Кзм. *Вони́на кака́я, во́т пъя́ница, у ва́с сове́сти нéту, бара́нник²².* В-Т. Врш. Нехватка совести выражается с помощью сочетания *совести не набра́ть*: *Не отка́жэ́т, йей сове́сти не набра́ть.* ХОЛМ. НК. Значение этого сочетания близко к общерусскому *совести не хватит*.

Совесть видится носителю диалекта и как некий орган или часть тела человека. Выражение *совесть не подня́лась* реализуется в значении 'совести не

²² Ср. с выражением *бара́нья совесть* на с. 46.

хватило, не смог сделать что-л.’ (ср. с лит. фраземами *рука не поднялась* что-л. сделать, *язык не повернулся* что-л. сказать): *Тёта Клáва утеряла пла́фки. У меня совесть не подня́лась отне́сти и сказа́ть.* ПИН. Ср. Совесть должна *поднима́ться* только на благое дело: *Эта-то беда́ не тепе́рь заведе́на! С учёбы вы́дешь – на́ть подáрок (взятку), в больни́цу при́дешь – на́ть подáрок, и фсе́ ма́ло, фсе́ ма́ло! И беру́т! Ка́к совесть-то подыма́йца?* ПИН. Ёр. *Ка́к у него́ сове́сь подня́лась тебя́ та́к тырну́ть, пехну́л-то та́к!* ХОЛМ. Сия.

Таким образом, буквальное прочтение сочетаемости лексемы *совесть* выводит нас на широкий спектр ее образов. Совесть осознается носителями диалекта как существо сильнее человека, как внешняя неподвластная сила; как агрессивное существо, живущее внутри человека; как существо, обладающее разумом, равное человеку; как субстанция внутри тела человека или как часть его тела. Совесть – нравственный кодекс, ценная вещь, которая обязательно должна быть у каждого. При этом представления о судебном приговоре и совести как судебном исполнителе, отмечаемые в литературном языке, для изучаемых говоров не характерны. Все рассмотренные выше «образы»-гештальты СОВЕСТИ приведены в табл. 2 (см. также *Приложение 3*).

Сопоставление данных литературного языка и народных говоров показало, что диалектная картина мира отличается от той, которую формирует литературный язык, лишь частично. Эти различия касаются как набора гештальтов, так и их лексического воплощения в более широких кругах сочетаемости. Объединение данных литературного и диалектного языков позволяет сделать вывод о том, что совесть в сознании русского человека – это свод нравственных правил, с которым сверяется существо, живущее, как правило, внутри человека, наказывающее его за проступки или их предупреждающее. Действия совести «ощущаются» как движение / боль некоего органа или части тела человека, ее можно разглядеть в глазах (ср. лит. *бессовестные глаза* и диал. *совесть в глаза́х*).

Таблица 2. Концептуализация *совести* в литературном и диалектном языке.

СОВЕСТЬ в русской национальной ЯКМ					
	<i>по материалам литературного языка</i>				<i>по диалектным данным</i>
	по Н.Д. Арутюновой	по Е.В. Урысон	по М.К. Голованивской	по И.Р. Мокаевой	по картотеке АОС
свод нравственных правил	нравственная норма <i>жить, поступать по совести; сделать на совесть</i>	–	свод законов <i>иметь, забыть совесть</i>	нравственный критерий, норма <i>поступать по совести, как велит совесть</i>	нравственный кодекс <i>поступать, жить по совести; знать совесть</i>
(не)разумное существо	Судья <i>приговор совести</i>	–	судья <i>совесть судит, велит, подсказывает; отвечать перед совестью</i>	нравственный судья <i>суд, укоры, приговор совести</i>	существо вне человека <i>совесть ударяет, убивает, мешает</i>
	судебный исполнитель <i>совесть мучает, терзает; чувствовать угрызения совести</i>	существо внутри человека <i>совесть мучит, грызет</i>	червь <i>совесть гложет, грызет, мучает, снедает, просыпается, шевелится</i>	судебный исполнитель <i>совесть мучает, терзает</i>	существо внутри человека <i>совесть заедает</i>
	контрагент Эго (Другой) <i>голос совести, идти на сделку с совестью</i>	человек внутри человека <i>голос совести; совесть велит, заставляет</i>	–	–	разумное существо (человек) <i>здравствуй, моя совесть</i>
телесная составляющая	орган <i>иметь совесть; чистая, запятнанная совесть</i>	орган (~сердце) <i>муки совести; совесть спокойна</i>	–	составляющая внутреннего мира человека <i>чистая совесть, потерять совесть</i>	орган, часть тела <i>совесть не поднялась сделать что-л.</i>
	–	–	жидкость внутри человека <i>капля, остатки совести; чистая совесть</i>		субстанция <i>совесть в глазах есть</i>
предмет	–	–	–	–	ценная вещь <i>иметь, пропивать совесть; проводить на что-н. ('разменивать')</i>

В. а) *Сóвестной / бессóвестной* человек

Наличие / отсутствие совести у человека вербализуется в говорах с помощью двух атрибутов: *сóвестной*²³ и антонимичного ему – *бессóвестной*.

Смысловое наполнение прилагательного *сóвестной* в говорах варьируется в зависимости от того, кого оно характеризует: мужчину или женщину. Несмотря на то, что есть контексты, абсолютно идентичные по семантическому наполнению, носитель диалекта, называя *сóвестной* девушку или *сóвестным* молодого человека, как правило, имеет в виду разные аспекты понятия совесть.

Все контексты, характеризующие лицо женского пола, можно поделить на четыре группы в соответствии с семантикой применительно к конкретной ситуации: *сóвестная дéвка / ба́ба* – 1) ‘чистая, непорочная’; 2) ‘скромная, стеснительная’; 3) ‘нравственная, неспособная на плохой поступок’; 4) ‘верная мужу, порядочная’.

Наиболее частотное значение – ‘чистая, непорочная’: *А я така́я вот сóвесная, никуда́ не ходи́ла и погляну́лась я йему́.* В-Т. Грк. *Какáя сóвесная да и уважы́тельная!* ВЕЛЬ. Сдр. *Краси́ва, сóвесна, хоро́ша, здоровя́шиша така́.* МЕЗ. Длг. Из иллюстраций видно, что в народном сознании совесть тесно коррелирует с понятием девичьей чести. *Дéвочька хоро́шэнькая, ничевó не скажу́, но бессóвесная, но на́глая. Бэ́з мора́ли, бэ́с прínцыпоф.* ЛЕН. Кзм.

Сóвестная девушка обычно скромная, стеснительная: *Та́ ужима́йеца, дак така́я сóвесна бы́ла.* В-Т. Грк. *Она́ така́ сóвесна – я йихню́ семью́ стесня́ла.* ПРИМ. Лпш. Стирается сексуальный подтекст, остается только характеристика поведения девушки в быту.

Обращение к антонимичному выражению *бессóвестная дéвка* показывает расширение значения прилагательного до ‘нравственная, не способная на плохой поступок’, где имеются в виду любые аморальные действия: *Сóвесная дéвка? Ну, чéсная, поря́дошная, така́ мора́льная, нра́фственно хоро́шая. Бессóвесная*

²³ Имена прилагательные, функционирующие в говорах, приводятся в работе в соответствии с фонематическим составом слова (*сóвестной, дóброй* и т. д.), как это принято в АОС [АОС I: 21].

йёсли... Шлю́ха. Или та́м воро́фка. У нейо́ сове́сти не́т. Она́, мо́л, зде́лает и то́, и то́... ЛЕН. Кзм.

В аспекте скромности и непорочности рассматривают чаще незамужнюю девушку. По отношению к женщине замужней в говорах скажут *со́вестная ба́ба*, но уже имея в виду, что она порядочная, верная мужу (сохраняется акцент на сексуальном поведении женщины): *Она́ была́ ба́ба смире́ная, со́весная, шы́пко хоро́шая. Ни́на шы́пко хоро́ша была́, настоя́щая ба́ба, со́весна. УСТЬ. Снк. Хорошо́, йёсли со́весна попаде́, жы́знена, а йёсли кака́ ветроду́йка попаде́, о-о, го́ре. ПИН. Врк.*

Словосочетание *со́вестной па́рень / мужы́к* также имеет неоднородную семантику. Прилагательное *со́вестной* характеризует 1) морально-этические качества человека ('честный, скромный, порядочный') или же 2) его поведение ('добросовестный, работающий, не имеющий вредных привычек').

1) Морально-этические качества человека:

Нередко под *со́вестным* понимается скромный (отчасти стеснительный, мягкий) мужчина, чаще молодой человек: *Смире́ной э́кой, со́весной па́рень. КРАСН. Нвш. Со́весной, мя́ккой парни́шка был. ВИН. Слц. Па́рень тако́й со́весной, он холосто́й. НЯНД. Врл. Он со́весной был: стро́го поступи́ть не мо́г. ПИН. Кшк. В таком случае прилагательное *бессо́вестной* становится синонимом к слову *на́глой*: *А́лик, мо́й учени́к, – бессо́весной, вы́чурной тако́й, на́глой. ЛЕН. Кзм.**

Второе по частотности значение – 'порядочный', т. е. поступающий по совести (в том числе по отношению к женщине): *Он со́весной бы́л, по зако́ну бо́жйему он жы́л, не жа́дной, за наро́д бы́лся шы́пко, то́лько ма́ло по́жыл. Не боя́лись йево́ де́фки, со́весной. ВИЛ. Слн. Па́рень со́весной – взял, а несо́весной – можо́т и не взять (замуж). ЛЕШ. Вжг. Ста́нет ли мужы́к э́кой со́весной да хоро́шой би́ть йейо́? КОН. Хмл. Ты иди́, подру́шка, по́ горе, я – по-за горе́, хорошо́, как дро́ля со́весной, сто́ять найеди́не (фольк.). ВЕЛЬ. Пжм.*

Совестный мужчина также может быть честным, не способным на обман и преступление: *То́т-то со́весной па́рень, а Ко́лька – тако́й вурьи́о. УСТЬ. Стр. Дак*

это мужыки совесны, а молодыйе бессовесны – воруют. В-Т. Сфт. *Он такой совесной был, у него чиста совесь была.* ШЕНК. Ктж.

2) Поведение человека:

Прилагательное *совестной*, характеризующее поведение мужчины, реализуется в значении 'добросовестный, работающий': *Парень совесной и зарабатывал очень хорошо.* НЯНД. Мш. *Совесной, говорю, мужык хороший, фсе робит да робит.* УСТЬ. Бст. *Такой мужык совесной. Теперь в горы и в воды – рыбы наловит, птицу убьют, и в руках фсе, и печь сложит.* ПИН. Ёр. *Такие фсе совесные были, фсе на работу (ходили).* УСТЬ. Брз. *Тоже телевизоры ладит, такой совесной.* ПИН. Яв.

Не имеющего вредных привычек тоже могут назвать *совестным*: *Хорошой падеця, совесной, непьюшшой (жених), дак и хорошо.* ВИЛ. Пвл. *А молодойе никто не курили – были совесные.* ПРИМ. Ннк. *Парень совесной, вотки ни пьют.* ШЕНК. Трн. Человек пьющий или курящий в народном представлении лишается совести: *Он вино пил, у него совесь-то потерялась.* ШЕНК. ВЛ.

Отдельный весомый корпус употреблений составляет зона общей положительной оценки, когда слово *совестной* по отношению и к женщине, и к мужчине становится широкозначным. Для говорящего не важен конкретный смысл (главное, что человек хороший), он дает общую характеристику. Оценка усиливается словами *какой, такой, хорошей*: *Она такая совесная.* ВИН. Слц. *Кака ты совесная!* ШЕНК. Трн. *Она хороша, совесна.* ЛЕШ. Цнг. *Какой парень от совесной.* МЕЗ. Мд. *Такой совесный парень-то.* ВИН. Кнц. *Хороший он парень, совесной.* КАРГ. Хтн.

Обнаруженные значения не образуют парадигмы по возрастному критерию. По отношению к детям прилагательное *совестной* встречается в картотеке всего один раз и обнаруживает широкозначность (может относиться к взрослым детям): *Хорошы дети, таки совесные они.* ЛЕШ. Смл. Различие в номинации *совестной* девушки или взрослой женщины / *совестного* юноши или взрослого мужчины появляется только в некоторых аспектах. Например, непорочной назовут *девку*, а не *бабу*. *Совестной* в значении 'скромный' – это скорее *парень*, чем *мужык*.

Остальные значения могут характеризовать человека в любом возрасте, существенным остается только различие по половому признаку. Пожилые люди, так же как и дети, по отношению к гендеру не характеризуются, поэтому обозначающие их лексемы фиксируются в сочетаемости только с широкозначным прилагательным.

При употреблении *совестной* с собирательным существительным *народ* актуализируются некоторые значения прилагательного, отмеченные ранее для *совестного* мужчины. Исходя из контекстов, *народ* может получать следующие характеристики:

1) честный, порядочный: *У нас (в деревне) так хорошей народ, совестной, нет этого вороссыва.* КРАСН. БН. *Хороший народ, совестной. Если он взял што у тебя, потом, как заработат, он бежит с почетом.* В-Т. Тмш. *У нас народ совестной свой, мы палочку поставим (к двери вместо замка) да и пойдём (то есть не бояться воровства).* КОН. Хмл.

2) трудолюбивый и работоспособный: *Народ был совестной, да работали.* КРАСН. ВУ. *Наш народ весь совестной совецькой.* ВЕЛЬ. Сдр. *Раньше большэ совестного народу было.* ЛЕШ. Ол. *Долго был народ хорошей, совестной.* УСТЬ. Стр. *Прежде совестной был народ, а ноне не такой народ-от.* КАРГ. Нкл.

Семантика порядочности проявляется, как правило, при сопоставлении сельских и городских жителей (в деревне тихо, спокойно, потому что народ *совестной*, не ворует), а трудолюбия – в сопоставлении прошлого и настоящего, то есть жизни при колхозах и после них (раньше, в советское время был *совестной* народ, а теперь никто не работает).

Итак, смысловое наполнение прилагательного варьируется в зависимости от того, кого оно характеризует: мужчину или женщину (см. Приложение 4). Встречаются контексты, семантическое наполнение которых имеет нечто общее, но чаще носитель диалекта, называя *совестной* девушку или *совестным* молодого человека, подразумевает разные аспекты понятия совесть. Значение прилагательного зачастую обнаруживает широкозначность, почти не меняется в зависимости от возраста того, к кому оно относится. Сочетаемость с

существительным *люди* не зафиксирована (в отличие от слова *народ*), но потенциально возможна.

Отрицание описанных выше положительных качеств человека выражается прилагательным с приставкой без-. В экспрессивных контекстах *бессовестной* часто соседствует с образованным по той же модели прилагательным *бесстыдной*, выражая отсутствие и внутренней морали, и внешнего стыда перед обществом: *Так вот мы его ругали: бесстыдной, бессовестной*. ЛЕШ. Брз. *Вáля, йесли она тибé попéницёт цевó, скáжэ́т, так ты́ ей прýмо и скажы́: «Бесстыдная ты, бессовестная»*. ВИЛ. Пвл.

Негативная оценка, заложенная в прилагательном *бессовестной*, может переноситься с человека на его поступки: *Рас стыдно, значит она́ не бóдет позволя́ть бессовестных сво́их ошы́бок, дéйстви́й*. ЛЕН. Кзм.

Семантика отсутствия совести может частично ослабевать и смешиваться с отсутствием разума. Это характерно для контекстов про живых существ, не имеющих мозга (насекомых и т. п.): *Мошкá хоть кудá заползёт, она́ бессовестна веть*. ЛЕШ. Кнс.

б) Поведение *совестного* / *бессовестного* человека

Т.И. Вендина отмечает, что с совестью «связываются различные эмоционально-психологические состояния человека, поскольку она вызывает своеобразное “стеснение души”» [Вендина 2020: 426]. Наиболее ярко это проявляется в семантике диалектного глагола *совеститься*.

Совеститься – ‘бояться общественного мнения, осуждения людей, то есть осознавать отклонение своих действий от общепринятых норм’: *Тебé стыдно, про теб́я насплётничают, ты́ и совестишиси*. КАРГ. Оз. *Пока́ был не пъяной, то совестился*. В-Т. Врш. *Немно́шко заекáйеце, дак óн совестицице*. ВЕЛЬ. Длм.

Конструкции, уточняющие ситуацию, когда человек находится в данном состоянии, формируются по одной из следующих моделей:

- 1) *совеститься* + N₂

У нас, виш, в дэрэвне-то сóвестяця лудэй-то. ВИЛ. Пвл.

Бáтька сóвестились. В-Т. Врш.

2) *сóвеститься + перед + N₅*

Сóвестилась я перед людьми́. ПИН. Врк.

3) *сóвеститься + V_{inf}*

Совестю́сь одéть брjúки. ПРИМ. 33.

Человек *сóвестится*, когда испытывает неловкость, считает неудобным делать что-то в присутствии других людей: *Сóвестицца, што рубáшку сь́мут.* ВИН. Зст. *Совестю́сь одéть брjúки.* ПРИМ. 33. *Я жыла́ с Олёксéйом, фсё сóвестилась – са́мы собо́й мы́лись.* ЛЕШ. Лбс. *Сóвестицца йéсли дéфка, дак тя́пнёт, а пото́м уш бúдут игрáть, как полóжэно.* ЛЕШ. Смл. *Ма́ленькой ищé, сóвестицца.* ЛЕШ. Юр. *Но, ты шы́пко-то не совестісь (внуку).* ЛЕШ. Кб.

Данное значение связано со стеснением и часто реализуется в ситуации встречи невесты и жениха: *Невэ́ста сóвестицца. Самова́р ста́вят, бúдят невэ́сту. Она́ одéница, она сóвестицца.* ХОЛМ. Звз. *Жэ́них (пришел), дак (невеста) сóвестицца.* В-Т. Грк. *Не сóвеститесь, мы́ веть не жэ́нихи́.* ЛЕШ. Лбс.

Этот же глагол используется, когда человек считает неудобным говорить что-либо, озвучивать свои мысли: *Фсё молцэ́ли да сóвестились.* В-Т. Грк. *Сóвестилась я перед людьми́, никогда́ о себе́ сло́ва не говорі́ла.* ПИН. Врк. *Она́ уш не сóвестицца, она́ уш фсё пря́мо говорі́ла.* КОН. Клм.

Кроме того, глагол употребляется в ситуации угощения, где *сóвеститься* – ‘стесняться, из вежливости или природной скромности отказываться от чего-либо’: *Не сóвестесь-то, йéште.* В-Т. Вдг. *Она́ сóвестице, не йес ничегó.* ПИН. Влт. *Не сóвестись, а та́м земля́нка ску́снёе.* КАРГ. Ош. *Я сóвестилась, ни за цы́то не поса́деш ця́й пить.* КАРГ. Оз. *Йéште, не сóвеститесь.* ПИН. Нхч. *Я говорю́, пéйте, пéйте, не сóвеститесь.* МЕЗ. Аз.

Подзначение ‘стыдиться, испытывать неудобства за свои действия перед кем-либо’, как правило, реализуется, когда глагол управляет Р. п.: *Он уш не лени́цца, што не охóта дéлать, а ребя́тишок сóвестицца.* В-Т. Пчг. *Так я ма́мы до́лго сóвестилась: не запи́саны бы́ли.* ПИН. Трф.

Сóвестить в значении ‘стыдить, стараться привести к осознанию проступка и к раскаянию’ – каузативная форма глагола, к ней обязательно добавляется объект: *сóвестить* (кого?) + N₄. Например: *Робя́т сóвестила*. В-Т. Пчг. *Ты меня́ не сове́сти́. У меня́ чиста́ сóвесть*. ШЕНК. УП.

Глагол *сóвестничать* отмечен в значении ‘блюсти честь’: *Ниско́лько и не сóвесни́чат, ду́маш, одна́ она́* (ночует)? ЛЕШ. Плщ.

Предикатив *сóвестно* апеллирует к морали: *Он поступи́ў-то нехорошо́, сóвесно*. КОТЛ. Фдт. Соотносится с чувством стыда перед другими людьми: *Ой, сóвесно ити́ к ма́тери!* КАРГ. Оз. *Сóвесно бы́ло, в сто́рону бредё́т*. ЛЕШ. Клч. *Веть э́то сóвесно – на дрóвнях йéздить*. В-Т. Грк.

Таким образом, прототипический сценарий СОВЕСТИ включает в себя три семантических актанта: испытывающего неловкость субъекта, аудиторию²⁴, перед которой человек *сóвестится*, и действие или ситуацию, за которые *сóвестно* (см. табл. 3).

Таблица 3. Семантические валентности глагола *совеститься*.

X	Y	Z
Subj.	Aud.	Cont.
N ₁	N ₂ / перед + N ₅	V _{inf} / , что...

²⁴ Актанты названы по обновленному списку семантических валентностей, приведенному в [Апресян 2007: URL], где в числе прочих упоминается ‘Аудитория’, когда действие происходит *перед* кем-л.

2.2. ЧЕСТЬ

Сохранить достоинство можно и на необитаемом острове,
тогда как понятие чести связано с социумом.

(А.В. Санников)

А. Историко-лингвистический комментарий

Праславянское слово **čьstь*, имеющее индоевропейские корни, представлено во всех современных славянских языках: укр. *честь*, блр. *чесьць*, болг. *чест*, серб. *част*, чеш. *čest*, польск. *cześć*²⁵ и др. Древнее значение связывалось с мышлением [Фасмер IV: 350].

В.В. Колесов в книге «Русская ментальность в языке и тексте» выстраивает хронологическую цепочку смыслов, характерных для русского понимания чести: ‘честь’ → ‘почесть’ → ‘уважение’ → ‘достоинство’ → ‘репутация’ → ‘престиж’ [Колесов 2007: 502–509]. По мнению ученого, идея «обдумывания», заложенная в *чести*, утратившей изначальный смысл ‘часть’ (*счесть* – посчитать по частям, *прочесть* – прочесть по частям), трансформируется от индивидуальной к коллективной в омонимах *почитать*-‘читать’ (кому-л.) и *почитать*-‘славить’ (кого-л. перед кем-л.). Впоследствии с первым из них семантически связывается глагол *про-честь*, а со вторым – существительное *по-честь* как признание социума. *Уважение*, от глагола *уважить* – «оценить, взвесив на весах разума» (*вага* – ‘вес, тяжесть’), сближается с *честью*-‘почестью’, которую можно сосчитать – *учесть*, *счесть*. ‘Достоинство’ – привычный для носителя литературного языка смысл лексемы *честь*, сформировавшийся к XVII веку (от сословной *чести* к личному *достоинству*). *Репутация* – слово, заимствованное из польского языка при Петре I, такая *честь* не оценка личности со стороны общества, а «данная авторитетность харизмы». И, наконец, *престиж* – авторитетность влияния, «сугубо личное мнение». Таким образом, *честь*

²⁵ ‘Честь’ в польском и сербском языках подробно рассмотрена в работах С.М. Толстой [Толстая 2013] и Е.И. Якушкиной [Якушкина 2017]. Сопоставление с неславянскими языками представлено в [Слышкин 1996; Спивакова 2015].

проходит путь от абсолютно общего к абсолютно личному. «Последовательность развития идеи чести привела к полному истреблению понятия чести», – заключает В.В. Колесов [Колесов 2007: 509].

«Допетровское» значение чести последовательно сохраняется в словарях русского литературного языка²⁶, но никогда не стоит в словарной статье на первом месте. Уже в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля *честь* в первую очередь определяется как ‘внутреннее нравственное достоинство’, ‘благородство’, ‘чин’ и только затем как ‘внешнее доказательство отличия, почет’ [Даль IV: 710]. Эта последовательность значений остается неизменной и в языке XX–XXI веков. См., например, в словаре С.И. Ожегова: «*Честь* – 1. <...> моральные качества и этические принципы личности... 4. Почет, уважение» [Ожегов: URL]; в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой: «*Честь* – 1. Совокупность высших морально-этических принципов личности... 2. Почет, уважение» [МАС IV: 672].

С.М. Толстая, сопоставляя русскую и польскую ЧЕСТЬ, пишет, что «внешняя» честь (= ‘почет’) – изначальное понятие чести, отраженное в древнейших значениях, тогда как «внутренняя» честь (= ‘моральный кодекс личности’) вторична. Однако если в литературном русском языке внешнее уступило место внутреннему, то в диалектном это не так [Толстая 2013: 6–7].

В диалектном языке, отражающем народную культуру в целом и народную этику в частности, архаичная семантика *чести* не только сохраняется, но и расширяется до характеристики всего хорошего и правильного, что признается таковым в коллективе. Например, в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» отмечены выражения *в честь прийтí* (‘понравиться’) и *честь не поасть* (‘заслужить немилость’), а также наречие *честно* в значении ‘по-честному, не нарушая общепринятых норм поведения’ [СРГК VI: 783].

²⁶ Об этом упоминается и в [Терина 2007].

Б. ЧЕСТЬ по данным архангельских говоров²⁷

В исследуемых говорах *честь* – ‘уважение, признание коллективом’. *Честь* понимается как почет, признание заслуг и действий человека другими людьми: *Он в честі да в мілості был фсё, Пáвел Матвѣичь*. ЛЕШ. Клч. *Бойевáя, бойевáя, бойевáя я и йѣсть, нынче смірны́е не в мо́де, бойевым большáя честь*. (фольк.) ЛЕШ. Кнс.

Данное значение реализуется также в конструкциях: *быть в честі* и *честь и похвалá*. *Честь и похвалá* – вариант фраземы *честь и хвала*, употребляемой в литературном языке для признания заслуг человека. Второй компонент выражения (*похвалá*) служит для эмоционального усиления уважительной оценки, заложенной в первом компоненте (*честь*): *А рабóчийе получáли, скóлько ты зарóбил. Песя́т процэ́нтоф – чéсть и похвалá им!* МЕЗ. Аз.

Быть в честі – ‘быть в почете у окружающих’: *Рáньшэ муці́ны мосткі́-ти лáдили, пилорáма былá, колхóз б́ыл в честі*. МЕЗ. Аз. *Он старáлся, штоп мужыкі́-то робóтали, дак он нé был в честі́-то у йі́х*. МЕЗ. Длг. *Ну́ дак мы на пéнсийи б́ыли, рóбили, жы́ли, мы рóбили и б́ыли в честі́, ребя́т нарóстили и фсех уважа́ли*. МЕЗ. Бч.

Выйти в честь – ‘заслужить благодарность, уважение’: *Я страда́ла, страда́ла (о сенокосе), а сѣ равнó в цѣсь не вы́шла. Фсѣ́ для йиу дѣлали, а фсѣ́ равнó в чѣсь не вы́йдѣш*. ПРИМ. 33.

Морально-этический аспект соотнесенности с нормой отражает фразема *честь по чéсти*. Сделанное *честь по чéсти* – это правильно, как надо, как подобает у порядочных людей, как закреплено традицией в данном коллективе. Характеризует отношения между людьми: *Чéсть по чéсти свáтаца приході́л*. ПЛЕС. Фдв. *Фсѣ́ честь по чéсти, никогдá не рúгивала зятѣ́й-то*. ЛЕШ. Клч. Также относится к артефактам в значении ‘как положено, добротнo’: *А тепѣ́рь чéсть по чéсти пáмятник здѣлан*. ОНЕЖ. Кнд. *Зы́бочьки стрóганы чéсть по*

²⁷ См. Приложение 5.

чести, и подвешивали к о́чепу. ВИН. Кнц. *Билеты заготовлены, фсё честь по чести.* МЕЗ. Аз.

В этом же значении употребляется форма Т. п. *честью* в функции наречия: *Нету тако́го целове́ка, што́бы честью рабо́тать.* КАРГ. Ус. *Зделали, фсё честью прожы́ли.* ВЕЛЬ. Пжм.

Морально-этическое содержание чести («личная» честь) в архангельских говорах выявлено в сравнительно небольшом количестве контекстов. Оно варьируется в зависимости от гендерной характеристики субъекта. Мужская честь («порядочность») отличается от женской чести («непорочности»): *А па́рень – тако́й ворю́шка: фсё там в до́ме сло́мано. Па́рень, говоря́т, бес че́сти: ра́му лома́л, фсё набедоку́рил фсё там.* ВИН. Зст. *“Я сухо́го хле́ба не йём, фсё со слеза́ми,” – фсё пла́чет о своей́ че́сти. Взáмуи вы́шла че́сная.* ЛЕШ. Кнс.

Оппозиция МУЖСКОЙ – ЖЕНСКИЙ является одной из ключевых в славянской культуре. Согласно народным представлениям, души мужчин и женщин отличаются друг от друга. Например, в одной из польских поговорок говорится, что «у мужчины душа около сердца, а у женщин – в животе» [СДЭС II: 163]. Мужская честь – способность сохранять и приумножать репутацию семьи, полученную от предков. Женская честь – «репутация, основанная на сексуальном поведении женщины» [Кабакова 2012: 22].

Честь как женская порядочность – достаточно распространенное в русских говорах значение, которое фиксируется разными диалектными словарями. Так, например, в новгородских говорах выражение *снима́ть че́сть* означает ‘осуждать, пускать плохую славу про кого-л.’: *Не судите, бабы дуры, не снимайте с девок че́сть. Больше тем судить не надо, у которых дочери есть* [НОС 12: 55]. В ярославских говорах отмечена лексема *поче́стье*²⁸ – ‘празднование наутро после брака, если невеста оказывалась *честной*’, т. е. непорочной [ЯОС 8: 78]. Этот

²⁸ В архангельских говорах *поче́стье / че́сть* – тоже часть свадебного обряда, но в первый день, после венчания (связь с почитанием родителей, а не с порядочностью невесты): *Прийе́дут с веньца́ – поче́сьйо называ́ют, а пото́м – ба́нник. На фторо́й день – ба́нник.* ПРИМ. 33. *И по́ехали на че́сть* (часть свадебного обряда, когда славят родителей). *Пі́сни по́йу́т. К жэ́ниху.* ЛЕН. Рбв.

аспект семантики (честь = ‘женская непорочность’) можно считать общерусским и ключевым для русской ЯКМ.

Представления о чести как о морально-этическом качестве выявляются при рассмотрении ряда антонимичных употреблений с приставкой *без-* (*бесчестье, бесчестной, бесчестно, бесчестновать*). *Бесчестье* – отсутствие чести, нечто позорное, неприемлемое в коллективе, порицаемое им: *Принесут сколотка* (внебрачного ребенка), *нонь не бесчестью*. В-Т. Грк. *Никака робота ни бесчестная*. МЕЗ. Дрг. *Нам бесчестно было некрещионым ходить*. МЕЗ. Крп. *Прийедет, штобы бесчестновать* (вести себя неподобающим образом). ПИН. Ср.

Уважительное отношение к чему-либо в семантике *чести* может переходить в признание высоких качеств людей и артефактов. Так, выражение *быть в чести*, описанное выше применительно к почету, употребляется и в значении ‘цениться высоко, быть востребованным’ в отношении:

- одежды и украшений – *Да в честэ были раньшэ и галошы. Пофорсеть надо, так оденут и в жаркую погоду в галошах*. КАРГ. Ар. *Сичэвой ситник, ситник йешио в честі был*. ОНЕЖ. ББ. *До того доскут эти тетёрки, дак везут фсе коробами, в честі они были. Кто такойе были рукодельны, дак они такойе ажурныйе, тонкийе выдэлывали, тетёрочки-ти*. КАРГ. Ар. *Бусы, пряшки тогда звалися. Большой фсе восковы, жолты, светлы, новы, толстяшчи, эти восковы пряшки были в честі тогда*. ЛЕШ. Блщ.

- еды и напитков – *Реткостное кушанье, в большой честэ*. УСТЬ. Сбр. *Сыройеш, горянка – у нас эти грибы не в почёте, для нашей семьйи эти грибы не в честі*. ХОЛМ. Сия. *Калачьями сушки называем. Раньшэ в честі были. Беда, празник был с калачьями*. ПИН. Нхч. *Это пиво раньшэ было в цистэ*. ВЕЛЬ. Пжм.

Ценятся не только материальные предметы, но и, например, имена: *Миколай-то – фсегда было имя в честі*. ОНЕЖ. ББ.

Признание высоких качеств девушки – внимание к ней молодого человека: *Гуляли по празникам, по вечеркам. Я фсегда в честі была. По вечеркам ходили*

гулять, вездé была в чести, ребята фсегдá меня брали в круги. ЛЕШ. Клч. Это та честь, которой надо дожидáться: *Дéвушки йесть дéвушки. На какú не смóтрит – тá не запехáйешия. Дожыдáйся чéсти* (самой нельзя бегать за парнями). МЕЗ. Аз.

Честь как качество, признаваемое в человеке окружающими, может метонимически переноситься на уважаемого человека (качество → носитель этого качества): *Когдá чихнёт, говорíли: «Чихíрь вáшэй мíлости!» А отвéт: «Красотá вáшэй чéсти!»* ВЕЛЬ. Пкш.

В предложно-падежной конструкции *в честь* кого-л. или чего-л. реализуется значение ‘в знак уважения или памяти’: *В чесь мeня́ и внúчьку нáзвали, прáвнучьку.* ВЕЛЬ. Пжм. Некоторые контексты с этой конструкцией доказывают, что сема ‘уважение’ может затухать. Например: *Моря́нка – се́верной вéтер, в честь мóря.* ПРИМ. Ннк. Здесь честь уже нельзя связать с уважением или памятью, выражение *в честь мóря* используется при рефлексии над внутренней формой слова *морья́нка*. Таким образом, *в честь* переходит в разряд предлогов и употребляется как предлог *из-за* – в значении причины: *Керошýнский, а назáфте был Сóгринский* (перенесли с 27 на 28 июня) – *в чéсть óчереди, нáдо фсém обгостíть.* В-Т. Сгр. Отмечена вариативность предложно-падежной сочетаемости *в / за честь*: *Вы хóть бы в честь уважéнию остáвили.* ПРИМ. Ннк. *За чéсть чевó?* (зачем) ПРИМ. Ннк.

Слово *честь* в значении ‘уважение’ также употребляется с оттенком иронии в тех контекстах, где речь идет о незаслуженном уважении или о его отсутствии. *Допры́гаться до чéсти* – совершить поступок, вызывающий неуважение говорящего к субъекту действия и некое возмездие со стороны высших сил: *Олéшка, ты́ ведь допры́гаэшия до чéсти – ты остáнешия косолáным!* ПИН. Квр. Синонимичное выражение – *добéгать до чéсти*: *Добéгал до чéсти севóдня – увезлí на сенокóс.* МЕЗ. Длг.

Так в говорах проявляется речевая энантиосемия: *честь* – ‘неуважение, некое возмездие’: *Йему́ такáя честь бúдет* (получит по заслугам), *Боу йевó увидит. Вот тák мáтери жывúт у паразíтоф, йему́ такáя жэ честь бúдет.* КАРГ. Крч.

Если кому-то оказано уважение незаслуженно, то ему *много чести*: *Да на Погост – так это жэ чести много, што замуш взяли на Погост* (в богатую деревню). КОН. Твр. *Йесли такая уш нахалка, как мама, так Аней много чести* (называть). УСТЬ. Стр. Отметим, что честь можно измерить – *много / мало, больше / меньше*: *У меня свой-то кот зачихает – я йевó гоню на улицу, йещё много чести – котá лечить*. В-Т. Стр. *Щяс народу много, чести-то йей* (кошке) *мэньшэ*. ШЕНК. ВЛ.

Честь воспринимается как временная характеристика, которая может *отойти* (закончиться / измениться): *Мама йему перед армией дэра дать хотела, а он у йей из рук ухват взял и говорит: «Отошла та честь, штобы ты мне дэра давала»*. ВЕЛЬ. Пкш.

Семантика уважения в исследуемых говорах представлена синонимическим рядом слов *честь, уважение, почёт, важность* и *завожжение*: *Фсю жысть не пила да фсю жысть не в честэ была*. В-Т. Стр. *Чё боитесь-то? Чышэцька-то не вередит для уважэнья-то*. МЕЗ. Цлг. *Ребята хорошы родяця, а поцёту* (им) *не дают*. ПЛЕС. Кнз. *Заслужыть надо важность*. ХОЛМ. Слц. *К иконам завожжэния нет*. УСТЬ. Бст.

В фольклорных контекстах также зафиксировано существительное *почтэнье* в сочет. *воздатó почтэнье*: *В саду ягода-малинка, йей поцтэньёо воздатó*. ПРИМ. 33.

Недостаточное уважение – *уважэньице* – противопоставляется *чести* – ‘уважению’: *Уважала, уважала, уважэньицэ не в честь. Наконёц йему сказа́ла: «Пофартóвей тебя йесть»*. (фольк.) ПИН. Ёр.

В диал. *уважэнии*, как и в *чести*, заложена и семантика признания годности, хороших качеств. Это хорошо видно на примерах с глаголом *уважать*. Сравним: 1) *Дивичюшэк-то* (старых дев) *уважали: сама себя сохранила*. ПИН. Врк. *Я тём довольна, што ищэ меня уважают*. ПРИМ. Ннк. и 2) *Я их не очень уважаю* (‘признаю, считаю годными, хорошего качества’), *обáпкоф: глэские, сліски, по корзіне ползут*. КАРГ. Оз.

Семантика признания годности, хороших качеств есть и у дериватов *почёта*: *Антарі* (янтарные бусы) – *это очень почётно*. ПИН. Чкл. *Я опёнки не беру, они на навóзных кучях расту́т, а возьму́ лутшиэ непочётныйе: серушки, красульки, груздо́чки*. ШЕНК. ЯГ. При этом прилагательное *почётной* сохраняет в говорах и исходное значение ‘уважаемый’: *Какá фами́лия вы́сока, тот фпереді ста́вицца. Выsóка фами́лия – почётна*. МЕЗ. Дрг. *Стои́т как фко́пана, никто́ не ра́т, непочётна*. ПИН. Квр.

Коллективное признание традиционно выражается общеупотребительными словосочетаниями *доска́ почёта* и *почётная гра́мота*: *Я зашла́ – на доске́ почёта она́, я срáзу и заулыба́лась*. В-Т. Сгр. *Вёсьнё он на доске́ почёта*. ПИН. Кшк. *Почётну гра́моту мы заробóтали*. ПИН. Ср. *У меня́ веть мно́го почётных гра́мот, в кра́сной кни́ге занесёно*. ВИН. Уй.

В говорах, кроме того, фиксируется выражение *почётная доска́*: *Она́ в Строефско́й на почётной доске́ была́*. УСТЬ. Сбр. Причем на этой доске не висят, а сидят, на нее сажáют: *Ты, Ива́н Миха́лыч, фсе́ на почётной доске́ сиди́ш*. ОНЕЖ. Хчл. *На почётну до́ску меня́ посади́ли*. ЛЕШ. Рдм. Доска почета также может называться *кра́сной доско́й*: *Я на кра́сной доске́ сидéла*. ВЕЛЬ. Лхд. *Они́ тогды́ меня́ на кра́сну до́ску посади́ли*. ПИН. Врк.

Отметим и синонимию фразем *быть в честі* – *быть в почёте* / *держáть в честі* – *держáть в почёте*: *Я фсегда́ была́ в честі*. ЛЕШ. Клч. *Дворники* (мужчина, пришедший жить в дом жены) *не в почёте бы́ли – не хозяйёва*. КРАСН. ВУ. *Ой, Неони́ла Па́вловна – она́ ма́ть так не люби́ла, как йейо́ любит, она́ ма́ть так в цесте́ не держáла*. ВИЛ. Пвл. *Бабушку-то держáли они́ во почёте. В почёте держáли лю́ди-та*. НЯНД. Мш.

Возможна вариативность предлогов – *в* / *на*: *Кузнéц на селе́ был на почёте, это́ фсе́ робóта йего́шна*. ШЕНК. ЯГ. *Бедноту́-то ста́л Лёнин шы́пко на поцёте держáть*. КОТЛ. Збл.

Унизительное или тяжелое положение, противоположное почёту, называют *заго́ном*: *Да я веть не в заго́не живу́, в почёти живу́, зачём мне?* ПИН. Врк. *Худо она́ жы́ла, в заго́не фсе́ была́*. МЕЗ. Мд.

В. а) *Честной (честной)* человек

Атрибут *честной* развивает свою семантику в двух направлениях: от *честь*-‘уважение’ и от *честь*-‘порядочность’, в соответствии с семантическим наполнением получая ударение на первый или второй слог.

Честной – ‘уважаемый коллективом’: *На виду́ чесных людéй гоорит такú йересь?* ПИН. Врк. *Дэвье нáзвишио-то* (прозвище) *цеснойе, прóзвишио да дорогóйе.* ПИН. Влт. *Вот како́ у меня́ фсё чесно́, на фотографийу попáло* (о старинной одежде). ПИН. Пкш. *Тóфны-те цесны́ бы́ли, то́фь и глáтки, и пéстры.* ЛЕШ. Смл. *И фсю чесну́ нидéлю звоня́т на колоко́льне-ту.* КАРГ. Лкшм.

Честной – ‘порядочный, нравственный’: *Чэсна дэвушка до свáдьбы.* ПИН. Врк. *По закóну по бо́жйему в чэсных поря́тках прожывéш.* ПИН. Врк.

В статье Г.И. Кабаковой «Концепт чести в ритуале гостеприимства» говорится о том, что «концепт чести имеет и гендерный аспект» [Кабакова 2012: 22]. Мужская честь ассоциируется у носителей языка со «способностью сохранять и приумножать символический капитал, полученный от предков вместе с именем». В свою очередь, женская честь является репутацией, которая основана «на сексуальном поведении женщины» и «входит составной частью в понятие чести мужчины» [Кабакова 2012: 22], то есть легкомысленное поведение жены ложится пятном на честь мужа как главы семьи.

В архангельских говорах прослеживается четкая оппозиция *честной мужчина* ‘не способный на обман, преступление’ – *честная женщина* ‘непорочная’: *Гол да не вóр, беден, но чэстен – вот четы́ре слóва йóмких.* ПИН. Ёр. *Дэфка чэсна, не гу́лена, чэсна-то дэфка.* ПИН. Нхч. *Чесна́ дэфка бы́ла.* ЛЕШ. Кнс. *Чэсной дэвушкой выходи́ замуш.* КАРГ. Ух.

И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев, сравнивая *честность* и *справедливость*, делают важное замечание: прилагательное *честный* совмещает в себе понятия о чести и честности. *Честная девушка* и *честный работник* – не одно и то же. Доказательством может служить разница в значении производных прилагательных с антонимичным значением: *бесчестная девушка*, но *нечестный*

работник. Общее в семантике – ‘порядочность’ [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 232–233]. Этот тезис подтверждается диалектным материалом: *Нечёсной человек* (о зяте, который обманул). ПИН. Шрд. *Никакá робóта ни бесчёсная* (не позорная). МЕЗ. Дрг. При этом в говорах аморальная женщина может быть названа как *бесчётной*, так и *нечётной*: *У íх такой закон, што нецёсну-ту так не брáть* (в жены). ПИН. Ёр.

б) Ситуация чествования

Архаичный пласт семантики слова *честь* связан с древнейшим ритуалом гостеприимства (на этимологическую близость существительного *честь* с глаголом *почевать* указывал М. Фасмер [Фасмер IV: 350]). Г.И. Кабакова отмечает, что с помощью лексемы *честь* и ее производных «язык описывает многие стороны ритуала гостеприимства» [Кабакова 2012: 22]. Хозяин приглашает или встречает гостей, показывая свое уважение и радушие, отводя им почетные места и предлагая лучшие блюда. Гость, в свою очередь, оказывает честь хозяевам, принимая дары. Эта семантическая зона *честь* очень важна для народной культуры и широко отражается в диалекте.

В исследуемых говорах выражение *вся честь на столé* является формулой речевого этикета для начала процесса угощения (ср. лит. *чем богаты, тем и рады*): *А рáньшэ гостéй соберу́т и фсё вы́ложат, ска́жут: «Ку́шайте, фся честь на столé, на больш́ых пирога́х не осудíte»*. КАРГ. Ар. *Пожáлуста, фся честь на столé* (приглашение к чаепитию). ОНЕЖ. ББ. *Угоця́йтесь-то, фся́ честь на столé, сво́ими-то пря́никами дивья́*. ПЛЕС. Фдв. Хозяйка дома оказывает уважение гостям в виде угощения: *Ку́шайте, гóсти, фся́ честь на столé. Э́то знáчит, угоця́ю вас по-чёсному, ничевó не жалéю* (все лучшее на столе). КАРГ. Ух. *Я спеца́льно для вас и поджа́рила. Такой́ чёсти в Москвé не бу́дет*. ПИН. Нхч. Уважение и почет гостю могут быть *предлóжены*: *Чёсть гóстю предлóжэна, а бо́у гостéй избáвил – сла́ва бо́гу*. КАРГ. Крч.

Производные от существительного *честь* глаголы *честить* и *чествовать* в архангельских говорах являются синонимами и развивают свои значения не

только в той семантической зоне ЧЕСТИ, которая связана с уважением в процессе ритуала гостеприимства, хотя она оказывается преобладающей. Глагол *чэствовать* представлен в говорах двумя фонемными вариантами: *чэствовать* и *чэствовать*. Семантических различий между ними не зафиксировано.

Глаголы обнаруживают в говорах следующие значения:

- ‘отдавать дань уважения кому-либо’

Честить: Дёнег даю́т педдеса́т рубле́й, честя́т уш. КАРГ. Лкш. Отсюда образовалось значение ‘называть почтительно, отзываться с уважением’: *Я на то́не сидела́, рыба́цила, о́й, меня́ уш честили́. Йо́го цестя́т «гла́вной рыба́к».* ПРИМ. 33.

Чэствовать (чэствовать): Им де́нь рождéнья бы́л, чэствовали́ и́йх, почёт им бы́л, престаре́лым, оти́авленым тру́жэникам. ОНЕЖ. Тмц. *Чэствовать бу́дем иейо́ на днё́ дере́вни.* ВЕЛЬ. Пкш. Характерно для контекстов, описывающих народные собрания или праздники.

- ‘оказывая уважение, приглашать куда-либо’

Честить: Рас честя́т тебя́, то пойдí. ПРИМ. 33.

Чэствовать: Ты́ уш намы́лась? В ба́ню чэствуют. ОНЕЖ. Тмц.

- ‘оказывать уважение в виде угощения’

Честить (чэстить): А и́ехать – и́дут, да на́ть цестить. КАРГ. Ар. *Ста́ла те́шчя честить (зятя).* КАРГ. Лдн. *Ну их ра́ншиэ и корми́ли, и чэстили.* КАРГ. Лкш.

Чэствовать: Почэствуйте го́стя. КАРГ. Ар.

Языковой материал вскрывает пласт древних народных традиций гостеприимства: *Бывало́, чэствовали – в го́сти кто́ придёт, та́щют ла́тку ры́бы – и чэствуйте.* МЕЗ. Бч. Накормить гостей – главная задача хорошей хозяйки: *Я тебя́ чэствовала. Меня́ она́ то́жо чём-нибудь чэствует.* ПИН. Чкл. Способность *чэствовать* может становиться предметом ироничной самокритики хозяйки: *Берите́, я веть не уме́ю чэствовать, берите́ са́ми, са́ми хозяйева.* ОНЕЖ. Тмц. *Севóдня ишио́ яблоко́ф купи́ла, да вас не чэстую, у вас в Москв́и-то и́есть.* КАРГ. Ар.

Сценарий ЧЕСТВОВАНИЯ-угощения предполагает субъекта-хозяина, объекта-гостя и средство – предлагаемое блюдо; в ситуации оказания уважения вместо средства – то, за что уважают (валентность содержания может не заполняться), в ситуации приглашения уважаемого человека куда-либо появляется валентность места (см. табл. 4).

Таблица 4. Семантические валентности глаголов *честить* и *чествовать*.

X	Y	Z
‘угощать’		
Subj.	Obj.	Med.
N ₁	N ₄	N ₅
‘уважать’		
Subj.	Obj.	Cont.
N ₁	N ₄	за + N ₄ / то, что...
‘приглашать’		
Subj.	Obj.	Loc.
N ₁	N ₄	в / на + N ₄ ; Adv

2.3. СТЫД

Стыд есть драгоценнейшая способность человека ставить свои поступки в соответствие с требованиями той высшей совести, которая завещана историей человечества.
(М.Е. Салтыков-Щедрин)

А. Историко-лингвистический комментарий

Слово *стыд* восходит к общеславянскому слову **studъ* (**stydъ*), в исходном значении именовавшему «то, что заставляет сжиматься, цепенеть, коченеть» [Черных II: 214]. М.В. Рукавишникова, анализируя этимологию слова *стыд*, говорит о том, что первоначально и *стужа*, и *стыд* использовались для обозначения холода как явления природы, а также состояния человека. Далее развитие шло «путем метонимии от “стыда наготы” через обозначение интимных действий и частей тела к пороку» [Рукавишникова 2009: 124]. Слово *стыд* в различной огласовке представлено в современных славянских языках: укр. *стид*, польск. *wstyd*, серб. *stîd*, болг. *студ* и др.

Феномен стыда издавна интересовал биологов и психологов. Для ученых негуманитарных специальностей стыд – яркая эмоция, которая имеет внешнее проявление (самое заметное для окружающих – покраснение лица). Ч. Дарвин первым отметил, что стыд вызывается не только критикой, но может возникнуть и в ответ на похвалу. Эмоция стыда связывается психологами с ощущением неадекватности, неуместности своих действий, вызывающих повышенное внимание других людей (например, в [Изард 2008]). Такое понимание сближает стыд со стеснением, только последнее появляется при нарушении не этических, а этикетных норм.

В философии стыд считается не эмоцией, а чувством. В труде «Оправдание добра. Нравственная философия» В.С. Соловьев называет чувство стыда среди первичных данных нравственности: «Я стыжусь, следовательно существую, не физически только, но и нравственно» [КФС 2004: 358].

Лингвисты до сих пор не пришли к единому мнению, является ли стыд чувством или эмоцией. Словари литературного языка, как правило, включают в дефиницию *стыда* слово *чувство*: «*Стыд* – чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблаговидности своего поступка, поведения» [МАС IV: 296]. Анна А. Зализняк объясняет это тем, что синонимы *эмоция* и *чувство* в разговорном языке получили разную концептуализацию. Эмоции – неуправляемые силы, оцениваемые как дурные. «В отличие от *чувств*, которые локализируются в *душе* и тем самым относятся к области “высокого”, *эмоции* – это нечто бездуховное, почти физиологическое, *телесное*, т. е. “низкое”» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 171–174].

При этом в работах других авторитетных филологов можно обнаружить двоякую трактовку. Например, у Ю.Д. Апресяна читаем: «*Стыдиться* – ‘испытывать чувство, какое бывает, когда субъект считает, что имеет отношение к чему-то плохому или отклоняющемуся от нормы, из-за чего другие люди могут хуже о нем думать’» [Апресян 2009: 306], а далее: «...*стыдиться* описывает самую глубокую в данном ряду эмоцию, которая надолго остается в душе» [Апресян 2009: 308].

Таким образом, точнее будет сказать, что *стыд* в русском языке обозначает и эмоцию²⁹, проявляющуюся внешне, и чувство этической оценки собственных действий. Анна А. Зализняк объединяет стыд и близкие ему эмоциональные состояния (на примере слов *стыдно*, *совестно*, *неудобно* и *обидно*) семантикой «щепетильности» [Зализняк А. 2006: 285]. Л.Е. Антонова называет *стыд* «доминантой синонимического ряда слов», обозначающих «дискомфортное эмоциональное состояние» [Антонова 2009а: 179].

Первоначальное значение слова *стыд* – ‘внешний стыд, позор’, «покрывающий человека в глазах других людей» [Арутюнова 2000: 56]. В древнерусских памятниках слово *стыд* отмечено с XI века [Срезневский 1958: 679–680] в двух значениях: 1) ‘чувство смущения, неловкости’ – с *великим*

²⁹ Эмоцией стыд называется в [Колиева 2010; Малахова 2009] и др.

стыдомъ вопросы, дѣичей стыдъ; 2) ‘позор, бесчестье’ – *позорства и стыда великаго* [Сл. РЯ XI–XVII вв., 28: 222–223].

В дальнейшем значение слова *стыд* эволюционирует в сторону более личного чувства, хотя связь с общественным мнением остается в его семантике. «Стыд предполагает взгляд извне»: стыдно, когда видно, а когда не видно, то уже и не стыдно. В этом главное отличие стыда от совести: «...стыд формирует социального человека, совесть – нравственную личность» [Арутюнова 2000: 58]. Совесть будет «напоминать» человеку о его проступке, даже когда о нем не знают другие. При этом стыд тесно связан с совестью, поскольку он позволяет осознать отклонение своих действий от норм морали, за соблюдение которых отвечает совесть.

Н.Д. Арутюнова пишет, что СТЫД – это «первый социо-оценочный концепт», который появляется в Ветхом Завете. Он обозначал позор и посрамление, а также «маркировал осознание человеком своей греховности» [Арутюнова 2000: 58–59]. В статье «О стыде и стуже» Н.Д. Арутюнова отмечает несоответствие между этимологической соотнесенностью с холодом и реализацией в языке «жаркого» образа, основным симптомом которого является покраснение лица: *раскраснеться от мороза, но покраснеть от стыда; горячий, жгучий, но не холодный, ледяной стыд* [Арутюнова 1997: 59]. Концепт СТЫД, связанный с «внутренним сгоранием» также рассмотрен в статье О.П. Ермаковой «Концепты совесть и стыд по данным языка» [Ермакова 1999].

В русском языке сформировалась синонимическая пара: *стыд* как проявление индивидуального чувства человека и *срам* как объективное отношение к нему коллектива. Позднее произошло устранение дуализма понятий и замещение пары *стыд – срам* одним словом *стыд* в двух значениях: «эмоциональном» (внутренняя оценка – *Мне стыдно.*) и «деонтическом» (внешняя оценка – *Это стыдно!*) [Шмелев 2002: 118]. Отметим, что в просторечии и диалектах слово *срам*³⁰ продолжает существовать.

³⁰ В архангельских говорах – в двух фонетических вариантах: *срам* и *страм* (см. п. 3.4).

Л.Е. Антонова исследует семантику *стыда* комплексно: в нормированном языке, в сфере просторечия и в современных диалектах [Антонова 2009б]. Так, в круг изучаемых слов впервые вводятся лексемы *засóрно*, *засóрный* в значении ‘постыдный’. В архангельских говорах слово *засóрно* пересекается не только со *стыдом*, но и с *завистью* (см. п. 3.5).

Б. СТЫД по данным архангельских говоров

Стыд в исследуемых говорах обозначает индивидуальное чувство, возникающее при осознании несоответствия своих действий правилам поведения, которые негласно закреплены в коллективе: *Не успе́ет молодё́ш уйёхатъ, скорёе уи в кровáть ложáца. Рáньше этóво нé было, рáньше стыт*. МЕЗ. Длг. Существительное *стыд* употребляется в предикативной функции в составе устойчивых сочетаний *сты́д-то какóй*, *за сты́д*, *до сты́ду*, имеющих значение ‘стыдно’: *Пришли́ гóсти, я сё в подóли катáю – сты́т-то какóй!* ЛЕШ. Брз. *Сединá или лы́сость – ничевó, не за сты́т щяс*. ПРИМ. ЛЗ. *Не до сты́ду, не до смеху́* (носить шерстяные носки). ПИН. Нхч. Стыд в подобных контекстах сближается со стеснением и боязнью публичного позора.

Экспрессивное выражение *сты́д-то какóй* может распространяться дополнением в Д. п. при обозначении лица, которому должно быть стыдно: *А какóй сты́т-то йей, она́ фсё потеря́ла*. ОНЕЖ. Хчл. Так актуализируется субъект – носитель чувства.

Отсутствие стыда у человека, совершающего аморальный поступок, подчеркивается с помощью двойного отрицания в словосочетании *ни скóлько ни сты́да*: *Э́то смотре́ть позóр! И нискóлько ни сты́да!* ЛЕН. Кзм.

Конструкция *будь ты сты́д* употребляется как междометие, она может иметь различные модальные значения в зависимости от ситуации. Например, выражает досаду в ответ на фразу «Часы-то у вас остановились»: *Бу́ть ты сты́т! Фу́-ты, бу́ть ты сты́т, вóт как хря́снула, то́лько гвось вы́пал ни по што́. Бу́ть ты сты́т!* КАРГ. Ус.

Со стыду – ‘от стыда’: *Агличянку – корáнь (корабль) – чяйки обосрали, и она со стыду вернулаь обратно.* ОНЕЖ. АБ.

С представлениями о бесчестии, позоре связана конструкция *со стыдóм с пирогóм*: *А я-то куда пойеду со стыдóм с пирогóм?* ЛЕШ. Кб. Значение этой фраземы может интерпретироваться по-разному:

а) *Со стыдóм* – ‘испытывая стыд оттого, что ребенок незаконнорожденный’. *С пирогóм* – ‘с новорожденным ребенком’. Метафорическая связь «человек – хлеб» характерна для говоров, она просматривается, например, в семантике слова *новоиспечённый*. В родильном обряде младенца после рождения клали в *полоту́ху* – деревянную посудину для замешивания теста или формирования хлеба; недоношенного ребенка «допекали» в печи: *В полоту́шке в ба́ню носіли. Полоту́шка из берёста, там жы́то полóли. Недонóшэного ребёнка в полоту́шке на печі держáли, в пуху́ да.* ЛЕШ. Клч. На территории Архангельской области в ритуальном обращении к недавно родившей женщине младенец именуется *хлёбом*: *Пока́зывай хлёбы свої.* ЛЕШ. Клч. Последнего ребенка в семье называют *заскрёбыш*, *поскрёбыш*: *Заскрёбыш послéдного назывáют, по сусéкам поскреблі.* МЕЗ. Пгр. [Коконова 2009: 413–414].

б) *Со стыдóм* – ‘с незаконнорожденным ребенком’. *С пирогóм* – ‘ни с чем’, т. е. без мужа. Эта версия базируется на наличии в говорах выражений со словами, обозначающими хлебобулочные изделия, в значении ‘вернуться с рыбалки / охоты без добычи’ – *прійті с пирогóм, с сухарём, с кóлобом.*

То, что является постыдным, в архангельских говорах, как и в разговорном языке городского жителя, может быть обозначено собирательно – экспрессивом *стыдобá*: *А он порва́л дневнік, дак ёто какáя стыдобá!* ВЕЛЬ. Пкш.

Слово *стыд* представлено в картотеке АОС не так широко, как *совесть* (всего около 300 контекстов), однако его семантика не менее ярко проявляет себя в глагольной сочетаемости.

Стыд воспринимается как внутренняя, телесная составляющая. В глазах можно увидеть не только совесть, но и стыд: *У них нéту в глаза́х стыда́!* ЛЕШ.

Лбс. Глаза метонимически замещают человека в экспрессивном выражении *стыдно глазищам: Взял дэньги, дак не захóдит, стыдно-то глазищям*. ОНЕЖ. Трч. В «Словаре русских народных говоров» отмечены синонимичные словосочетания *стыды́ до глаз* ‘будет очень стыдно кому-то’: *Чай, стыды до глаз, кто придет, в избе-ти грязи в колен. Убирайте скорее, стыды до глаз, кто увидит*. Горьк.; *гла́зы лупя́тся* у кого-н. ‘становится стыдно’: *Не хочу, чтоб из-за тебя у меня глаза лупились*. Смол.; а также *глаза́ стыдя́тся* с иным семантическим наполнением в якутских говорах (так говорят о глазах, которые болят от света) [СРНГ 7: 185; 42: 112].

Стыдясь, человек прячет *глаза́* – *обува́ет / кладёт / за глаза́ми хóдит: Мне глаза́ обу́ть да ходи́ть у ва́с питъ да йе́сь? У йе́й глаза́ обу́ты!* (поэтому она ходит к чужим людям есть). КАРГ. Лкш. *А куда́ глаза́ ста́ну клась?* КАРГ. Ус. *А за́втра оя́ть бу́дет за глаза́ми ходи́ть*. ВЕЛЬ. Сдр.

В изучаемых говорах бытует характерное и для носителя литературного языка восприятие стыда как чего-то обжигающего: пламени, костра и т. п. Стыд воспринимается говорящими как огонь, который обжигает или даже уничтожает изнутри.

Сгора́ть со стыда́ – ‘испытывать сильное чувство стыда’: *Сра́м ты, со стыда́ згорим с тобо́й*. МЕЗ. Аз. *Он ве́сь смени́лся. Он ве́сь перемени́лся, ве́сь покрасне́л – э́то ветъ со стыда́ згори́ш*. ПИН. Ёр.

Синонимичное выражение – *загоре́ть от стыда́: Тут она́ загоре́ла от стыда́*. ВЕЛЬ. Сдр. Ситуация, как правило, сопровождается покраснением лица описываемого объекта: *Лицо́ огнём жгло́* (от стыда). ВИН. Уй. Сопоставимо с *сопре́ть от стыда́* в ярославских говорах [Краткий ЯОС I: 289].

Вместе с тем в говорах, возможно, сохраняется восходящая к этимону концептуализация стыда как чего-то обжигающего не жаром, а холодом. Стыд похож на озноб в выражении *стыд берёт* ‘становится стыдно’: *Меня́ стыд берёт*. КРАСН. Прм. Такое предположение основано на широко представленном в архангельских говорах значении глагола *братъ* ‘охватывать, одолевать каким-л. состоянием’, связанным с болезнью, холодом, ознобом [АОС II: 108]: *Хóлодно*

сеодне, так и берёт. КОТЛ. Фдт. *Как я ле грéлась, меня не берёт* (холод). ПИН. Кшк. *Грип-от постоянно берёт, фсе переболеют грибом-то.* ПИН. Квр. *Никак меня болесь не брала.* В-Т. Тмш. *Немочь берёт такая.* ШЕНК. ВП.

В русских говорах Карелии также отмечена сочетаемость, сближающая восприятие ощущения стыда с холодом – *стыд падёт* (подобно снегу или дождю): *«На второй день молодые в баньку пойдут... мужику-то стыдно голым, как стыд на него падёт»* [СРГК VI: 380].

Другие примеры глагольной сочетаемости являются не менее образными, но, исходя из их малого количества или ограниченной сферы употребления, по ним нельзя сделать однозначных выводов об образах СТЫДА.

Вещная семантика, вероятно, проявляется в выражениях *есть стыд / нет стыда, держать за стыд, наприниматься стыда*.

Есть стыд / нет стыда у кого-л.: Бесстыдницы, виш, у некоторых йесь стыт. ПИН. Врк. *Молодёш-то вино глотит, стыда нет.* ВИЛ. Трп. *Как стыда-то нету, ракушка видно, софсэм дэфка* (о мини-юбках). ВИН. Кнц. *Йей стыда нету.* ПИН. Нхч. *Ума нету, стыда нету, ис Кóми молотка, дрéвна* (неадекватная) *кака-то.* ЛЕШ. КБ.

Держать за стыд – ‘считать постыдным’: *А рáньшэ рука гола – за стýд держáli* (ходить в одежде с голыми руками). ПИН. Ёр.

Наприниматься стыда – ‘чувствовать угрызения совести’: *Тут стыда-то напринима́йеца, да в тюрьму поса́дят, да фсё.* ОНЕЖ. Трч.

Локальная семантика проявляется в сочетании *привести в стыд* – ‘подтолкнуть кого-л. к постыдному деянию’: *Родимой мой ба́тюшко, в монастёрь я не пойду́. Там одни́ мона́шэньки, зелёное вино́ пьют. Меня́, красну́ дэвушку, в стыд-бесчэстье приведут.* (фольк.) ЛЕШ. Блщ.

Таким образом, в народном сознании стыд предстает такой же необходимой внутренней составляющей, как совесть, т. е. считается правильным и необходимым почувствовать вину за свой аморальный поступок. Стыд оказывается амбивалентным понятием, имеющим коннотативную связь как с жаром, так и с холодом.

В. а) *Сты́дной / бессты́дной* человек

Прилагательное *сты́дной* и его фонемный вариант *сты́длой* обозначают постоянное качество их носителя – отсутствие стыда: *Она́ была́ ба́ба сты́дная*. УСТЬ. Снк. *Сты́длые де́фки*. ЛЕН. Схд. Сравнительная степень образуется с диалектным суффиксом: *сты́днѣе, сты́длѣе*. Например: *Де́фки сты́днѣе*. КРАСН. ВУ.

Человек *бессо́вестной*, который не имеет нравственных принципов и не следует нормам морали, также характеризуется как *бессты́дной*, не испытывающий чувства стыда за свои неправильные поступки: *Та́к вот мы йего́ руга́ли: бессты́дной, бессо́вестной*. ЛЕШ. Брз. *Ва́ля, йе́сли она́ тибѣ попѣни́цѣт цево́, ска́жэ́т, так ты́ йей пра́мо и скажы́: «Бессты́дная ты, бессо́вестная»*. ВИЛ. Пвл.

Общее с литературным языком прилагательное *сты́дливой* выступает в значении ‘легко приходящий в смущение’: *Я сты́дливой тако́й че́ловѣк*. ПЛЕС. Фдв. *Она́ кака́-то несты́длива́ была́*. ПИН. Ср. *Он сты́дливой па́рень-то*. КОТЛ. Фдт. *Па́рень-то у нас сты́дливой*. КРАСН. Нвш. В говорах синонимом прилагательного *сты́дливой* является слово *смирѣной*: *Смирѣ́ная – сми́рная, скро́мная, ти́хая, не вызы́вающая себя́, та́к, потихо́нечку себя́ веде́т, гла́ски опу́стит, сты́дливая*. ЛЕН. Кзм.

Человека, негативно оцениваемого с точки зрения морали, именуют *бессты́дником*: *Доша́ливал (вел беспутную жизнь) бы оди́н, а тебе́ семья́ надь заводи́ть, бесты́дник!* КАРГ. Ош. Так говорят о том, у кого нет стыда, за кого стыдно. В говорах зафиксирован и бесприставочный вариант – *сты́дник*: *Уйди́ с глас! В гря́зных штана́х ходит, бесты́дник! Сты́дник ты, страми́на!* ЛЕШ. Вжг.

Наличие стыда – способность раскаиваться в своих поступках. Женщину, не имеющую стыда, называют *бессты́дницей, бессты́денкой, бессты́диной* или *бессты́дкой*: *Я заруга́юсь: «Бесты́дница, страмо́фка, пошто́ ты пьйо́ш-то?»*. ПРИМ. ЗЗ. *Вот кака́ бесты́денка!* ШЕНК. Шгв. *Што́ ты, бесты́дина, срамо́тка!* Фсе́ оголя́ и хо́дя, бесты́тки. ПИН. Кшк. *Бессты́дницей* также могут назвать

женскую особь животного, например, корову: *Вэчьно в лужэ. Вót как привэцтвуйет, бесты́дница!* ЛЕН. Кзм.

б) Постыдная ситуация

В ситуации, оцениваемой в коллективе как неприемлемая, постыдная, действия обеих сторон (человек – социум или его представитель) описываются с помощью глаголов *сты́дить*, *сты́живать*, *сты́диться*, *сты́дскáться*.

Действия со стороны социума:

Сты́дить – ‘предавать гласности чей-либо постыдный поступок’: *Мы тóжо хужэ отвéтим, не бўдём фсэх сты́дить, ученикí-то хорóшы, а плóхо отвéтили* (нарочно, чтобы не огорчать других учеников). ПРИМ. Ннк. *Не говори́ ничегó, не сты́ди́ мя́я.* ХОЛМ. Звз.

Кроме того, в говорах существует многократный глагол *сты́живать*: *Онí мя́я никогдá не ругивали и не сты́живали, што я винá пилá.* ПИН. Нхч.

Действия со стороны субъекта:

Сты́дить – ‘навлекать на кого-либо осуждение своим поступком’: *Дэфки, не ходíte в родню́* (не выходите замуж за родственников), *не сты́дите нас.* ПИН. Ёр. *Не сты́ди́ ты нас.* ХОЛМ. Члм. *Ты йогó-то не сты́ди́.* ШЕНК. Шгв.

Сты́диться – ‘испытывать неловкость за свои действия, смущаться’: *Не сты́дись! Чё сты́дисья-то?* ЛЕШ. Ол. *Не бóйся, не сты́дисья.* ЛЕШ. Цнг. *Спóй-ка пёсню... Сты́ди́ца.* ПРИМ. ЗЗ. *Молодáя молодíця – мóжот, сты́дилась, а мóжот, дак неохóта назывáть по йímю.* УСТЬ. Снк. *Давáй, рáз-два-трí, давáй, не сты́дись, роскáзывай* (просит внука прочитать стихотворение). ПИН. Яв. *Правнучек, подí к бáбушке! Фсё сты́ди́ца.* МЕЗ. Бч. *Это вáс сты́ди́це, а так говоркá.* ПИН. Врк. В основном этот глагол соотносится со стеснением или боязнью совершить какое-то действие. Управляет не родительным, а винительным падежом: *Бóрку не сты́дисья.* ПИН. Крп.

Прототипический сценарий СТЫДА предполагает наличие двух взаимодействующих актантов (X *сты́дит* Y-а, Y *сты́дится* X-а), один из которых может быть коллективным, и ситуацию, за которую *сты́дно* (см. табл. 5).

Таблица 5. Семантические валентности глаголов *стыдить* и *стыдиться*.

X	Y	Z
<i>стыдить</i>		
Subj.	Obj.	Cont.
N ₁	N ₄	, что...
<i>стыдиться</i>		
Subj.	Aud.	Cont.
N ₁	N ₄	V _{inf}

Слово *стыдскáться* означает скорее ‘брезговать’, чем ‘стыдиться’: *И вóт уш не стыцáлась. Ты́ веть фсё у меня убирáла, не стыцáлась. Да какóэ ж стыцáцца – нать цёловéка ухáживать*. ПИН. Квр. Механизм семантического переосмысления: стыдятся чего-то плохого, унижительного → им брезгуют, т. е. считают неприемлемым для себя.

Самооценка субъектом своих неправильных действий выражается предикативами *сты́дно* и *сты́дко*: *Я таки́х науцё, што, пожа́луй, сты́дно, и бедно, и нéхорошо*. ВИЛ. Слн. *Рас сты́дно, значит, она́ не будет позволять бессóвесных свои́х оши́бок, дéйстви́й*. ЛЕН. Кзм. *Как же сты́тко-то мне!* В-Т. Врш. *Будет сты́тко, знáл бы – не пришóл*. КАРГ. Нкл.

Слово *сты́дно* в значении ‘неловко от осознания аморальности своего поступка’ проявляет в говорах широкую вариативность модели управления:

1) *сты́дно* + N₂

Мне дéвочик сты́дно, не слы́хали таки́х матюко́ф. ВИЛ. Трп. *Йему́ бы́ло сты́дно жэны́*. ЛЕШ. Кнс.

2) *сты́дно* + *от* + N₂

Пришла́ – от люде́й-то сты́дно. НЯНД. Мш. *От люде́й то́лько сты́дно*. ЛЕН. Тхт. *Сейгóд гнильé из я́мы выноси́ла, а на слéдуши́эй гóт фсё згниéт, гну́с пойдёт, од дере́вни сты́дно будет*. ВИЛ. Трп.

3) *сты́дно* + *до* + N₂

Мне тепэ́ря до тебя́ (перед тобой) сты́дно. ВИЛ. Трп.

4) *сты́дно* + N₃

Мне сты́дно вам, что у меня́ не́чево по́йесть. ПРИМ. Ннк.

5) *сты́дно* + на + N₄

Мне и на люде́й сты́дно, на сенокос приде́м – край хлэ́ба и карто́шки. ВИЛ. Трп.

Слабая степень неловкости выражается предикативом *сты́дновато*: *Я не йэ́жжу, так мне́ же сты́дновато.* КРАСН. ВУ. *Потом сты́дновато, што ба́нка ходи́т* (в купальнике, о себе). ПИН. Ср. *Реба́та взро́слые приглаша́ют, дак че́-то сты́дновато бы́ло, пляса́ть вызыва́ют дак.* ПИН. Слц.

Семантика неловкости у слова *сты́дно* может ослабевать и даже затухать при неизменности какой-н. неприятной ситуации: ‘страшно за что-то’ – *Изба́ ста́ра, да сты́дно за то́пленье, то́пит, сы́рости мно́го* (боится за неотремонтрованную печь). КРАСН. БН.; ‘трудно’ (значение через неловкость морального состояния пришло к физическому неудобству): *Доро́жных люде́й напо́ить-то сты́дно, што ль?* МЕЗ. Пгр.

2.4. ПОЗОР

Сильный в этом мире узнает все: позор, и муки,
и суд над собой, и радость врагов.
(В.М. Шукшин)

А. Историко-лингвистический комментарий

Общерусское существительное *позор* восходит к праславянскому **zrěti* (т. е. образовано от глагола *зреть* – ‘видеть’) и первоначально обозначало ‘внимание’ [Фасмер III: 303]. В одних славянских языках это значение сохранилось (в чешском, словацком, словенском), в других – претерпело значительные изменения: например, польск. *pozór* – ‘видимость’, укр. *pozір* – ‘первый взгляд’. Однако связь с этимологом проявляется во всех славянских языках через обязательное наличие «зрителя»: от буквального (ср. серб. *позориште* – ‘театр’) до пресуппозиционного (в рус. человек *позорится*, только когда его проступок или неприглядное положение увидели другие).

Еще в начале XIX века значение общерусской лексемы в литературном языке не устоялось. В.В. Виноградов отмечал, что в языке ранних стихотворений А.С. Пушкина «*позор* употребляется в своем старом, церковно-славянском значении: ‘зрелище’», а уже с начала 1820-х гг. поэт использует это слово в значении ‘постыдное, презренное положение’ [Виноградов 1941: 18]. Сдвиг от исконного значения к современному происходил через промежуточное ‘неприглядное зрелище’. В современном русском литературном языке *позор* – ‘постыдное, унижительное для кого-л. положение, вызывающее презрение; бесчестье’ [МАС III: 240].

В лингвистике концепт ПОЗОР является самым неразработанным из рассматриваемых в данной работе. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, а также Н.Д. Арутюнова обращаются к семантике *позора* только в связи с необходимостью разграничения значений слов *позор* и *стыд* (см. [Булыгина, Шмелев 2000] и [Арутюнова 2000]). Стыд – чувство в душе (сердце), которое

пробуждается, когда на кого-л. навлекается позор. Этот человек «покрыт позором снаружи, сгорает от стыда внутри» [Арутюнова 2000: 62]. *Позор* соотносится с объективной ситуацией, а *стыд* – с чувством, которое испытывает человек по поводу этой ситуации. «Ситуация *позора* предполагает оценку поведения субъекта со стороны общества», а «ситуация *стыда* – самооценку субъекта» [Шмелев 2002: 130–132].

Слово *позор* является лингвоспецифичной лексической единицей даже при наличии переводных эквивалентов. Особенность русского слова *позор* состоит в том, что в отличие от иностранных аналогов все его значения «объединены одним – “оглядкой” на мнение другого или других» [Иоанесян 2016: 232], в ситуации позора всегда есть зритель.

Б. ПОЗОР по данным архангельских говоров

В макросистеме диалектного языка семантика *позора* получает свое дальнейшее развитие. На территории Европейской части России наиболее ярко это проявляется в севернорусских говорах, где сосуществуют два слова – *позор* и *позора́* (*позора*).

1. В значении ‘унизительное положение, в котором человек вызывает презрение у окружающих’ (общем с литературным языком) употребляются лексемы *позор* и *позора́* в архангельских (об этом будет подробнее сказано ниже), вологодских и ладого-тихвинских говорах: *Было ей сорок лет, а парень и роди́усё. Уж роди́усё на позору́!* [СВГ VII: 125]. В русских говорах Карелии значение ‘унизительное положение’ реализуется в лексеме *позора*. В ярославских и костромских говорах *позор* имеет значение, общее с литературным языком, а лексема *позора́* не зафиксирована [СРНГ 28: 336–337], [ЯОС VIII: 44].

2. ‘Мучение, душевная мука, беспокойство’. В архангельских говорах это широко распространенное понимание *позора* и *позоры́* варьируется от более сильного ‘мучения’ до легкого ‘беспокойства’. Является единственным значением у обеих лексем в русских говорах Низовой Печоры: *Бутто ба́бам позору́ не́ту, ско́лько де́тей носить, ско́лько выка́рмливать. Муце́нье да позора́ не сидят на*

мэсте [СНП 2005: 83]. С мучением также связана семантика лексемы *позора́* в русских говорах Карелии: *Коровам тут позора́, да и хозяйкам, не знашь, когда выпустить. Идти по по́зорам – ‘от беды к беде’: В нонешнем году всё как по по́зорам идёт, то корова захромала, то сено сгорело* [СРГК V: 33–34].

3. ‘Физические мучения, тяжелые условия жизни и труда’. Значение представлено в архангельских говорах и у лексемы *позора́* в вологодских говорах: *У ка́жного така́я позора́ была́. Меньше позора́ ста́ло на ско́тном дворе́, ра́не-то си́льно устава́ли* [СВГ VII: 125].

Таким образом, в севернорусских говорах существительные *позо́р* и *позора́* (*позора́*) имеют целый спектр значений, в ходе развития которых от первой семантической зоны к третьей негативная оценка «зрителя», заложенная в общерусском слове *позо́р*, сдвигается от презрения к состраданию. Наиболее полно эта модель представлена в архангельских говорах, где отмечены все вышеописанные значения, выражающие негативно оцениваемую ситуацию или субъекта – ее виновника.

В исследуемых говорах *позо́р* и *позора́* своими значениями входят в три семантические зоны: 1) ‘унизительное положение, в котором человек вызывает презрение у окружающих’, 2) ‘душевная мука, мучение, беспокойство’, 3) ‘физические мучения, тяжелые условия жизни и труда’ (см. табл. 6).

1) ‘Унизительное положение, в котором человек вызывает презрение у окружающих’: *Я позору́ не хоте́ла, потому́ цто у фсе́х была́ в честии́.* ПИН. Пкш. *Экой позоры́-то не́ту, не с одны́м не позари́валась.* МЕЗ. Дрг. *В позоре́-то худо́ жить.* КАРГ. Нкл. *Ой, позора́ была́, де́фки!* КАРГ. Ош.

Данное значение слова *позо́р* наиболее ярко проявляется в несвободной сочетаемости. Указание на дальнейшее ощущение кем-либо презрительного отношения к себе содержится в семантике предложно-падежной конструкции *на позо́р*: *Бе́й (убей) обе́х, с де́фкой, не оста́влю де́фку на позо́р.* ПИН. Влт. *Бе́дны робя́тка, ой, одных оста́вят. Наноси́ла на позо́р.* МЕЗ. Длг.

Брать на себя́ позо́р – ‘совершать какой-н. проступок, ставя тем самым себя́ в унизительное положение’: *Не бу́ду на себя́ позо́р бра́ть!* ЛЕШ. Тгл.

Сдэ́лать позора́, кому-л. или без доп. – ‘опозорить кого-л., поставить в унижительное положение’: *Не забледова́лася, не заворова́лася, сы́ну позора́ не зделала. О́ни позору́ не зделали, вы́шли взáмуж за мужыко́ф.* МЕЗ. Длг.

Дава́ть на позору́ – ‘позволять ставить кого-л. в унижительное положение’: *В шэ́ят лет я не бу́ду себя́ на позору́ дава́ть.* МЕЗ. Бч.

Позору́ – ‘артефакт плохого качества, вызывающий презрение у окружающих’: *Ра́ншэ вручню́ю дэ́лали, тако́во позору́ не вы́пустили бы на во́лю.* ВЕЛЬ. Пжм.

Слово *позора́* в морально-этическом значении часто употребляется в роли предиката: *Вот позора́-то, вот позора́!* ШЕНК. Трн. *Спра́виссе да спáть повали́ссе – ой, позора́ то́лько!* КАРГ. Оз. *Позора́-то!* ПИН. Штв. Экспрессивность усиливается при помощи сочетаемости с местоимениями *такáя, какáя*: *Ны́нь тепе́рь такáя позора́!* НЯНД. Мш. *Вот какá позора́ бы́ла! Ды́мник не околóчен, и́ш, какá позора́.* МЕЗ. Свп.

Позоро́й называют субъекта, вызывающего презрение у окружающих: *Отойди́ прочь, позора́, не позору́йся! Такáя позора́ да – пыйо́т и дере́ца.* ВЕЛЬ. Пжм. *Она́ такá позора́* (нескладная). *Я-то ядрёна, а ты позора́.* ШЕНК. Трн.

Следующие значения слов *позору́* и *позора́* образованы от основного и связаны между собой цепочечной метонимией: ‘унижительное положение’ → ‘душевная му́ка, беспокойство’ → ‘физическое мучение, боль’ → ‘тяжелые условия жизни’ → ‘тяжелый труд’.

2) В значении ‘душевная мука, беспокойство’ ощущение позора связывается в сознании говорящего с внутренними переживаниями: *Бы́ло муце́ньйе, позору́.* КАРГ. Ус. *Из-за э́того дак позору́* (волнуется). НЯНД. Лм. *Напи́шэш с трудо́м, с большо́м позору́ом.* НЯНД. Стп. Степень эмоционального переживания варьируется от сильного мучения до сострадания или легкого беспокойства: *Сто́лько го́рюшка да позору́ приня́ла.* КАРГ. Ус. *Он, бе́дный, трудо́це, а у него́ не роди́це – позора́.* КАРГ. Оз. *У ково́ не́т* (детей), *у тово́ и позору́ нет.* ВЕЛЬ. Лхд.

Сочетается с прилагательным *чи́стой*: *Чи́стой позору́!* МЕЗ. Длг. *Чи́стая позора́, как до́лго у нас весна́ иде́т.* НЯНД. Мш. Прилагательное *чи́стой* здесь

имеет значение ‘абсолютный’. Атрибут усиливает оценку, заложенную в существительном.

Примать позор, а также *хватить / принять позоры* – ‘беспокоиться за кого-л.’: *Скóлько я позóру примáю. Позору́-то с нím.* МЕЗ. Бкв. *Хвати́ла она́ позоры́, бédная.* ШЕНК. Шгв. *Он болéть да болéть, што́ (сколько) она́ позоры́ приня́ла.* МЕЗ. Сфн. Представленные примеры иллюстрируют ситуации переживания матери из-за болезни ребенка.

Позорá в значении ‘душевная мука’ выступает синонимом таких слов, как *гóрюшко, му́ка, бедá*: *Давно́ я мечтáла гóрюшко свойó вѣписать, свою́ позору́ и му́ку.* МЕЗ. Длг. *Позорá, му́ка вели́ка – ráно выходíть (замуж).* ПРИМ. ЗЗ. *Вот мне бедá, позорá какáя!* ВЕЛЬ. Длм.

В переходной зоне оказывается одновременно душевная и физическая *позорá*, связанная с утратой родственника (супруга, матери и др.): *Шѣстеро дете́й оста́вил на мою́ позору́.* ХОЛМ. Кзм. *Позорá без ма́тери жыть.* МЕЗ. Кмж. *Куда́ я с нím? Позоры́ одной.* ПРИМ. Сзм. *Умерла́, оста́вила меня́ на позору́.* ПИН. Ср. Так же описывается уход за больным родственником или за пожилыми родителями: *А ведь ба́бушке-то позорá* (с ребенком-инвалидом). МЕЗ. Дрг. *Тóлько сыновья́м позорá, што́ с на́ми* (приходится возиться). ПРИМ. ЗЗ.

3) Тяжесть на душе переносится на физические трудности, необходимость приложения усилий для достижения какой-либо цели. *Позор* – ‘физические трудности, неудобства’: *Ой, позор зайти́ к о́ўцям, там се́но на́до подня́ть наверху́.* ЛЕН. Тхт. *Э́то веть позорá: парохóдишки худы́, а в по́йест сел – сиди́-поси́живай.* ПИН. Чшл. *Позорá: накла́ла тяжэ́ло и не могу́ нести́, вот тебе́ и позорá.* ОНЕЖ. Лмц. *Позорю́сь дрова́-то кла́сть: позорá дрова́-то кла́сть, ничевó не ви́жу* (слепая). МЕЗ. Длг. *Ци́ста позорá скоту́* (потому что мост далеко). МЕЗ. Длг.

Однако в отличие от *позóра*, у слова *позорá* развитие семантики уходит в сторону физического мучения, боли, болезни: *Голова́ заболит, да и но́чью мне позорá дак.* МЕЗ. Сфн. *Позорá* – ‘больной орган, приносящий страдание’: *Я рас с*

позорой (больной ногой) *хожу*. *Одвѣ хожу, то и позорѣ. С той, пѣря, позорой*. ПИН. Ср.

Семантика временных физических трудностей расширяется до значения ‘тяжелые условия жизни’. У слова *позор* чаще всего это реализуется в условиях предложно-падежной сочетаемости в *позоре*: *С малых лет до старости фсе в позоре. Так фся жизнь прошла в позоре*. КАРГ. Нкл. *Я тожэ в позоре жыла. Я вѣк свой, позорливая жысть, я живу в позоре*. КАРГ. Нкл.

Физически трудной, порой непосильной представляется сельскому жителю сезонная «выездная» работа, например, на сплаве или лесозаготовках. В такой ситуации *позор* – ‘тяжелый труд’: *Созвала меня йѣхать на позор (работу), я бы дома пожыла. Не берите ребѣнка на позор, подите проць*. МЕЗ. Длг. Отмечен один пример с затуханием семы ‘тяжелый’ (*позор* – ‘труд’): *Мы вот и роботали, позорились – позор небольшой*. КАРГ. Ух.

Позорѣ в говорах более тесно связана с тяжелой жизнью и постоянным физическим трудом, употребление этого слова обнаруживает более широкую географию и более свободную сочетаемость.

‘Тяжелые условия жизни’: *Йейна тожэ жысь позорѣ одна была. Корову держала, позорилась, восьмой десяток живу, а одна позорѣ*. КАРГ. Ош. *Позорѣ была: робят нать притацить и коров застать*. КАРГ. Ош. *Нашы родители прожыли фсе в позорѣ да в мѣке*. ШЕНК. Трн.

‘Тяжелый труд’: *Не робота, а одна позорѣ*. МЕЗ. Дрг. *Хватило позорѣ (тяжелой работы)*. КАРГ. Ош. *Одну корофку, да и то с позорой корьмим*. ПИН. Прн. *Оставили вос, поѣхали на верховной, сяко бывало, было позорѣ-то*. ЛЕШ. Ол. *Сколько с йей (коровой) дѣла было, позорѣ*. ОНЕЖ. Прн.

Позорѣ в значении ‘тяжелый труд’, как правило, реализуется в контекстах, связанных с работой в колхозе или ведением домашнего хозяйства: *Позорѣ – непосильная робота. Фсе работают – тут уш позорѣ*. КАРГ. Ош. *Дак вот какѣ позорѣ в колхозе-то*. ВЕЛЬ. Уг. *Ой, у нас позорѣ, нать йѣхать в лес (на лесозаготовки)*. КАРГ. Нкл.

Принять / нести позоры – ‘выполнять тяжелую работу’: *Што я позоры-то приняла: и на сплаф меня, и на лётной сезон*. КАРГ. Ош. *Я сколько с домом позоры неслá. Сколько было позоры...* ПРИМ. 33.

Физически слабого, неловкого человека, неспособного выполнить какую-то работу, тоже назовут *позорой*: *Ой, позора, давай я помогу*. КАРГ. Оз. *Ну позора! Не можэш сделать, так вот позора-то, скажут*. ПИН. Ёр. *Ой, позора ты, позора, не можэш делать ничево. Я позорюсь, позорюсь, а не могу поднёт, муш скажут: «Ой, позора, дай подойму сам»*. КАРГ. Оз.

Таблица 6. *Позор* и *позора* в архангельских говорах.

<i>Позор</i>	<i>Позора</i>
<p>1) ‘унизительное положение, в котором человек вызывает презрение у окружающих’ <i>Я позору не хотела, потому что у фсех была в чести.</i> <i>Дымник не околочен, иш, какá позора.</i></p>	
<p>‘артефакт плохого качества, вызывающий презрение у окружающих’ <i>Раньшэ вручньую дэлали, такóво позору не выпустили бы на волю.</i></p>	<p>‘субъект, вызывающий презрение у окружающих’ <i>Отойди прочь, позора, не позорься!</i></p>
<p>2) ‘душевная мука, беспокойство’ <i>Было муцэнье, позору-то с ним.</i> <i>Чистая позора, как долго у нас весна идёт.</i></p>	
<p>3) ‘физические мучения, неудобства’ <i>Ой, позор зайти к оўцам, там сéно надо поднёт навёрх.</i> <i>Позора: наклáла тяжэлó и не могу нести, вот тебе и позора.</i></p>	
	<p>- ‘физическое мучение, боль’ <i>Голова заболит, да и ночью мне позора дак.</i> - ‘больной орган, приносящий страдание’ <i>Я рас с позорой (больной ногой) хожу.</i></p>
<p>‘тяжелые условия жизни’ <i>С малых лет до старости фсё в позоре.</i> <i>Корову держала, позорилась, восьмой десяток живу, а одна позора.</i></p>	
<p>‘тяжелый труд’ <i>Созвала меня йехать на позор (работу), я бы дома пожыла.</i> <i>Што я позоры-то приняла: и на сплаф меня, и на лётной сезон.</i></p>	
	<p>‘физически слабый, неловкий человек’ <i>Я позорюсь, позорюсь, а не могу поднёт, муш скажут:</i> <i>«Ой, позора, дай подойму сам».</i></p>

Итак, в архангельских говорах *позор* и *позора* обладают схожим набором значений. При этом слово *позора* более употребительно и развивает больше подзначений.

В пределах одной микросистемы могут функционировать оба слова. Сравним пары контекстов: *Так фсёу жызнь в позоре жыла.* и *В позоре жыл, позорился.* КАРГ. Нкл.; *Было позора хватило.* и *Было позоры хватило.* ПРИМ. ЛЗ. Значения обоих слов могут встречаться на одном небольшом ареале (в качестве примера возьмем Мезенский район): *В шэсят лет я не буду себя на позор давать* (посрамление). *Пожалела бы старости мой да позоры* (мучения из-за болезней). *Я уш не знала с йим позоры* (забот). *Не жызь была, а позора* (мука).

Развитие диалектных смыслов ПОЗОРА приводит нас к выводу, что в говорах архаичная семантика неодобрения при виде человека или его неблагоприятного поступка трансформируется от негативной оценки субъекта, совершившего позорное деяние, до отрицательного восприятия ситуации, не зависящей от субъекта (человек поступил плохо → человек оказался в трудной, плохой ситуации). Презрение коллектива таким образом постепенно сменяется состраданием при сохранении общей негативной оценки сложившейся ситуации.

В русском языке *позор* имеет общий этимон *zrĕti с такими словами, как *взор* и *обзор*, но семантических схождений в синхронии они уже не обнаруживают. Их связь на уровне семантики отражает лишь диалектная омонимия. В архангельских говорах отмечены:

Позор² – ‘вид’: *Пусть дом не на позоре стоит.* ВЕЛЬ. Сдр. *Большуций дом, весёлой, экой позор там красивой.* КАРГ. Влс.

Позор³ – ‘взгляд’: *У меня под позор пало (попало) трепало.* КОТЛ. Збл. *Позор²* и *позор³*, как и *позор¹*, семантически близки глаголу *смотреть* и этимологически родственны таким словам, как *обзор*, *обозреть*, *взор* и т. п.

В. а) Позорной, позорливой человек

Прилагательные *позорной* (*позорной*), *позорливой* в говорах являются многозначными и характеризуют негативно оцениваемый субъект, артефакт плохого качества или неприятную, тяжелую ситуацию.

О человеке – ‘вызывающий осуждение или насмешку других людей’: *Дэфка, позорна ты, не вѣучилась*. МЕЗ. Кмж.

– ‘вызывающий сочувствие, бедный, несчастный’: *У когó детѣй нет – целовѣк сáмой позорной*. МЕЗ. Длг. *Она остáлася позорна: муж загулял*. ЛЕШ. Смл. *Война́ мно́го зделала таки́х позорных люде́й. Ма́ть-то позорна была́, мно́го пережыва́нья*. ПРИМ. 33. *Ма́ть была́ позорна, четверы́х рóстила*. ПРИМ. 33. *Ох ты, позорно-то дитя́*. МЕЗ. Дрг. *Я вѣк свой позорливая, я жыву́ в позоре*. КАРГ. Нкл. *Како́й-то позорливой был. Я́-то позорлива была́, да он позорливой, да две беды́ так*. ОНЕЖ. Кнд.

О ситуации – ‘тяжелый, полный мучений, горя’: *Про жы́сть про свою́, про позорну-то, мужа-то убили*. МЕЗ. Бкв. *Ма́ло ли я позорной жы́зни хватила́?* ПРИМ. 33. *Я так бѣдна, позорна, без ног остáлася*. ПРИМ. 33. *А вот мойо́ де́ло, неушто не позорли́войо? Муш у́мер, пра́во сменила́*. КАРГ. Хтн.

Семантика прилагательных *позорной* и *позорли́вой* приобретает общеоценочное значение ‘плохой’:

– в сочетании со словом *жизнь*: *Кака́ жы́сь-то худá идѣт, позорна*. МЕЗ. Бч. *Позорлива́, худá э́та жы́знь. Позорли́вая моя́ жы́зь была́*. КАРГ. Нкл.

– при оценке качества какого-н. объекта: *Твои́ цясы́ то́жо позорны́е*. НЯНД. Стп. *Так позорна́ ры́ба ко́йо-кака́* (о скромном улове). КРАСН. Прм.

Позорник (*позорник*), *позорница* (*позорница*), *позору́ха*, *позору́ха* – номинации человека, оказавшегося в неприятной ситуации. Их значения во многом параллельны значениям производящих прилагательных:

‘человек, совершающий действие, осуждаемое в данном коллективе’: *Он тако́й, по ба́бам гулял, позорник*. МЕЗ. Длг. *Ба́ба поло́жыт берѣмя, мужыки́ не мóгут подня́ть, позорники*. ЛЕШ. Вжг. *Иш кака́ позорница́ идѣт*. ЛЕШ. Клч. *Я на звóс вѣшла, гоорю́: «Вот каки́ позорници́, отѣць с ма́терью, отпра́вили»*. ЛЕШ. Смл. *Грѣшна позору́ха така́, ничѣго́ не подѣлаи*. МЕЗ. Сн.;

‘человек, испытывающий душевные или физические мучения’: *Хва́тит (много, достаточно) на́ших позорнико́ф* (страдальцев). МЕЗ. Мд. *Позорница-то*

умерла́, замуцилась и перемаялась. МЕЗ. Мд. *Муценица, позорница была́.* ЛЕШ. Смл. *Невѣста причита́эт: «Я така́ бедная, горю́ха-позору́ха».* МЕЗ. Свп.

‘человек, занимающийся тяжелым физическим трудом’: *Конь да мужы́к – вековой позорник, ба́ба да коро́ва – вековая́ домовая́.* ЛЕШ. Клч. *Колька – позорник, фсю́ жы́знь по моря́м проходи́л.* ПРИМ. 33. *Под козьбу́ позорником отча́ зва́ли.* МЕЗ. Сн. *Я-то позорница оста́лась* (единственная работница). ПРИМ. 33.

‘женщина, своим внешним видом, поведением вызывающая неодобрение’: *Она́* (девушка) *фся така́ была́ позору́ха.* ПЛЕС. Прш. *Вот позору́хи-то, они́ уш отстря́пались.* НЯНД. Стп.;

Слово *позору́ха* употребляется и в общеоценочном значении, определяющем плохое, неприемлемое состояние чего-н.: хозяйства – *Йѣсли мужы́ка в до́ме нет – позору́ха одна́.* КАРГ. Ош., предмета домашнего обихода – *Ма́ленькой стул принѣсли́, позору́ху.* НЯНД. Стп.

б) Ситуация позора

В сценарии ПОЗОРА действия обеих сторон, оценивающей и оцениваемой, описываются глаголами *позорить* и *позориться*.

Возвратный глагол *позориться* (*позори́ться*) в говорах достаточно употребителен и имеет развитую семантику.

Морально-этическое значение – ‘неприемлемым поведением навлекать на себя бесчестие, презрение окружающих’: *Не ста́л порато́ позори́ця – ни́ть.* ЛЕШ. Клч. *Она́ уш позори́лась с э́тим мужы́ком.* ПИН. Квр. *Са́м бы не позори́лса бо́льшэ и люде́й не позори́л.* НЯНД. Стп. *Да шио́ ты, де́фка, позори́ссе? С одны́м позори́лась-позори́лась да и оста́лась на бубя́х.* ПИН. Чкл. *Маши́на донельзя́ фся́ потрё́пана. Фсе́ ле́то йѣздит – позори́ца.* НЯНД. Мш. *Из-за вина́ позоря́ще.* МЕЗ. Дрг. *Вы́гонила неда́вно, позори́лась с ним.* КАРГ. Ух.

Глагол может обозначать переживания субъекта уже после совершенного аморального поступка – ‘стыдиться, стесняться своего поведения перед другими’: *На одну́ но́чь нашла́ любо́го, а пото́м позори́ссе.* ПРИМ. 33. *Зби́ли меня́, не да́ли*

гóдик отробóтать иишиá, позорю́ся, што уйéхала. ПИН. Влт. Сто́й, я позори́ласе, без дрóф-то прии́ехать. ШЕНК. ВП.

Вторая группа значений глагола, как и у существительных *позóр* и *позора́*, связана с душевными переживаниями.

‘Испытывать душевные муки, беспокоиться по поводу чего-л., тяготиться чем-л.’: *Нешчэслíво íмё – Парáнька – му́чыссе, позóриссе век нáвек. ЛЕШ. Плщ. Фсе прíмерли, а ты позóрься без смёрти. НЯНД. Мш. Ак йей фсё рэзать намеця́ли (планировалась операция), дак фся́ко позори́лась. ПИН. Пкш. Бédным уценика́м опя́ть скóро в шкóлу, позоря́ця, бédны, не хотя́т. МЕЗ. Длг. До́цька бу́дэ позори́ца и тебя́ бу́дэ пилíть. ПРИМ. ЗЗ. Мы до éтого не до́жыли, нам не нáть позори́цэ. ПИН. Чкл. Это значение связано с нежеланием делать что-л.: *Позори́ца йéхать в дере́вню. НЯНД. Мш. Ощущение позора и стыда может пересекаться с чувством страха: Нет, ты не позори́сь пове́ти, иди́ спать туды́ сéдня. ПИН. Квр.**

‘Иметь много хлопот и волнений’: *А я тепе́ря – ма́йся с робя́тами и позори́се. Под ста́рость принесла́ йейо́ позори́цце (дочь родила). ВЕЛЬ. Лхд. Ба́бы-те с íма позоря́цця. МЕЗ. Кмж. А то я сама́ позори́лась, дете́й ро́стила. ПИН. Влд. И позори́лась она́ с дете́ми. ШЕНК. ВП. Ой, робя́та-робя́та! Со сво́ими-то позори́лась, а тепе́рь у до́чери в споко́йе не жыла́. Тут с нíми води́ця да позори́ця. КАРГ. Нкл.*

Частотное для говоров значение на стыке духовных и материальных тягот – ‘вести тяжелую жизнь, полную различных мучений’: *Му́чилась, по-ва́шэму, по-на́шэму – позори́лась. МЕЗ. Кмж. Фсю́-то жы́знь, как он напра́вился вдоль го́ря, да фсё позори́ця. КАРГ. Нкл. Как хо́ш, позорьси, доплетёмси до смёрти. КАРГ. Нкл. Земли́-то ма́ло, а мы́-то большы́е, вот так жы́ли, позори́лись. ОНЕЖ. Лмц. То́жо позори́лись, дво́йо оста́лись от ма́тери. КАРГ. Нкл. Мы ве́к му́цымси да позори́мси. Вот та́к и жы́ли: му́чились, позори́лись. ЛЕШ. Ол. Фсю жы́сь она́ вот э́так позори́ця жыве́т (трудно). МЕЗ. Мд. Фсю жы́знь ма́юсь, позорю́сь. ОНЕЖ. Лмц. Вот та́к, голу́бушка, жыве́м да позори́мсе. ПЛЕС. Фдв. Щча́стье-то мнэ́ не запáло, ко́лом прошла́ жы́знь, та́к позори́лася. МЕЗ. Длг. Жы́ть и позори́цця –*

ну, му́чяйешся. Не жывѣт, а позорѣца. ПИН. Трф. Гóре – э́та пъя́нка-то! Сра́зу не вы́гонят (мужа из семьи), так позоря́ца, му́чяю́ца. ПИН. Ёр.

Данное значение наиболее часто реализуется в следующих ситуациях: 1) жизнь в военное время, 2) жизнь одинокой женщины, 3) нахождение в неудобной локации.

1) Во время войны люди *позóрились* от недостатка пищи, голодали: *Вóт как мы жы́ли в войну́, позóрились*. НЯНД. Мш. *А мы́-то, бедныйе лю́ди, как в войну́ позóрились! Молоко́ одда́й, хлеп одда́й*. КАРГ. Ус. *Она́ хоро́шая стару́ха, позорѣлась в войну́-то*. ПРИМ. 33. *В войну́ позорѣлись, на на́шем горбу́ стоя́ла э́та война́*. МЕЗ. Сфн. *Його́ угони́ли на войну́, одна́ жыла́, позорѣлась*. ПИН. Влт.

2) Оценка своей жизни как тяжелой и мучительной характерна для женщин, потерявших или никогда не имевших мужа: *Старика́ не́ту то́жо, одна́ жыву́, ни́кого не́ту, позóрюсь*. НЯНД. Стп. *Оди́н целове́к жывѣт, так позóрица: без хозя́ина ни́кто не зде́лат*. МЕЗ. Кмж. *Одна́ жыву́, позóрюсь*. ОНЕЖ. Прн. *Фсю жы́сь позóрицэ, была́ оди́нока*. МЕЗ. Длг. *Тепе́рь и позóрица век* (без мужа живет). МЕЗ. Кмж. *Так и никуды́ не вы́шла бо́льшэ, так и жыла́, позорѣлась*. ПРИМ. 33. *Тепе́рь и жыву́ так одна́, позорю́сь*. ПИН. Пкш. *Вот и жыву́ одна́, позорю́сь ве́к свой*. ВЕЛЬ. Длм.

3) Неудобства в географическом расположении населенного пункта могут быть связаны с отсутствием дорог, разливом реки, удаленностью от другого жилья: *Не изла́дят доро́ги, ве́к свой позóримсе жывѣ́м*. НЯНД. Врл. *О́сенью позóримся, весно́й позóримся* (сложно выехать из деревни). МЕЗ. Сн. *Дале́ко ходá-то тудá, до ручья́ доведу́т, ой, позóрились как!* ОНЕЖ. Прн. *Без доро́ги жывѣ́м, позорѣ́мся*. ПИН. Брз. *Фсе́ лета́ми позоря́цэ, ника́кого соопи́энья*. ПИН. Чкл. *Фся́ко позорѣ́лись, зимой-то те́мень, зги́ не ви́дно*. МЕЗ. Свп. *Пожале́л лу́га* (под аэродром), *а тепе́рь позорѣ́мся, а то́ бы красá*. ПИН. Чкл. *За́береги бо́льшы́ до́лго сто́ят. Жэ́рдыйо нать кидáть или што́. А нонцэ́ мо́ст-то йе́сь, не позоря́ца*. МЕЗ. Свп.

Большая зона значений связана общей семей 'физические мучения'.

Позорі́ться – ‘испытывать физические трудности, неудобства’: *Што́ это она́ позорі́цца без поду́шки, веть мо́жно вместя́х повали́цца.* МЕЗ. Дрг. *Ско́лько вре́мени лежу́, позорю́сь.* МЕЗ. Мд. *Ослéпла была́, бедна, позорі́лась то́лько.* МЕЗ. Длг. *Фсё не спала́ но́чью, позорі́лась, фсё жа́рко.* ПИН. Влт. *Испóртили меня́: сну не́ту, не сплю́, позорю́сь.* МЕЗ. Длг.

Отсюда группа значений, имеющих отношение к боли и болезни:

– ‘испытывать сильную боль’: *Конфе́т вот про́сит, у само́й вот зу́бы боля́т, позорі́цца – пла́цет да реве́т.* МЕЗ. Бкв. *Позо́рюся четве́ртый ме́сец, сижу́ с одно́й ного́й.* МЕЗ. Бч. *Вот живу́ позорю́сь, но́ги боля́т. Ломо́та была́, та́к он позо́рился.* МЕЗ. Лмп. *Ка́к он, бедный, позорі́цца, когда́ замерза́т.* ПРИМ. ЗЗ. *Ногáми так смáялась. Та́к и позорю́сь фсю́ жы́знь.* МЕЗ. Длг. *Я к глазно́му сходи́ла и фсё та́к позорю́сь.* МЕЗ. Бкв. *Как позорю́сь у́тром, ста́ть не могу́.* *Ночя́ми-то позорю́сь.* ПРИМ. ЗЗ. *Ка́мни бы́ли в моц’’ево́м пузыри́, позорі́лсе ході́л.* ПИН. Штг. *Двою́родник мой со́ду пьйо́т па́цькамаи, но́чью позорі́цца фсю́ жы́сь.* МЕЗ. Длг.

– ‘страдать от какой-л. болезни, болеть’: *Опять́ пря́мо на́сморк. То фсё в́и позо́рились, а тепе́рь я хожу́ позо́рюсь.* МЕЗ. Кмж. *Фсю́ жы́сь позорі́лся, так и по́мер.* МЕЗ. Бч. *Неде́лю йеишо́ позорі́лась и померла́.* МЕЗ. Дрг. *Помира́ть, дак то́лько не належа́ца, не наката́ца, самі́м не позорі́цца да люде́й не намота́ть.* ПИН. Трф. *Боле́знь каку́ в го́роде потхва́тиши – век бу́деш позорі́цца.* ПИН. Влт.

– ‘ухаживать за тяжелобольным родственником’: *Оте́ць позорі́цца (с жено́й). Само́й не фста́ть и спатъ не сходи́ть.* КАРГ. Ус.

При указании на объект (внутренний орган или часть тела), доставляющий мучение, глагол *позорі́ться* (*позорі́ться*) управляет Т. п. с предлогом *с* или без него: *С ного́й фсю́ жы́знь позорі́лась.* НЯНД. Мш. *Я бо́ле десяти́ годо́ф с ним (аппендицитом) позорі́лась.* КАРГ. Ус. *Он с руко́й как позорі́цца!* ХОЛМ. Гбч. *Уш крэ́пко болéли у меня́ зу́бы-ти, уш с йіме позорі́лась фся́ко.* МЕЗ. Бкв. *Голова́ тряслáсь, фсё позорі́лась голово́й.* МЕЗ. Лмп. *Два́ццать во́семь лет я позорю́сь по́том, а ра́ншиэ ни одна́ потіно́чка не бывáла.* МЕЗ. Длг. *Я уш зубáми позорю́се.* МЕЗ. Дрг.

Отдельная ветвь развития значений рассматриваемого глагола связана с тяжелыми условиями жизни и непосильным физическим трудом.

‘Бедствовать, жить в тяжелых материальных условиях’: *Люди так же позóрились, работали задáром. Позóрились – нехорошо жы́ли-то, фся́ко.* КАРГ. Ош. *Я веть пло́хо жыла́, не красова́лась, а позóрилась* (бедно жила). МЕЗ. Рч. *И нага́, и бо́са – фся́ка позори́лась. Он до́лго без прию́ту жы́л, до́лго позори́лсе.* ПРИМ. ЗЗ. *Оста́вил меня́ тут скита́цца, позори́цца.* ПРИМ. Ннк. *Хоро́шэй жы́зни не вида́ла, жыву́ позори́сь.* КАРГ. Лкш. *Рóстила (детей) одна́, позори́лась.* *Худо жы́ли, вот так и позори́лись, жы́ли.* МЕЗ. Свп. *Тогды́ позори́лись – бедá.* *Много корóв-от свели́ (на убой).* ПИН. Квр. *Двена́цать лет вы́жыла по лю́дям – фсе́ позори́лась, фся́ко жыла́.* ШЕНК. ВП. *Не́ было у нас обу́тки, так и позори́мся.* МЕЗ. Длг. *Са́ми без лу́ку позори́мся.* ПРИМ. ЗЗ.

Данное значение зафиксировано и в ироничных контекстах: *Жыву́т у нас врачí, по восемсо́т рубле́й (тогда это было много) получа́ют – жыву́т, позоря́ца!* НЯНД. Мш.

‘Выполнять тяжелую, непосильную работу’: *Цем позори́цца, коси́ть, мы лу́чше пойдём в магази́н и купи́м.* КАРГ. Ус. *Не держы́ две корóвы, не позорься.* НЯНД. Мш. *Лу́чшез уйехать, чем позори́цца. Работайем, а получа́ть нечево.* КАРГ. Нкл. *Си́ют, позоря́ца, му́цца, а нице́го не сойму́т.* КРАСН. ВУ. *Лес фспóмню: как мы позóрились, как позóрились!* МЕЗ. Кд. *Позори́лась – порáто труди́лась.* КАРГ. Ош. *Вози́ла на лоша́дях, лес руби́ла, позори́лась.* НЯНД. Стп. *Ма́ть до лóкоть в наво́зе, так и ты́ хочеш позори́цца.* МЕЗ. Лмп. *Уци́сь ладо́м – не бу́деш пéтаця в колхо́зе, пусть ма́ти одна́ позори́цца.* МЕЗ. Длг. *Она́ по лэсьницэ позори́лась, сама́ затáскивала по шы́ферине.* ПИН. Чкл. *Но́ць придёт, ну́, о́пять нáть позори́цца, а была́ неvéска, могли́ бы двойи́ма обряжа́цца.* МЕЗ. Длг.

‘Работать, заниматься физическим трудом’: *Дак фсе примéрли, котóры позóрились в колхо́зе-то.* НЯНД. Мш. *Сыны́ у меня́ уш из а́рмии вы́служылись, а я фсе́ на фэ́рме позори́лась.* КАРГ. Ош. *С десяти́ лет в рабо́ту пошла́, в семью́ вы́шла в большу́ю, в колхо́зе позóрились сто́лько лет.* КАРГ. Нкл. *Ты позори́ссе на́ тони, а Я́шка гуля́л-погу́ливал. На́шы отцы́ у кулако́ф позори́лись, а мы́ не*

позорілись. ПРИМ. ЗЗ. Раньшэ на мельницю свозим. И позорілись-то как! А позорілись – роботали порато. КАРГ. Лкш.

Глагол *позорить* (*позорить*) развивает в говорах следующие значения:

– ‘предавать гласности чей-либо безнравственный поступок, прилюдно осуждать’: *И будут позорить, што вот ходил воровать, опозорил себя. ПИН. Яв. Они, бывало, позорили (её): трёх лошадей угонила. ВЕЛЬ. Лхд. Йёво и нацънут как позорить! КАРГ. Хтн.*

– ‘стыдить кого-л. за проступок другого’: *Позорят мужа – на кампаниях могу матюкация, йему-то позор. ВИЛ. Слн.*

– ‘неправильным действием навлечь бесчестие на другого человека’: *Эту бедну вот жоноцьку маленькую позорил: прижыл парницька. ПРИМ. ЗЗ. Я сама сказала милиционеру, штоб робят не позорили (обыском), а он оскалился и говрит: «Правильно». ПИН. Врк.*

– ‘совершать неправильное действие по отношению к чему-л.’: *Што ты, бабушка, позориши икону (поставила в неправильное место). НЯНД. Мш. Нинка, хватит позорить избу (мусорить, грязнить). КОН. Клм.*

– ‘причинять кому-л. физические страдания’: *В плен попал – долго його позорили. МЕЗ. Крп. Не надо было делать уколы, только ей позорили зря. ПИН. Трф. Докуда будете позорить детей? МЕЗ. Кмж. Мучить и позорить в данном значении – синонимы: Не даю его на руках волоцить, мучить да позорить. МЕЗ. Дрг.*

– ‘вести тяжелую жизнь, полную различных мучений’ (синонимично глаголу *позориться* в одном из значений): *Так и жыли, позорили. Позорили с матерью – я маленька, мать одна. Позорили – жыли двоима (без отца), их фсюду посылали. С оцём жыла, позорила. С ними не поехала да так и позорю. КАРГ. Ош. Бабушка-то да дочь позорили. МЕЗ. Дрг. Фсю жысть позорили и щас позоримся. ПРИМ. ЗЗ.*

– ‘выполнять тяжелую, непосильную работу’ (синонимично *позориться* в одном из значений): *Фсе позорила, а боле не могу. ШЕНК. УП. Фсе работала да,*

ловіла да, с четвірнацати лет позоріла дак. КРАСН. Прм. Ходіла, позоріла весь дeнь. КАРГ. Влс.

Количество и качество валентностей прототипической ситуации ПОЗОРА варьируются в зависимости от семантики глагола (см. табл. 7).

Таблица 7. Семантические валентности глаголов *позорить* и *позориться*.

	X	Y	Z
<i>позориться</i>	‘вызывать презрение’		
	Subj.	Obj.	Causa
	N ₁	с + N ₅	из-за + N ₂ / , что...
	‘беспокоиться’		
	Subj.	Obj.	Cont.
	N ₁	с + N ₅	N ₂ / V _{inf}
	‘испытывать физические мучения’		
	Subj.	Obj.	Temp. / Period
	N ₁	с + N ₅ ; / N ₅	временные конструкции (ночами, всю жизнь)
	‘трудиться’		
	Subj.	Loc.	
	N ₁	в / на + N ₄ / у + N ₂	
<i>позорить</i>	‘стыдить’		
	Subj.	Obj.	Causa
	N ₁	N ₂	N ₅ / , что...
	‘совершать неправильное действие’ (<i>позорить икону</i>)		
	Subj.	Obj.	
	N ₁	N ₄	
	‘мучить’		
	Subj.	Obj.	Period / Mode
	N ₁	N ₄	Adv (долго, зря)
	‘трудиться’		
	Subj.	Obj. / Period	
	N ₁	с + N ₅ / временные конструкции (всю жизнь, с 14 лет)	

Для обоих глаголов характерна редупликация, когда для усиления экспрессивности высказывания используются однокоренные слова: *А мы́ так позóром позóримся.* МЕЗ. Дрг. *Так ёто позóры позóрю.* ПИН. Квр. *Не потхóдит ремёнь к маши́не, позору́ позорю́.* ПИН. Чкл. *Мы то́лько позору́ позорили.* МЕЗ. Свп. *Позору́ позоря́т.* ПИН. Влт.

Проанализировав семантику дериватов *позóра*, мы приходим к выводу, что многозначность и траектория развития производящего слова сохраняется и в производных словах, что наглядно представлено в табл. 8.

Таблица 8. Параллелизм семантики *позóра* и его дериватов.

<i>Позóр</i>	<i>Позóрник</i>	<i>Позóрной</i>	<i>Позóриться</i>
1. ‘унизительное положение, в котором человек вызывает презрение у окружающих’	1. ‘субъект, совершающий действие, осуждаемое в данном коллективе’	1. ‘вызывающий осуждение или насмешку других людей’	1. ‘неприемлемым поведением навлекать на себя бесчестие, презрение окружающих’
2. ‘душевная мука, беспокойство’	2. ‘субъект, испытывающий душевные муки’	2. ‘вызывающий сочувствие, бедный, несчастный’	2. ‘испытывать душевные муки, беспокоиться по поводу чего-л., тяготиться чем-л.’
3. ‘физические мучения, тяжелые условия жизни и труда’	3. ‘субъект, занимающийся тяжелым физическим трудом’	3. ‘тяжелый, полный физических мучений’	3. ‘вести тяжелую жизнь, полную различных физических мучений’

Омонимичный глагол *позóрить (позорить)*², также восходящий к *zřěti, развивает значения, связанные с присмотром за кем-л. или чем-л. до определенного этапа. Эта семантика охватывает, как правило, три денотативные сферы: 1) присмотр и уход за ребенком до его совершеннолетия; 2) уход за больными родственниками до их кончины; 3) уход за посевами до времени сбора урожая.

*Позóрить*² – ‘присматривать за ребенком, воспитывать’, кого или с кем: *Говоря́т, што он хорошо́ позóрит ребёнка.* ПРИМ. ЛЗ. *Их не ро́стила, не позóрила.* ЛЕШ. Вжг. *Позóриши ребя́т да хóдиши на робóту.* МЕЗ. Дрг. *Внук подро́ста́йе, мне с ним робóтать, а не под си́лу. Позóрить со вну́ком. С и́йм-то и на́до позóрить.* КАРГ. Оз.

Близкие значения у глагола *допозáривать* – ‘воспитывать, растить до совершеннолетия’: *Допозáривать этых-то náдо б́ыло, уч́ить-то, ухáживать*. ПРИМ. 33.; ‘ухаживать за престарелыми родителями, нуждающимися в уходе и заботе, до их смерти’: *Со стáрыми люд́ми жыть не хотя́т: допозóрим кáк-нибу́ть*. ОНЕЖ. Прн. (в этом значении синонимами также выступают глаголы *допечáловать, довод́иться, допокóить, доприю́тить*).

Отсюда метонимическим переносом с действия на объект образуется *позора́*² – ‘тот, за кем присматривают’: *Ой, позора́!* ВЕЛЬ. Лхд. Денотативная сфера этого значения – дети. *Позоро́й* чаще называют непослушного ребенка, который доставляет родителям много хлопот: *О́й ты, позора́!* ШЕНК. Трн. *Ой, то́жэ тако́й бу́дэ позора́*. КАРГ. Ош. *Отвяжы́сь, позора́, ничёво́ у теб́я не в́ыйдет*. ШЕНК. Трн. Однако это может быть и нейтральное именование: *С позоро́й не́когда* (с детьми). ВЕЛЬ. Лхд. Употребление слова по отношению к ребенку становится универсальной характеристикой любого детеныша: *О то́ оста́лась позора́* (цыпленок). ХОЛМ. ВП.

*Позори́ть*³ (редко *позóрить*) – ‘совершать необходимые действия по уходу за чем-н.’: *Ле́н позори́ть náдо, он не дошо́л*. В-Т. Грк. *Мы позóрим йейé* (траву) *подóльшэ, она́ бу́эт густáя, хоро́ша, мно́го накос́им*. В-Т. Врш. Этот глагол, несмотря на параллелизм семантики с *позóрить*², является отдельным, третьим омонимом, поскольку связан с диалектным глаголом *зори́ть* – ‘способствовать созреванию зерновых’: *Хлеп созрева́йет, так старики́ говоря́т: зорники́ зоря́т. Зорника́ ра́зье мо́жно обижа́ть, он не ззори́т нам ячме́нь*. КРАСН. ВУ. *Когда́ хлеба́ задохóдят, тогда́ зоря́т зóрьки*. ПИН. Квр. *Зорника́ми и зóрьками* в исследуемых говорах называют кузнечиков, которые, по народным представлениям, призваны следить за посевами [Нефедова 2002: 101].

Вопрос об омонимии / полисемии глагола *позóриться* решается не так однозначно. В ситуациях, связанных с воспитанием детей, значение глагола, возможно, сохраняет сему ‘мучение’, а значит, не может считаться омонимом *позóриться*¹: *Со сво́ими-то ро́бятами позóрилась-позóрилась, тепе́рь с до́щерными, хóть бы в споко́йе пожы́ть. Ой, ро́бята-ро́бята! Со сво́ими-то*

позóрилась, а тепёрь у дóчери в спокóйе не жыла́. Тут с нíми водíця да позóриця. КАРГ. Нкл. ‘Иметь много хлопот и волнений с кем-л.’ – это, как нам кажется, еще одно значение полисеманта *позориться*¹.

Неоднозначен контекст для *позóриться* – ‘ухаживать за тяжелобольным родственником’: *Отéць позóриця* (с женой). *Самóй не фста́ть и спать не сходи́ть.* КАРГ. Ус. Этот пример может подразумевать как сему ‘мучения’, так и сему ‘присмотра’. На наш взгляд, тяжесть ухода за лежащим больным позволяет также отнести это значение к *позориться*¹.

При этом очевидным омонимом является глагол *позóриться*², более тесно связанный с процессом смотрения, нежели с трудностями или мучением. *Позóриться*² – ‘насмотреться чего-н.’: *Не уви́деш свéтлого дня, не позóришся.* ПИН. Ёр. *Ра́ньшэ жы́ли, му́ку му́чили, позóрились фсего́.* ПИН. Ёр.; ‘приглянуться кому-н.’: *Дом худóй, худáя крýша, а йему́ позóрилась. Фсéй семéйке не любá, а мíлому пондрáвилась* (фольк.) ШЕНК. ВП.

**ГЛАВА 3. НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ДИАЛЕКТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ВНУТРИ
«НРАВСТВЕННОГО КВАДРАТА»**

Как уже было упомянуто в преамбуле к гл. 2, в архангельских говорах отмечается тесная связь четырех морально-этических констант, названная нами нравственным квадратом.

СОВЕСТЬ и ЧЕСТЬ находятся в зоне положительной оценки, а СТЫД и ПОЗОР – отрицательной. В свою очередь, СОВЕСТЬ и СТЫД отражают внутреннее восприятие человеком своих поступков, а ЧЕСТЬ и ПОЗОР – их оценку другими людьми. Кроме того, в исследуемых говорах имеются зоны пересечения значений всех четырех единиц – как формальные, так и смысловые.

Слова *совесть*, *честь*, *стыд* и *позор*, обозначая разноплановые и семантически нетождественные понятия, имеют общность сочетаемости с атрибутами, усиливающими значения этих слов (см. табл. 9).

Таблица 9. Атрибутивная сочетаемость внутри «нравственного квадрата».

	Атрибуты в функции усиления		
	<i>чи́стой</i>	<i>како́й</i>	<i>большо́й</i>
<i>СОВЕСТЬ</i>	<i>Я от чи́стой совести говорю.</i> КАРГ. Ус.	—	—
<i>СТЫД</i>	—	<i>А како́й сты́т-то йей, она́ фсё потеря́ла.</i> ОНЕЖ. Хчл.	—
<i>ЧЕСТЬ</i>	—	—	<i>Боевы́м большо́я́ честь.</i> ЛЕШ. Кнс.
<i>ПОЗОР</i>	<i>Ой, стра́м! Чи́стой позо́р!</i> МЕЗ. Длг.	<i>Дак во́т кака́ позора́ в колхо́зе-то.</i> ВЕЛЬ. Уг.	<i>Роди́т де́фка – дак это большо́й позо́р.</i> ПРИМ. ЛЗ.

Прилагательное *чи́стой* выступает в значении эталонности. С ним сочетаются только лексемы *со́весть* и *позо́р*, которые образуют два полюса: *чи́стая со́весть* = ‘абсолютная нравственность’, а *чи́стой позо́р* = ‘абсолютная безнравственность’.

Относительное местоимение *како́й* усиливает оценку, заложенную только в словах с отрицательными коннотациями. В говорах отмечено наличие выражений *како́й стыд, какáя позора́* при отсутствии **кака́я со́весть, *кака́я честь*.

Прилагательное *большо́й* сочетается со словами *честь* и *позо́р*, поскольку они обозначают то, что может оцениваться прилюдно. Совесть и стыд – более интимные понятия. Оценка действий субъекта со стороны позволяет ввести количественный параметр – *больша́я честь, большо́й позо́р*.

Все комбинации смысловых связей внутри «квадрата» будут рассмотрены в пп. 3.1–3.6.

3.1. *Совестью и честной* – атрибуты с общей семой ‘порядочность’

Честь – это внешняя совесть, а совесть – это внутренняя честь.
(А. Шопенгауэр)

У слова *честь* есть область схождения с *совестью* на уровне семантики, которая проявляется в похожей предложно-падежной сочетаемости (в том числе – в составе фразеологических единиц). Действуя в согласии со своей совестью, человек поступает честно, порядочно, правильно. Поэтому при оценке поступков человека или результатов его деятельности становится возможной синонимия таких конструкций, как *на совесть / по совести – во чести / по чести* в значении ‘как положено, честно, качественно’: *Творок у тебѣ – зашибѣсь, на совесть* (сделан). КАРГ. Крч. *Он, виш, как йей по совести деньги оддал*. ВИЛ. Трп. *Поработали было во чести*. УСТЬ. Брз. *А одна дочевó домучилася, а улегліся спáть по чести, дак ветер двѣри распахнул да прошёл с шóрохом*. КАРГ. Ар.

Схождение семантики совести и чести обнаруживается и на уровне фразем. *Честь по чести* – ‘как надо, как подобает, как закреплено традицией’: *Ничевó на шальнóе не дѣлали, честь по чести работали*. ВЕЛЬ. Пкш. *Мы с им записáлись честь по чести, ни хухрѣ-мухрѣ. Порядочно вить прóжыли*. КАРГ. Ус. *Честь по чести у нас там фсѣ: стол, стулья. Натъ ружѣю свойó бѣло, лицензию добывáют, честь по чести, штóбы никто к ним не придира́лся*. ПИН. Нхч. *Прийѣде Натáлья у меня, йейó вѣмою в бáне, фсѣ честь по чести, лѣгем*. ПИН. Яв. По такой же модели построена фразема *совѣсть на совесть* (характеризует что-то, сделанное добротнó, как надо): *Это уш пусь совѣсть на совесть* (сделают). ПРИМ. Ннк.

Однако наиболее яркое пересечение пространства микрополей ЧЕСТЬ и СОВЕСТЬ проявляется в синонимии прилагательных *честной* и *совестной*.

Анализ семантики прилагательного *совестной* (см. п. 2.1) показал, что смысловое наполнение этого слова варьируется в зависимости от того, кого оно

характеризует: мужчину или женщину. Такой же гендерный аспект характерен и для прилагательного *чѣстной* (см. об этом в п. 2.2).

В говорах прослеживается четкая оппозиция *чѣстной* мужчина ‘не способный на обман, преступление’ – *чѣстная* женщина ‘непорочная’, при этом *чѣстной*, как и *сѳвестной*, формирует зону общей положительной оценки, стирая гендерные различия (*чѣстной* / *сѳвестной* *наро́д* – ‘порядочный, хороший’).

Наиболее ярко гендерные различия прилагательного *сѳвестной* проявляются в том случае, когда его значение совпадает со значением слова *чѣстной*. Сравним группы примеров, представленные в табл. 10:

Таблица 10. Употребление слов *чѣстной* и *сѳвестной* в архангельских говорах.

	<i>Чѣстной</i>	<i>Сѳвестной</i>
О мужчине	<i>Гол да не во́р, бе́ден, но чѣстен – вот четы́ре сло́ва йомких.</i> ПИН. Ёр.	<i>То́т-то сѳвестной па́рень, а Ко́лька – тако́й вурью.</i> УСТЬ. Стр. <i>Дак э́то мужыки́ сѳвесны, а молоды́е бессѳвесны – воруют.</i> В-Т. Сфт.
О женщине	<i>Вза́муш вы́шла че́сная. Гово́рит, што че́сная ВИЛ.</i> Трп. <i>Моя́ ми́лочка в гробу́, я пристро́ился, йебу́: Ца́рство йей небѣсно́йе! Была́ девче́нка че́сная</i> (фольк.) КАРГ. Крч.	<i>А я така́я вот сѳвесная, никуда́ не ходи́ла и погляну́лась я йему́.</i> В-Т. Грк. <i>Сѳвесная де́вка? Ну, че́сная, поря́дошная, така́я мора́льная, нра́фственно хоро́шая.</i> ЛЕН. Кзм.
О народе	<i>Тако́й че́сной наро́т: шо ме́лѣи, то и напѣшут.</i> УСТЬ. Брз.	<i>У нас так хоро́шой наро́т, сѳвестной, нет э́того вороссы́ва.</i> КРАСН. БН.

Таким образом, *чѣстной* / *сѳвестной* мужчина – это человек, не способный на обман или преступление, хранящий свою честь, уважение других к себе. Эта же семантика сохраняется и в сочетаемости с собирательным существительным *наро́д* (не путать с *честно́й наро́д* – ‘уважаемые люди’). *Чѣстная* / *сѳвестная* женщина (как правило, девушка) – чистая, непорочная, порядочная. В данных контекстах прилагательные *чѣстной* и *сѳвестной* являются полными синонимами.

3.2. *Ни стыда́ ни совести*: диалектные фраземы, отражающие внутреннюю мораль

Мы живем, умереть не готовясь,
забываем поэтому стыд,
но мадонной невидимой совесть
на любых перекрестках стоит.
(Е.А. Евтушенко)

Е.В. Урысон в работе «Проблемы исследования языковой картины мира» [Урысон 2003: 34–37] разграничивает понятия совести и стыда в литературном языке. Совесть, по ее мнению, помещается где-то рядом с душой (это либо некий внутренний орган, либо существо внутри человека), а стыд хоть и связан с совестью, но локализуется именно в душе. Связь стыда и совести Е.В. Урысон отмечает во фразеологизме *ни стыда́ ни совести* [Урысон 2003: 35].

Носители диалекта употребляют общий с литературным языком фразеологизм *ни стыда́ ни совести*, что косвенно доказывает различие говорящими стыда и совести: *Вот это... ни стыда́ ни совести, говорят.* ЛЕН. Кзм. Возможен вариант с предлогом *без* вместо отрицательной частицы: *Наберут бес стыда́ бес совести. Опóлзано фсё до тебя́ уш* (собрали чужие ягоды). ПИН. Ёр. *Совесть* и *стыд* могут обозначать то, что находится и в голове, и в сердце. Поэтому становится возможным употребление вместо слова *совесть* слова *ум*: *Чё, они́ ничё не понима́ют – ни стыда́ ни ума́.* ОНЕЖ. АБ. *Раньше-то люди́ были фсё жэ малёнько поумне́ от пьяниц-то, а тепе́рь пьянка развелась, ни стыда́ ни ума́.* МЕЗ. Аз.

Изучение фразеологизмов позволяет выявить дополнительный богатый материал для описания стыда и совести как культурных концептов, так как «за системой значений... слов и фразеологизмов сокровенно присутствует культура» [Телия 1996: 226–233]. В данном случае фразеология дает дополнительные факты для размышления о «локализации» совести и стыда³¹.

³¹ См. [Погребняк, Вань 2016; Прохорова, Заика 2010; Свиридова 2010].

3.3. Синонимия глаголов *стыдиться* и *сбеситься* в ситуации стеснения

И почему-то всегда есть что скрывать. И всегда есть чего стесняться.
(А. и Б. Стругацкие)

Ю.Д. Апресян на материале литературного языка разграничил употребление глаголов *стыдиться* и *стесняться* [Апресян 2009: 306–318]. По его мнению, стыд – более глубокая эмоция, характерная для действий с серьезными отклонениями от нормы. Стеснение – боязнь совершить то, что охотнее делал бы без свидетелей. *Стыдиться* может всякий, а *стесняются* обычно люди робкого склада.

Глаголы *стеснить* и *стесняться* в архангельских говорах синонимичны и понимаются как ‘испытывать чувство неловкости, смущаться, робеть’: *Никола́й Степа́ныч, ты шо́ стесня́йеш, ты шо́ бо́ишя?* КРАСН. Прм. *Жела́йте – ку́шайте, не стесня́йте.* МЕЗ. Мд. *Не стесня́йте, де́вушки, дак не у ма́тери.* ВЕЛЬ. Сдр. *Не пушы́лся, не матюга́лся, а мы стесня́лись йего́.* ХОЛМ. Члм. *Коро́ф соберё́, не стесня́лся, што не пойду́.* НЯНД. Мш. Диалектное управление отражает конструкция *стесняться* кого-н. что-н. делать (ср. с лит. *стесняться* что-н. делать *при* ком-н.): *Он стесня́лся меня́ матюка́ца.* ВЕЛЬ. Пжм.

Сема ‘робеть’ неслучайно входит в толкование слова *стесняться*. Стесняется, как правило, от природы робкий и застенчивый человек. В изучаемых говорах у глагола *робеть* два значения. Если человек *робеет*, то он либо испытывает смущение от неуверенности в себе, либо жалеет о чем-либо. Смущение, заложенное в значении ‘смущаться’, сродни стеснению или боязни: *Я гворю́, ты не робе́й зва́нья* (своей профессии). ВИЛ. Пвл. *Вы не робе́йте, не робе́йте.* ПРИМ. ЛЗ. Значение ‘жалеть о чем-л.’ не вступает в какие-либо отношения с другими интересующими нас глаголами: *От душы́ нарабо́талась, фсе́ равно́ не робе́ю.* ПЛЕС. Фдв.

Глагол *сбеситься* может вступать в синонимические отношения и с глаголом *стыдиться*, и с глаголом *стесняться*.

1) *сóвеститься* = *стыд́иться* (в значении ‘испытывать чувство стыда за чей-л. поступок’): *Так я мамы́ до́лго со́вестилась: не записаны́ бы́ли* (официально не женаты). ПИН. Трф.

2) *сóвеститься* = *стесня́ться* (в значении ‘ощущать неловкость’): *Она́ уш не со́вестиця, она́ уш фсе́ пр́ямо говори́ла*. КОН. КЛМ. *Со́вестиця, што рубáшку сымут*. ВИН. Зст. *Она́ со́вестице, не йёс ничегó*. ПИН. Влт.

Глагол *стыд́иться* соотносится с боязнью и стеснением. Некоторые контексты прямо указывают на синонимию значений: *Стыд́итца – ёто стесня́йтца*. МЕЗ. Лмп. *Не чюжáйтесь, не стыд́итесь*. МЕЗ. Длг.

В составе precedentного текста – пословицы *Ёшь – не стыд́ись, а рабóтай – не лени́сь* тоже выявляется синонимия значений глаголов *стыд́иться* и *стесня́ться*. Рассмотрим примеры: *Йёш, говори́т, – не стыд́ись, да и рабóтай – не лени́сь*. *Йёште, де́фки, не стыд́итесь*. ПИН. Нхч. *Йёш, не стыд́ись*. КАРГ. Ух. *Йёш – не стыд́ись, рабóтать не лени́сь, слы́хала?* В-Т. Сгр.

Значение глагола *стыд́иться* в ситуациях, связанных с приемом пищи, синонимично одному из значений глагола *сóвеститься* – ‘из вежливости или природной скромности отказываться от чего-либо’: *Йёште, не стыд́итесь дак, волоч́ите картóшку*. ПИН. Врк. *Пёйте, знáть, йёште, не стыд́итесь*. ПИН. Нхч. *Ку́шайте, не стыд́итесь, задума́ю – о́пять испеку́*. ОНЕЖ. Кнд. *Йёште, не со́веститесь*. ПИН. Нхч. В подобных контекстах (имеющих отношение к еде) *сóвеститься* и *стыд́иться* нейтрализуются в значении ‘стесняться’: *Я говори́ю, пёйте, пёйте, не со́веститесь. Это «не стыд́итесь» скажу́, это сло́во-то, «не со́веститесь»*. МЕЗ. Аз.

3.4. Синонимия существительных *стыд* и *позор*

Мы испытываем стыд не потому, что допустили ошибку,
а потому, что наш позор видят другие.
(А.Ю. Пехов)

Понятия стыд и позор в говорах не тождественны друг другу, но имеют зону пересечения смыслов. И стыд, и позор тесно связаны с понятием срам. Рассмотрим семантику слова *срам* в сопоставлении с *позóром* и *стыдóм*.

В ситуации оценивания человеком какого-либо своего или чужого аморального поступка проявляется тесное переплетение значений существительных *стыд*, *срам* и *позор*. Согласно данным «Русского ассоциативного словаря» [РАС 2002: URL], из 103 реакций на стимул *стыд* преобладают: *позор* 16, *срам* 9, и *позор* 2, и *срам* 1. При этом наивные представления носителя языка о стыде тяготеют к восприятию его как индивидуального чувства признания своей вины, проявляющегося внешне, что доказывает наличие следующих реакций: *краска* 5, *краснеть* 5, *красный* 3, *краснота* 2, *покраснеть* 2, *вгонять в краску* 1. Позор же больше связан с внешней негативной оценкой одним человеком или коллективом поступка другого человека: *невыносимый* 2, *несмываемый* 2, *унижение* 2, *честь* 2, *береги честь смолodu* 2, *всеобщее бесчестье* 1, *презрение* 1. Несмотря на это, среди 108 реакций на стимул *позор* преобладают «внутренние»: *стыд* 17, *стыдоба* 1 и *ужас* 4, *страх* 2.

Слово *срам* принадлежит разговорному пласту литературного языка и воспринимается говорящими как синоним слова *позор*, что доказывает наличие фразем *стыд и срам* и *стыд и позор* (устроенных по принципу «внутреннее – внешнее») при отсутствии в языке выражения **срам и позор*. При этом противопоставление внутреннего и внешнего сформировалось не сразу. Как отмечает В.М. Мокиенко, ссылаясь на Б.А. Ларина, «парная конструкция *студ и срам* первоначально обозначала не нравственные понятия, а характеризовала

простое физическое ощущение – озноба от холода <...> слово *стыд* прямо связано со *студёный*, *студить* и под., а слово *срам*, *сором* имеет балтийские параллели, например лит. *šarmà*, лтш. *sarma* ‘иней’» [Мокиенко 2022: 175]. Со временем стыд стал обозначать «мурашки» субъекта от осознания своей ошибки, а срам – коллективный упрек за неправильное действие.

В архангельских говорах сосуществуют два произносительных варианта: *срам* и *страм*. Различий в их значении не обнаруживается: *У меня фсе тряпки сорóки вьóволоцили, сра́м*. ЛЕШ. Блщ. *Фсё достáли* (из заброшенного дома): *ка́мни, óкна – ёто стра́м веть*. ПИН. Ср. Далее будет использоваться в качестве заглавного слово *страм* как собственно диалектное.

Страм – ‘нечто неприличное или безнравственное, осуждаемое обществом’: *По телевизóру страм показываю́т, аш тои́ни́т. Щя́с фсё кака́я-то йéресь по телевизóру*. ПИН. Лвл. *Шэсь сыно́вэй, а ма́терь так довели́, ой стра́м!* МЕЗ. Аз. *Мы (когда) де́фьки бы́ли: с кавале́ром постои́и, так ёто ужэ́ сра́м. А щас са́ми к ребя́там иду́т, на кровáть ложáцца*. ПИН. Ёр.

Данная семантика слова *страм* соотносится с *позóром* (в одном из его значений) – чем-то постыдным с точки зрения общества; с оценкой ситуации, ставшей известной и осуждаемой не самим субъектом действия, а другими людьми: *Грязно порáто, стра́м то́лько*. ПИН. Лвл. *У меня́ зака́зано: не трóгать, никуда́ не ля́зать, шоп сра́му не́ было*. ПИН. Трф. *Ухутиённые фсё, сра́м-то оди́н*. УСТЬ. Стр. *Стра́м веть, лю́ди веть при́дут. И больни́ца эта – стра́м*. ПИН. Ср.

Негативная оценка с повышенной экспрессивностью реализуется в предикативной конструкции *что за стра́м*: *Што́ за стра́м! Ой, каки́ страми́ны, как одева́юца!* (о коротких юбках) ХОЛМ. Сия. *Што́ за стра́м-то, говорю́! Я захожу́ – ника́кой заку́ски нет, што́ за стра́м!* УСТЬ. Стр.

Стыд и стра́м! – экспрессивное восклицание, описывающее ситуацию, когда, по мнению говорящего, субъект должен испытывать чувство стыда, а общество – осуждать его поступок. *Страм* здесь также синонимичен *позóру*: *Молоды́е-ти иду́т: пуп го́лый, трусе́шки э́ки ма́леньки надéнут, как пла́фки, и шага́ют по дере́вне, мо́жно сказа́ть, с го́лой жо́пой. Сты́т и стра́м!* ПИН. Ёр.

Бо́ле стыт и стра́м, што́ натвори́ли (девушка забеременела). ПИН. Ёр. *Немно́го и ба́йен бы́ло, а тепе́рь кто хо́дит со фи́ами – стыт и стра́м!* ПИН. Нхч. Синонимичная фразема – *хоть сты́д хоть стра́м: Пришо́л мил-перемíл, принаро́дно повали́л, хоть сты́т хоть сра́м – йеще́ пу́ще хо́чется* (загадка про сон). ПИН. Вгр.

Во другом значении *страм* сближается со *стыдом*. *Стра́м* – ‘стыд, неловкость, чувство вины за свой поступок’: *Мы та́к стесня́лися, убежа́ли со сраму́.* ОНЕЖ. АБ. *Да сра́ма-то уи нет, и то́т поте́рян.* УСТЬ. Стр.

Стра́м в сочетании с инфинитивом имеет значение ‘стыдно, неловко’: *Сходи́ла да закружи́лася* (заблудилась в лесу), *да стра́м спра́шивать, ска́жут: «Ниско́лько ума́ у ба́пки нет».* ПИН. Нхч. *Фсе́ роскида́ла да, одна́ – дак роскида́ла, а как приде́т кто, дак стра́м зайти́.* МЕЗ. Аз. *Сра́м-то прям жыть на́м-то, старика́м.* УСТЬ. Стр. *У миня́ милёнок йесь, сра́м по у́лицэ провесе́: ру́ки, но́ги колесо́м, две сосу́льки под носо́м.* (фольк.) КАРГ. Лкшм.

Таким образом, в одном из своих значений (‘нечто безнравственное, осуждаемое обществом’) *стра́м* является синонимом к *позору́*, а в другом (‘неловкость, чувство вины’) – к *стыду́*. Наиболее ярко эти семантические схождения проявляются в условиях ограниченной сочетаемости.

3.5. Синонимия предикативов *сты́дно*, *позóрно* и *сбóвестно*

Стыд перед людьми – хорошее чувство, но лучше всего
стыд перед самим собой.
(Л.Н. Толстой)

В архангельских говорах реакция на свои или чужие поступки, осуждаемые нормами морали и связанные с чувством вины, может описываться с помощью общерусских предикативов *сты́дно* и *позóрно*, а также диалектных – *страмно́* и *засóрно*. Рассмотрим каждое из этих слов.

Как было упомянуто выше, в русском языке сосуществуют «эмоциональное» (*Мне сты́дно.*) и «деонтическое» (*Сты́дно так поступать!*) *сты́дно* (в терминологии А.Д. Шмелева). В исследуемых говорах *сты́дно* – только эмоциональное: *Мне́ фсёво́ сты́днёйе бы́ло соглáсийе дава́ть.* КРАСН. Чрв. *Не та́к сты́дно бу́де* (занавешивая окно). ВИН. Брк.

Место деонтического *сты́дно* (генерализованное суждение об общей этической норме) в говорах занимает предикатив *стра́мно* (*срамно́*): *Вот у ба́нки и това́ру. Стра́мно и носи́ть.* УСТЬ. Брз. *Да, стра́мно, де́тко фсегда имёл, што нали́ть.* МЕЗ. Мсв. *До два́цати́ годо́ф не ро́бить-то срамно́.* ПИН. Кшк. *Ой, како́й необихо́т в избы́, срамно́ гляде́ть.* ПИН. Нхч. *Срамно́, наклóнимся, так фсе́ ви́дно.* ВИН. Зст.

Предикатив *позóрно* зафиксирован на данной территории в трех значениях: ‘неприемлемо для общества’, ‘неудобно, стыдно перед другими людьми’ и ‘тяжело’.

Позóрно в значении ‘неприемлемо для общества’ используется для описания ситуаций, которые осуждаются в коллективе; соотносится с предикативом *страмно́*, так как тоже связано с общей нормой: *Родила́ мо́лчя, да он уйде́т – вот э́то бы́ло позóрно. А во́т штоп лю́ди-то не зна́ли.* КАРГ. Лкшм. *В на́шу молодóсь то́жэ позóрно э́то бы́ло. Позóрно бы́ло зауго́лка* (внебрачного ребенка) *принести́.* ХОЛМ. Члм. *Вот зде́сь лежы́т оте́ць, не позóрно ли.* ЛЕШ. Клч. *Им уш позóрно ме́ртву козу́ йесь.* ПИН. Ср. *Полови́на молодё́жы тако́й*

обрас (жизни) *ведут* (сходятся-расходятся), *рأنьшэ было позорно веть так*. ПРИМ. Ннк. *Позорно было вѣбляткоф имѣть*. КРАСН. ВУ. *Онѣ называют: Марѣйка, Настюха, а у нас – Мάρья, Нástя. Позорнейе зовут, што у нас*. КОН. Хмл.

Позорно ('неудобно, стыдно перед другими людьми') синонимично эмоциональному *стыдно* (кому-то *позорно* = кому-то *стыдно*): *Йему позорно с посудой порозной в магазѣн-то иттѣ*. ОНЕЖ. Кнд. *Как жэ мне бѣть? Мне позорно веть*. МЕЗ. Дрг. *Йему позорно стало – ращитался, уѣехал*. ЛЕШ. Ол. *Йему позорно стало, он ѣей боле бросил*. ЛЕШ. Ол. *Ходите, дак вам не позорно в штанах*. ЛЕШ. Вжг.

Позорно – 'тяжело, плохо' (от диалектных значений *позора* и *позоры*, связанных с мучением и тяжелым трудом): *Оба не ходѣли, так, ой, было позорно с ними!* ВЕЛЬ. Лхд. *Олѣна ушла от мужыка, позорно было одной*. ПИН. Шрд. *Позорно – это тяжэло. Вот я осталась от (без) матери, дак напозорилась*. МЕЗ. Сн. *Масла купѣла. Потом фсе рохватают, позорно будет*. МЕЗ. Длг.

Похожее семантическое наполнение характерно для диал. *зозорно*: 'неприемлемо для общества': *Незозорно. Ничего в ней такого зозорного нет, только пѣют*. ЛЕШ. Смл.; 'стыдно перед другими людьми': *Столь мне зозорно да столь мне позорно было* (что дочь выходит замуж за пьяницу). МЕЗ. Дрг. Однако еще одно значение *зозорно* – 'завидно' – с семантикой *позорно* не совпадает (связано с завистью, а не с позором): *Нам было зозорно, завидно*. МЕЗ. Мд. *Мне-то зозорно: у тебя ѣсь, а у меня нет*. ПИН. Врк.

Взаимосвязь всех вышеперечисленных значений слов представлена на схеме 1.

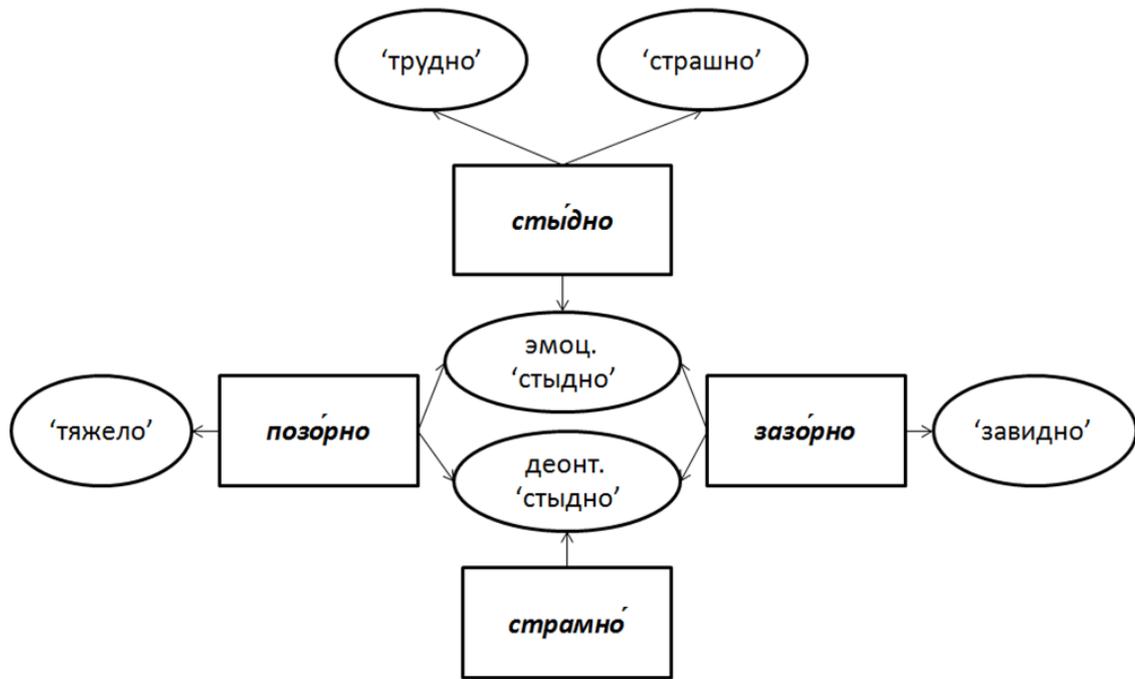

Схема 1. Предикативы с общей семьей 'чувство вины' в архангельских говорах.

Предикативы *стыдно*, *позорно*, *страмно* и *завидно* объединены общей семьей 'чувство вины'. В одном из своих значений к ним примыкает и слово *совестно*, также широко представленное в исследуемых говорах.

Предикатив *совестно* соотносится с чувством стыда перед другими людьми, что сближает *совестно* и *страмно*, *стыдно*, *позорно*: *Здэсь прорэхи такі на жы́нсах зделала. Я, бывало, рукой закрывал. Сovesно. Это нам кажэцца сра́мно, совесно.* ПИН. Чкл. *Веть это совесно – на дрóвнях йéздить.* В-Т. Грк.

Анна А. Зализняк, анализируя лексемы *совестно* и *стыдно* на материале литературного языка, пишет, что дурные поступки («действия, осуждаемые нормами морали») составляют область пересечения сфер употребления данных слов: «В этих контекстах *совестно* и *стыдно* взаимозаменяемы. Однако у каждого из этих слов есть и собственные, противопоставленные друг другу контексты» [Зализняк А. 2006: 286].

В архангельских говорах предикатив *совестно* может и противопоставляться *стыду*, *позору* и *страму*, сближаясь с *честью*: *Он совесно взял её* (взял замуж непорочной). ВЕЛЬ. Пжм. Сравним: *Чеснёхонько вёшла замуш* (непорочная). ПРИМ. Сзм. Таким образом, предикатив *совестно* развивает

два противоположных значения: а) ‘в соответствии с нравственными принципами коллектива’ (*сóвестно выйти замуж*); б) ‘против нравственных принципов коллектива’ (*так поступать плохо, сóвестно*).

Итак, предикативы с общей семой ‘чувство вины’ – *сты́дно, позóрно, зазóрно* и *страмнó* во всех его производительных вариантах – тесно связаны между собой, так как их семантика в изучаемых говорах всегда основана на отступлении от нормы. Слово *сóвестно* в одном из своих значений сближается с этой группой слов (*сóвестно родителей*), в другом – противопоставляется ей, сближаясь, в свою очередь, со словом *чéстно* при обозначении соответствия норме поведения (*вести себя сóвестно*).

3.6. ЧЕСТЬ и ПОЗОР как показатели репутации в коллективе

Жизнь короткую, но честную всегда предпочитай
жизни долгой, но позорной.
(Эпиктет)

В архангельских говорах функционируют три многозначные лексемы – *честь*, *позор* и *позора́*, в одном из своих значений служащие для выражения внешней оценки человека и его поведения:

- *честь* – ‘уважение, признание коллективом’, **внешняя позитивная оценка**: *Ну дак мы на пёнсийи бы́ли ро́били, жы́ли, мы ро́били и бы́ли в честі́, ребя́т наро́стили и фсех уважа́ли. МЕЗ. Бч. Пред наца́льством шо́бы в честь вы́йти. МЕЗ. Кд.*
- *позо́р / позора́* – ‘унизительное положение, в котором человек вызывает презрение у окружающих’, **внешняя негативная оценка**: *Я позору́ не хоте́ла, потому́ цьто у фсех была́ в честі́. ПИН. Пкш. Чего́ отло́миш, так веть лю́дям-то позора́. ПИН. Ёр.*

Все диалектные значения слов *позо́р* и *позора́* (см. п. 2.4) так или иначе выражают негативную оценку и могут быть объединены в два семантических блока. Первый блок связан с тем типом негативной оценки человека, его поведения или результатов деятельности, который выражается презрением коллектива: *Така́я позора́ да – пыйо́т и дере́ ца. ВЕЛЬ. Пжм.* Второй семантический блок объединяет все значения, связанные с физическим или душевным мучением, причины которого также негативно оцениваются окружающими, но вызывают у них не презрение, а сострадание: *Он, бе́дный, труди́це, а у него́ не роди́це – позора́. КАРГ. Оз.*

Таким образом, ЧЕСТЬ и ПОЗОР как выразители позитивной / негативной внешней оценки в исследуемых говорах становятся противопоставленными показателями репутации субъекта в коллективе.

ГЛАВА 4. ДОБРО И ЗЛО – ДВА ПОЛЮСА НАРОДНОЙ МОРАЛИ

Для русских характерно совмещение и сочетание антонимичных,
полярно противоположных начал.
(Н.А. Бердяев)

Добро и зло – два брата и друзья.
Им общий путь, их жребий одинаков.
(В.Я. Брюсов)

Проводить исследование о лексике, обозначающей морально-этические категории, предполагает обращение к таким общерусским словам, как *добро* и *зло*, а также к понятиям, за ними стоящим. Н.О. Лосский писал, что «русский человек обладает особенно чутким различием добра и зла» [Лосский 1991: 98].

Противостояние добра и зла – вечная тема, издревле занимавшая умы ученых и философов³². Осветить все научные концепции в рамках настоящего исследования не представляется возможным; в данной главе будут упомянуты лишь те работы, которые важны для раскрытия диалектных смыслов на изучаемой территории.

Согласно исследованию Т.В. Цивьян, представленному в монографии «Модель мира и ее лингвистические основы» [Цивьян 2006], русская модель мира представляет собой систему бинарных оппозиций, раскрывающих представления человека о пространстве (верх – низ), времени (свет – мрак), материальном (свое – чужое) и духовном (рождение – смерть) мире, а также о самом человеке (мужской – женский) и др.

Оппозиция добро – зло «пронизывала все семантическое пространство ментального мира» еще во времена Средневековья и наследовалась русским языком из старославянского [Вендина 2002: 187]. До сих пор добро и зло являются членами глобальной базовой оппозиции, структурирующей духовно-нравственную сферу русской ЯКМ. «Осмысление добра и зла во многом определяет принципы существования человека, указанные понятия формируют основу всей культуры» [Красовская 2021: 45].

³² См., например, [Коробкина 2011; Максимов 2000; Фетисов 1982; Шатилова 2006].

4.1. ДОБРО

Не красота спасет мир, а добро.
(А.Ф. Лосев)

А. Историко-лингвистический комментарий

Данные этимологии свидетельствуют о том, что изначально слова с корнем *добр-* имели материальную семантику. Праславянское слово **dobrъ* восходит к индоевропейскому корню **dhabh-* ‘подходить, быть удобным’, родственно лат. *faber* ‘ремесленник’ и арм. *darbin* ‘кузнец’, др.-в.-нем. *taphar* ‘крепкий, веский’ [ЭССЯ V: 45–46], т. е. исконно означало ‘годный, подходящий’, отсюда ст.-сл. и др.-рус. (с XI в.) *добръ* – ‘доброкачественный’, ‘хороший’ [Черных I: 258].

С течением времени на передний план выходит духовная составляющая семантики *добра*. Этот семантический сдвиг объясняется влиянием христианского учения, в котором противопоставление добра и зла тесно коррелирует с такими ключевыми оппозициями, как «рай – ад, Бог – дьявол, свет – тьма» [Палеха 2007: URL]. Стоит отметить, что в дохристианскую эпоху природные языческие божества и противопоставленные им низшие духи также наделялись амбивалентными функциями, но их деятельность связывалась с чем-то материальным – увеличением богатства или нанесением урона человеку: «о.-слав. *Бог* как первоначальное обозначение существа, наделяющего долей, богатством, при польск. *богинка* ‘злой дух, вредящий роженице и младенцу’» [СДЭС II: 99].

В.В. Колесов в своей книге «Древняя Русь: наследие в слове» формулирует движение смыслов *дóброго* как переход от утилитарности к абстрактному совершенству: ‘полезный’ → ‘красивый’ → ‘ладный, добротный’ → ‘истинный, правильный’ [Колесов 2001: 131–132].

Т.И. Вендина включает ДОБРО (вместе с ИСТИНОЙ и КРАСОТОЙ) в «вечную триаду ценностей русской культуры» [Вендина 2004: 143]. При этом, по меткому замечанию Н.Д. Арутюновой, «*добрый молодец* скорее красив и силен, чем добр» [Арутюнова 2004: 5].

Проанализировав значения имен этических концептов с XI века до наших дней, В.И. Жданова приходит к выводу, что вещная семантика *добра* уступает место чисто этической только к XX веку. [Жданова 2004].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» при наличии примеров о *добром* как преисполненном морали (*тотъ человекъ доброй, и воровства от него никакова не будетъ* и др.) преобладают контексты, где семантика *добро* не связана с нравственностью: *добрые земли* ‘лучшие по качеству’; *дорогою доброю* ‘прочной, надежной’; *съ добрыми мужи* ‘почтенными, знатными’; *добрымъ вѣтромъ* ‘благоприятным’; *въ высоту пяди доброй* ‘полномерной, неурезанной’ и др. [Сл. РЯ XI–XVII вв., 4: 270–271]. Таким образом, в древнерусском языке существительное *добро* как обозначение категории морали еще до конца не сформировалось, а прилагательное *добрый* понималось преимущественно в широком смысле как ‘хороший, доброкачественный, богатый’.

В словаре В.И. Даля на первом месте стоит конкретное значение слова *добро*: «Добро – вещественно все доброе, имущество или достаток... В духовном значении – благо, что честно и полезно...» [Даль I: 443].

В толковых словарях современного русского языка семантика данного слова охватывает и абстрактное, идеальное *добро* (*желать добра, помнить добро*), и конкретное, материальное (*украденное добро, этого добра у нас хватает*) [МАС I: 409; Ожегов: URL и др.]. Однако носитель литературного языка считает добро скорее категорией морали, нежели совокупностью ценных / неценных предметов (конкретные значения слова *добро* стилистически маркированы и приводятся в словарях с пометой «разг.»). По данным «Русского ассоциативного словаря», реакции на стимул «добро», имеющие отношение к представлениям о нравственности (*зло* 14, *делать* 10, *мама* 4, *хорошо* 3, *добрый человек* 1, *дурно* 1 и др.), заметно преобладают над реакциями, связанными с материальным *добром* (*нажитое* 1, *хранить* 1, *выпивка* 1 и др.) [РАС 2002: URL].

В диалектных словарях слово *добро́*¹ либо не отражено вовсе (см. [СВГ], [НОС], [ЯОС] и др.), либо фиксируется с материальной семантикой: «1. Платье, одежда... *Какое я добро́ себе купила! Алыи платок*. Ворон. // Приданое невесты.

Курск.» [СРНГ 8: 76]. При этом достаточно широкую территорию распространения обнаруживают наречия *добро́*² и *до́бре* (*добре́*) в общеоценочном значении ‘хорошо’, а также омонимичная частица *добро́*³ (о них см. в пункте Б настоящего параграфа).

В современном литературном языке утилитарное значение больше свойственно лексеме *благо*³³ (особенно во мн. ч. – *материальные блага, блага природы*): *Палатка, костер и теплое одеяло кажутся тогда лучшими благами, какие только даны людям на земле* [МАС I: 92]. «Добро абсолютно, внутри человека, а благо относительно, утилитарно, вне человека» [Жданова 2004: 53].

Это семантическое распределение противоположно исходному: у древнерусских авторов XI–XIII веков корень *благ-* закреплялся за духовным, небесным, божественным, а корень *добр-* – за земным, вещественным, человеческим проявлением жизни: ср. *благие дела*, но *добрый конь* (см. об этом в [Колесов 2004]).

В архангельских говорах существительное *блáго*¹ малоупотребительно и зафиксировано лишь в значении ‘удовольствие’ (*Пользовался в свойó блáго*. ЛЕН. Кзм.), а наречие *блáго*² означает ‘хорошо’ (*Фсё тíхо, хорошó, блáго*. КАРГ. Хтн.) или ‘много’ (*У меня́ то́жэ кавалéроф-то блáго бýло*. ХОЛМ. НК.). Таким образом, существительные *добро́*¹ и *блáго*¹ в диалектном пространстве не обнаруживают схождения в семантике, при этом наречие *блáго*² в одном из своих значений синонимично наречию *добро́*² (‘хорошо’), широко представленному в исследуемых говорах: *Блáго, што в дерéвне мужыку́-то робóты хватáэт, сэно, фсё на йóм*. МЕЗ. Пгр. *Скóль добро́-то, што máма не рóбит*. ПИН. Штг. *Мóрдами он фсё ловíл. Из вíчэк из ивнякá плёл – в них добро́ (хорошо) попада́ло*. УСТЬ. Стр. Эта синонимия поддерживается и на уровне дериватов (ср. наречия *доброполучно* и *благополучно*).

³³ При этом материальный компонент в семантике *добра* не исчезает: по данным ассоциативного эксперимента [Богданова, Сокурова 2014], около 25% реакций на слово *добро* у молодого поколения носителей русского языка связано не с абстрактной моралью, а с материальными объектами.

Б. ДОБРО по данным архангельских говоров

Понятие добра представлено в говорах рядом однокоренных слов с корнем *добр-*. Это имена прилагательные, существительные, глаголы, наречия, частицы, междометия. Все они являются многозначными, каждое значение, как правило, представлено рядом словообразовательных синонимов, различия между которыми могут касаться как семантического, так и прагматического компонентов лексического значения.

В исследуемых говорах ДОБРО распределено между двумя семантическими зонами – вещественной и этической семантики. Материал, относящийся к каждой из этих зон, подается в отдельных параграфах в зависимости от их частиречной принадлежности.

1. Вещественная семантика добра

1а) Общеоценочность прилагательных *дóброй, добрénной, добрótной, дóбренькой, добрѐхонькой, добру́щей, добря́щей*.

Диалектный материал подтверждает, что в диалекте сохраняются архаические представления о добре. Ключевым словом в вещественной зоне добра является слово *дóброй*. Оно имеет общеоценочное значение³⁴ ‘вполне положительный по своим качествам, хороший’, которое относится к разным денотативным сферам. Эти сферы охватывают натурфакты (1), артефакты (2) и собственно человека (3).

В первую сферу входят положительно оцениваемые природные объекты и явления. *Дóбрыми* в исследуемых говорах именуется растения и грибы, обладающие качествами спелости и зрелости, готовые к сбору: *Нѐту кружóчькоф-то, как на настоящем добрóm груздѐ* (о сухом грузде). *Я на болóте бя́нки собираю. На лу́гу бя́нка – она́ така́я матѐрая, добра́*. ВЕЛЬ. Пжм. *Лю́ди-ти копа́ют, говоря́т, што порáто дóбра карто́шка*. ПИН. Нхч. *Дóбра то́жэ трава́ под горóй-ти, а на горѐ попеця́нейе да поху́жэ*. В-Т. Сгр.; годные к обработке участки земли (*пóжни дóбрые* – ‘богатые разнотравьем’, *дóбрые поля́* –

³⁴ В терминологии Н.Д. Арутюновой, см. [Арутюнова 1988].

‘плодородные’): *Поля дóбрые, хорóшыйе. УСТЬ. Сбр. У нас в Кучькасе дóбры поля, тóлько фсё запустошóно. И на ётой поля тóжсо бýли дóбры.* ПИН. Нхч.

Дóбрые животные – отличающиеся важными и нужными для человека свойствами: *дóбрая рýба* – ‘крупная, мясистая’; *дóбра корóва* – ‘дойная, дающая много молока’: *Оцень былá отáва дóбра, да корóва дóбра, да сквóзь доíла, фсё не моглá засушýть-то.* ПИН. Нхч.

Кроме растительного и животного мира, *дóбрым* называется все, что хорошо, полезно для сельского жителя в окружающей среде: погодные явления (*дóброй день* – ‘солнечный’, *дóброй дождь* – ‘кратковременный, несильный’). Эта диалектная семантика является наследием древнерусского языка: в древнерусских текстах *дóбрые земли* – ‘лучшие по качеству’; *дорогою дóброю* – ‘прочной, надежной’; *дóбрымь вётромь* – ‘благоприятным’ и др. [Сл. РЯ XI–XVII вв., 4: 270–271].

В сознании говорящего доброе всегда ассоциируется с чем-то хорошим, на добро существуют заговоры и приметы: *«Я, рабá Бóжйа, от Адáма, а ты, травá, от Ивáна, и бутъ травá для фсýчины дóбрá (полезна)», – ёто на любýю траву приговóр был.* (фольк.) В-Т. Сгр. *Фсё поминáл: «Смотрí по детýм: йёсли дёти на úлицэ игрáют, знáчит бýдёт рýба – погóда-то дóбра».* ПИН. Нхч.

Производные прилагательные *дóбрóтнóй* и *дóбрýщей* входят в эту же денотативную сферу, добавляя к общеоценочному значению ‘хороший’ дополнительную сему интенсивности ‘очень’: *Красногóловик и прýмо такóй дóбрóтнóй.* ХОЛМ. Сия. *Хорóшый лук, он такóй дóбрýщий.* В-Т. УВ.

Вторая сфера охватывает разнообразные рукотворные объекты: *В дóбром, большóм дóме жывё (16 детей).* ПИН. Ср. *Клей, бóльно дóбры ёти (обои).* КАРГ. Крч. *У нас и свойегó фсё дóброю и кýплёнойо.* ПЛЕС. Кнз. *Тóт-то холодíльник дóброй был.* ПИН. Вгр. *Сáмый дóброй нарýт одеváла на свáдьбу.* ПИН. Врк. *Мне ишчэ нáть фáртук, плáтьйе-то дóбро – загрезньи́ца, мёву-ту чýсьтить – сáма нелюбá рóботá!* ПИН. Слц. *Ёто шёрсть дóбра, овéчья (хорошая).* ЛЕШ. Кнс. *Шáнешки-то сколь дóбры, как вýзнулись, а онí осежáют.* ВЕЛЬ. Пкш. *Дóбрыми* могут быть крепкие, качественные постройки (*дóбра мёльница, хорóмы дóбры*);

добротная, нарядная (*дóброй наряд*) или целая, нервная одежда (*чулки дóбры*); качественные, полезные в быту предметы (*дóброй карандаш, дóброй óхлупень*); обладающие хорошими вкусовыми качествами продукты питания (*дóбро молоко, дóбра колбаса*).

Сема интенсивности – у дериватов *добрящей* и *добрённой*: *Дом такой добряшиный, да прирубите кухню себе йешио*. В-Т. Сгр. *Зделают косы добрённые*. ВЕЛЬ. Пкш.

Добрыми называются абстрактные явления, положительно оцениваемые носителями диалекта: *пёсня дóбра* ‘красивая, мелодичная, с хорошим текстом’, *дёнги дóбры* (о достойной зарплате) ‘достойные, соответствующие усилиям, затраченным на их получение’, *дóбрая смерть* ‘легкая, безболезненная’: *Йего в больницу увезли, дак там отлегал, отводились. Он потом дóброю смёртью помер*. ПИН. Ёр. *Он вот тут сам дóброю смёртью умер*. ПИН. Яв.

Третья денотативная сфера общеоценочного значения непосредственно связана с человеком. Как *дóбрые* высоко оцениваются его физические качества: *У тебя дóбры волосы-ти, густы да большы*. ПИН. Нхч.

Другое значение прилагательного *дóброй* в архангельских говорах – ‘полный, упитанный, крепкий’: *Катерина-та добрейе: выше ростом да сложэнием получше*. В-Т. Сгр. *А у нас лошадь-то больша и дóбра – самой поры*. ПИН. Нхч. Слово с этой семантикой обычно употребляется при описании женщин, а также некоторых домашних животных, как правило, репродуктивного пола и возраста. Внешние признаки полноты и силы, таким образом, являются показателями здоровья как самой особи женского пола, так и ее будущего потомства. Кроме того, *дóбрыми* могут быть названы полные части тела: *Жыво́т о́стрый – ма́льчик, о́кру́глый – де́вочька, худо́ лицо́ – ма́льчик, дóбройе – де́вочька*. МЕЗ. Цлг.

Добренькой – ‘очень полный, упитанный, крепкий’: *Немятой был, здоро́вой, дóбренькой, то́лстой*. В-Т. Врш. *Она хоть не так дóбренька, а худенька, да бойка́я*. КОТЛ. Фдт.

Метафорическое переосмысление «полноты» – *дóброй* в значении ‘пышный’ (о тесте): *Раствори́ш тéсто-то, вот оно́ живёт ночь. А утром и твори́ из него́, што душэ-то угóдно. Оно́ дóбройе тако́йе выхóдит.* ВИН. Брк.

У слова *дóброй* на основе семантики крепости развивается значение ‘здоровый, крепкий’, не связанное с полнотой и молодостью: *А тáм, в Волості́, ба́пка дóбра йешо́? Молóтку свёржы́ли, а самá живёт, куку́шка она́ стáра.* ЛЕШ. Кнс. *А тóлько што рáк пишиовóда, дак пи́шша не пошла́, а тáк бы уи дóбра́ была́.* ПИН. Ёр. *Он бы поспáл по-хорóшэму, дóбрéйе бы́л бы (здоровее).* ПРИМ. Ннк.

Сема интенсивности ‘очень’ в значении ‘очень здоровый, крепкий’ эксплицирована словообразовательной структурой следующих производных прилагательных:

добрúщей – *Люди бéгают от одной грéби к другóй, э́ки добрúшшы ба́бы, и грести́ не мóгут.* КРАСН. ВУ.

добря́щей – *Она́ была́ добря́шчя, мо́цня ба́ба-то, она́ и за мужыка́, и за ба́бу пра́вилась (управлялась) – она́ без дрóв не жыва́ла-то.* ПИН. Нхч.

добрёхонькой – *Не секёт здоровьйо, кáк скáжеш, што добрёхонькой, бат, плóхонькой.* ЛЕШ. Вжг.

1б) Материальное *добрó* и его дериваты: *дóброе, добрóта, добрина́, добрúнушко, дóбречко, добрецё, дóбренькое, добрь.*

Вещественная семантика *добрá* также соотносится с широким денотативным пространством. Это сферы, охватывающие артефакты, натурфакты и собственно человека.

Значительным корпусом контекстов представлено в говорах архаичное значение слова ‘материальные ценности, имущество, вещи’:

добрó, дóброе – *А што добрá было́, фсе склáды заклáдены.* МЕЗ. Бч. *Сундуки́ бы́ли. Там фсе́ добрó храни́ли: одéжду, украшэ́ния, дéньги.* ПИН. Ср. *У меня́ под гóрой амбáр – там и хлéп, и добрó. А мне и этóво ли́шка мнóго, йевó бы*

прожы́ть. Ра́ньшэ фсё храни́ли в амба́рах: и добро́, и хлёп. ПИН. Нхч. *Пожалéла фсёво́ до́брово-то* (нажитого добра) *и потóм умерла́.* КАРГ. Крч.

до́бренькое – *Так веть свойо́ до́бренько, свойи́ труды́, не кварта́ра да́дена, свой до́м.* МЕЗ. Бч. *Ма́ло у их оста́лось от отца́ до́бренька.* ХОЛМ. Гбч. *Награ́били фсё, мно́го до́бренького.* ХОЛМ. Сия.

добреце́ – *Ско́лько добреца́ в подва́ли нало́жэно.* ЛЕШ. Смл. *А та́м иче добреце́* – *фсё оста́лось, фсё погину́ло.* КРАСН. ВУ.

до́бречко – *Ско́лько у вас до́бречька запасено́!* ЛЕШ. Клч.

Как *добро́, добрь* определяются хорошие условия жизни, достаток: *Благословля́ют-то как, што́бы жы́ли в тепли́ да в добри́, да богáто, постила́ют шку́рку, офчи́ну, колéням штоп бы́ло тепло́, благословля́ют с ико́нкой, хлёбом благословля́ют.* МЕЗ. Аз. *От до́бри бы но́ги не болéли.* ВЕЛЬ. Сдр.

Добро́ – это и полезные природные объекты, дары природы, которые необходимо беречь и правильно использовать: *Так не погиба́ть-то добру́, мо́жэт кто и спрóсит, чё ли приспи́чит* (о сене). ПИН. Ср. *Ой, добра́ бы́ло вы́брошэно бо́льно мно́го* (о лесе). ШЕНК. ВЛ. *В Куртя́йеве мно́го добра́, но та́м людéй гра́мотных на́до, с кни́гами, узнава́ть какáя трава́ на што́ иде́т.* ПРИМ. Ннк.

Добро́м в изучаемых говорах называют продукты высокого качества, необходимые для приготовления сдобной выпечки: масло, сметану, яйца, что соотносится со словами *сдоба, сдобрить* в литературном языке: *Ма́ло добра́, наве́рно, поло́жила в ша́ньги, добро́ – э́то ма́сло, молоко́, яи́ца.* УСТЬ. Брз. *В квашо́нку водо́и налёй, заведё́ш (замесишь), прибу́лькаш (размешаешь), дрожжэ́й немно́шко брóсиш, добра́ поло́жыш* (масло, яйца, молоко). ПИН. Нхч. *Мо́жно и добра́ в катышы́и поло́жы́ть, дак мяко́ньки бу́дут катышы́и.* ВИЛ. Трп. *Добра́ накладё́ш – ша́ньга хоро́шая, а добра́ не накладё́ш, дак и ша́ньга худá.* УСТЬ. Сбр.

Это значение фиксируется и в других словарях севернорусских говоров: *Жалели добра́-то в тесто положить, ну это, сметаны, масла – добра́.* [СРГК I: 465]; *Добра накладёшь, дак все пироги вкусные* [Рус. Сев. III: 231]. Схоже со словом *добро́та* в вологодских говорах: *Яйца набить да молока́ налить* – и в

тэсто лóжили. Хоро́шее на добро́те тэсто. Да ешо́ и песóчку кладу́т [СВГ II: 31].

Слово **добро́** предстает в значении ‘вкусная еда’: *Гли́косе, вы мне ско́лько накла́ли добра́!* ПРИМ. Лпш., в составе пословицы: *Зря́ вы су́ну-то не похлеба́ли. Лóпни бочи́нка, да не пропади́ добро́.* УСТЬ. Брз.

В собирательном значении ‘вкусные продукты, улучшающие качества блюда’ употребляется слово **добро́та**: *Така́ тра́фка, кла́ли для фку́су, нехмельно́й, нехмельно́й фку́сной, ту́т мно́го нать добро́ты.* ПИН. Нхч.

Семантика здоровья и крепости проявляется в слове **добрина́** – ‘сильный, здоровый человек’: *Ви́тька сла́вной, э́кой добрина́!* УСТЬ. Брз.

В говорах отмечен и ласкательный дериват **добри́нушко**: *Стоя́т таки́е добри́нушка, шэ́и таки́е краси́нушка.* КРАСН. ВУ.

В контекстах, окрашенных иронией, **добро́** может обозначать что-нибудь, не представляющее никакой ценности: *Эти́х жыво́тных ужэ́ нет, клопо́в да торока́ноф. Тепе́рь э́того ма́ло хозяйсва, фсе́ жо выво́дят э́то добро́.* ХОЛМ. Сия. *Го́споди, у меня́ што шло́ добра́!* (во время дизентерии) МЕЗ. Бч. *Привезли́ сюда́, в э́тот дом два я́шчыка добра́* (бутылок водки). УСТЬ. Стр.

Слово **добро́** употребляется как эвфемизм при ироническом обозначении полового органа, чаще мужского: *Де́фки в ба́йну на поло́к, я за ни́ми в уголо́к. Де́вок испуга́лся, в уголо́к залэ́с, де́ржыт свойо́ добро́.* ПИН. Квр. *Ой ты зара́за, сво́лоць, цевó де́лайеш, при наро́де пока́зываеш свойо́ добро́.* ПРИМ. КГ. *Мене́ поду́шечьку под жо́пу пеха́т: «Не отморóсь свойо́ добро́!»* ПИН. Нхч.

1в) Глаголы с семантикой улучшения качества – добре́ть, до́брить (добрíть), вы́добреть, задóбрить, подóбреть, подóбрить, роздобрéть, сдобрéть, сдо́брить.

Глагол **добрéть** и его производные развивают в говорах следующие значения материального характера:

добрéть – ‘становиться лучше по качеству’: *Гнийо́т, фсе́ не добре́ет.* ПИН. Влд. *Се́но-то тепе́рь не добре́т, коль ве́дра-то не́т.* ХОЛМ. ПМ.

добрéть, вѣдобрéть, подобрéть, роздобрéть, сдобрéть – ‘набирать (набрать) вес, полнеть (располнеть)’: *Тепéрь телятницы добрéют, а телята худéют.* ЛЕШ. Юр. *Она́ вѣшла взáмуш, ста́ла добрéть.* ПИН. Кшк.

Ты йешио́ молодá, вѣдобреш, дѣфка! КРАСН. Брз. *Была́ добря́шиша, вѣхудала, потóм вѣдобрела.* КРАСН. ВУ.

А подобрéйте – знáчит, што жывѣт деревня, фсѣ здорóвье уклáдывает, но жывѣт. Похудéйте – знáчит деревня софсѣм уш плóхо жывѣт, а подобрéйте – знáчит и хорошó. КАРГ. Ар. *Он подобрéу, хоро́ший ста́у, йему́ сѣмьсят трѣ в сеньтябрé.* КОН. Твр.

Срáзу-то не бóйся, не раздобрѣйоиш, дóлго добрѣть náдо. Они́ и жыву́т, дóма-то Сѣмой зову́т, тóжсо большóй, ядрéной, да похужэ-то, да Вáся-то как збѣтень, как кирнѣць роздобрéу. ВИЛ. Пвл.

А была́ хúdo мáленька, а потóм здобрéла (располнела). ПИН. Ёр. *А у нáс не вѣросла, ницѣ́, не здобрéла Тáня. Вѣра-то большá, толстá, а Тáня-то поштó-то мáти избѣдела.* ПИН. Нхч.

Глагол **вѣдобрéть** зафиксирован также в значении ‘выздороветь, набраться сил’: *Ста́ла пить (траву), вѣдобрела.* КОТЛ. Фдт.

Семантика глагола **дóбрить (добрѣть)** связана с проявлением заботы – ‘заботиться о чьем-н. пропитании, кормить кого-н.’: (Чтобы поправиться), *дóлго добрѣть náдо.* ВИЛ. Пвл. *Мáмы иу́ бóдут лáкомить, дóбрить.* ВЕЛЬ. Сдр. *Фсевó скоту́ náдо фсѣ кормѣть, дóбрить, фсѣх náдо кормѣть, хоть кóней пусти́ – фсѣх кормѣть.* ВИЛ. Пвл.

Забота о растениях выражается в их подкармливании, удобрении, что соответствует литературному глаголу **удобрить**:

Дóбрить, подóбрить – ‘подкармливать (подкормить) удобрением, удобрять (удобрить)’: *Зѣмлю дóбрили.* ВЕЛЬ. Лхд. *И моркóфь поддáбривала, фсѣ подóбрила. Ты дóбрила?* ВЕЛЬ. Сдр. *Жы́жу откѣнуть – корóвы стят, дак вот жы́жа. Зnáш, как хорошó поля́ добря́т.* ПИН. Ёр.

Мáленькийе грятки, да фсѣ подóбрили. КОН. Твр.;

Глаголы *сдобрить* и *здобрить* имеют общий семантический признак ‘исправить, улучшить состояние чего-н.’:

сдобрить – ‘добавив вкусные, качественные ингредиенты, улучшить вкус кушанья’: *Здобрите манонэзом, или как он правильно называётся?* МЕЗ. Ез. *Можете маслом хлебчик здобрить.* КАРГ. Ух. *Можно маслом или чем здобрить, и в печку посадят – будет картофельный колобок.* КРАСН. ВУ. *В плюшке начинки нет, но она здобрена маслом, песком.* ВИН. Кнц.

здобрить – ‘исправить, вылечить’: *Кость, где мне здобрили, я на ней и надеюсь больше. У меня одна кость рублена была.* ПРИМ. Ннк.

1г) Синонимия и омонимия наречий и частиц

Наречия с корнем *добр-* в говорах по большей части развивают общеоценочные значения:

-‘хорошо’

добро² – *Вы дак добро, што подрабатываете, деньги-то фсёгда гожы.* ВЕЛЬ. Пкш. *Как съездили фсё добро на похороны-то.* ВЕЛЬ. Блг. *Потом повийеть надо (зерно), йесли ветер, то добро. Раньше на улице хранили (дрова), а сейцяс в дровяник наложыш, так добро.* КОН. Клм. *Та очень добро, йесли што проломіў (поранил), рас Пётка на шизке што-то было, да помазаў, оно никогда не гниёт, она к вечеру ужэ стало потходяшишэ (нормально), оно не загниваэт, нешто.* ВЕЛЬ. Блг.

добрóm – *Йесли заберёт, йеште, добрóm покушайте. Насажэно бы кое-што такое, пока што ницё не растёт добрóm.* УСТЬ. Стр. *Мы не уцилизь добрóm, так нам хоть в стенку гороу говори.* НЯНД. Лм. *Он там жыў, пока робил, так онé вмiсте жыли, добрóm жыли. У меня мужык умер – рётко снілся. Присніца, а лица не высмотриш: фсё отворачиваица. Не высмотриш добрóm лицó.* УСТЬ. Стр.

добрé – *Посидите в тепле, так и добрé.* КОТЛ. Збл. *Вот сварила давеця, vzela да покрошыла крошонок, пойела добрé.* ВИЛ. Пвл.

- ‘очень хорошо’

добрёхонько – *Оні прóсто добрёхонько найедяца.* ВЕЛЬ. Сдр.

добрёшенько – *Гуси-то лучьшэ мне глянуца, чем куры, добрёшенько найедяца.* ВЕЛЬ. Сдр.

добрó-предобрó – *Цё хвáстать, што добрó-предобрó.* КОН. КЛМ.

- ‘хорошо, удачно’

по-дóбромy – *Я до лэсу-то пока́ дошла́, до сморóдины йéле тёпала, да упáла, как-то не по-дóбромy.* ХОЛМ. Сия.

Материальный компонент усиливается у наречий со значением ‘как следует, качественно’:

добрó² – *Оні в четы́ре утра́ на робóте, а к одінацати вéчера у ніх добрó фсё придéлано (сделано).* КОН. Твр.

добрóтно – *Добрóтно вы́шло у тебя́.* ЛЕН. Яр. *Шугáйчик – ёто форсісто, добрóтно, красіво.* УСТЬ. Бст.

Наречие **зáдобро** означает ‘в качестве богатого, красивого, праздничного’: *Ша́пки шы́ли и зáдобро носіть. Тужу́рки мужыка́м шы́ли, зáдобро и пиджакі́ шы́ли. Сошйу́т красік (сарафан) зáдобро дак из матéри, а та́к натку́т пёстро.* ЛЕШ. Кнс. *Ра́ньшэ одна́ лопоті́на (одежда) была́ и зáдобро, и зáхудо (носили и в праздники, и в будни).* ПИН. Ср.

Как уже упоминалось выше, в русских говорах³⁵ (особенно северных) достаточно распространены наречия **добрó²** и **дóбре (добрé)** со значением ‘хорошо’, которое развилось из общеоценочного смысла прилагательного **дóбрый**. Сравним в других говорах: *Ёто я по́мню добрó, а сва́дбу-то забы́ла. Ма́ть-то моя́ добрó шы́ла, всех на́ших де́вок наряжа́ла* [СВГ II: 30]; *Я пéла добрó, по конпа́ням поха́живала* [СНП I: 176]; *Как ветер попутной, дак добро работать* [Рус. Сев. III: 230]; *Дóбре игрушка сделана. Добрé бы так было* [ЯОСдоп I: 196].

³⁵ Подробнее об этих словах на всей территории распределения русского языка см. в [СРНГ 8: 75–76].

В следующих своих значениях наречия *добро́²*, *добре́* обозначают высокую степень проявления чего-либо:

‘очень’: *Она́ нога́ми крeпкá добро́*. ВИЛ. Пвл. *Кáк я, ба́ушка, не люблю́ во́ду носить – добре́ не люблю́, а без водо́и ни туды́ и ни сюды́*. ВИЛ. Пвл. *С нím-то было добро́ вéсело* [СВГ II: 31].

‘много’: *Йей то́жэ перeпáло добро́*. *На пупóк-то йей то́жэ достáлось* (много перенесла). *Ой сколь тя́жэстей перенесéно*. ВЕЛЬ. Пжм. *Ны́ньче добро́ комарóф-то* [СНП I: 176].

‘сильно’: *Добро́ шумит в голо́вe*. ВЕЛЬ. Лхд. *Он ee раз так избил, добро́ очень, то есть будь здоров* [СРГК I: 465].

‘совсем, совершенно’: *Крыли соломо́й крыши, и добро́ не капало* [Рус. Сев. III: 231].

‘точно, досконально’: *Пóсле я уш у нейó добро́-то не спроси́ла, кáк йон оцста́л*. *Я добро́-то уш не зная́*. КОН. Хмл.

Отметим также наличие в архангельских и вологодских говорах омонимов *добро́³* и *добре́³* – частиц, означающих согласие с говорящим, в которых произошла полная десемантизация добра: *Ну добро́, пойду́ там*. ШЕНК. ВП. *Ницегó, добро́, справлюсе*. ЛЕШ. Рдм. *Добре́, си́лиши-си́лиши, дак не заси́лиши, да́к уш бедá-то большáя*. ВИЛ. Пвл. *Ну добро́, добро́, и завтра сди́лаете* [СВГ II: 31]. В таких контекстах рассматриваемые слова синонимичны литературным частицам *да* и *ладно*.

2. Этическая семантика добра

В литературном языке мы видим постепенное вытеснение архаичного материального значения *добра* абстрактным, свойственным христианскому учению. В исследуемых говорах прослеживается та же динамика развития семантики от вещественного к этическому, при этом материальные значения не вытесняются, а морально-этические проявляются в более широких кругах дериватов.

2а) Человек *дóброй*

В зоне этической семантики прилагательное *дóброй* и его дериваты *добрéйшой*, *добрéнной*, *дóбренькой* (*добрéнькой*), *добрóтной*, *добрóшной*, *добрúщей*, *добрúщей* обозначают нравственные качества и свойства, получившие положительную оценку с точки зрения общепринятой нормы.

Дóброй в общеоценочном значении ‘хороший’ соотносится с комплексом качеств морально-этического характера. *Дóброй* человек – это совестливый, честный, порядочный, отзывчивый, никому не делающий зла.

Дóброй – ‘обладающий высокими духовными качествами’: *От дóброй жэны́ муш тóжо не уйдёт, как ни говори́.* ЛЕШ. Лбс. *Мужы́к-то дóброй, она́-то плох́а.* ЛЕШ. Кнс. *А она́ дóбра дэф́ка, поклáдистая.* В-Т. Тмш. Профессиональные качества человека тоже могут оцениваться с точки зрения морали: *Дóбрый охóтник не зайдёт на тот пúтик.* ЛЕШ. Цнг. *Дóбрый пóвар сто́ит дóктора.* МЕЗ. Цлг.

В речевом употреблении общая семантика *дóброго* конкретизируется, переходя в область частнооценочного значения ‘проявляющий отзывчивость, благожелательность, сердечность, доброту по отношению к людям’:

дóброй для / до кого-л. – *Ак вот он уш как máму меня́ держáл, шы́пко для меня́ уш дóброй был.* ВИЛ. Пвл. *Не́ было бы дóбрых, дак мно́го бы́ло бы мёртвых – йесь дóбры́е лю́ди.* КАРГ. Ух. *Они́ нерóдны мне, а как рóдны, дóбры они́ до меня́.* ПРИМ. Ннк. *Сын здурíл, жэни́лся на молодóй. А дэфчэ́нка у нейо́ была́ брóшэна в прию́те. Взя́л да вот тепе́рь та́к к ней прикипéл. Он óчень тако́й ласков́ый, дóбрый до дете́й.* ПРИМ. Лпш.

добрóтной – *Та́м добрóтны́е лю́ди йесь, ста́ренькийе, в Сэф́тре-то.* В-Т. Сфт.

добрóшной – *Э́кой мужы́к добрóшной, добрóшной мужы́к и послéдню руба́ху с себя́ oddás (отдаст).* ВИЛ. Пвл.

Оценочная семантика доброты усиливается в дериватах с общим компонентом ‘очень’:

добрéйшой – *Ба́пка у него́ добрéйша́ была́ стару́шка.* ОНЕЖ. ББ.

добрящей – Серёшка – он йнвалит, у нево́ одна нога́ покороче́ друго́й, а так до́брый па́рень, добряшишый. В-Т. УВ. *Таких-то бы молодок побольше́. Ну, Мари́я, кака́ ты добряця.* ЛЕШ. Кнс.

добрúщей – Она́ добру́шиша была́ до ребя́т, сколь добра́ была́. ВЕЛЬ. Пмж.

до́бренькой (добрéнькой) – А по голосо́у-то я не зна́ю што́, тако́й до́бренькой. ОНЕЖ. ББ. В фольклорных текстах: *Ка́шка сладéнька да ба́бушка добрéнька.* ВЕЛЬ. Сдр. *Ка́шка сладéнька, Ма́шка добрéнька.* ЛЕШ. Лбс.

Будь до́бренькой – вежливое обращение с просьбой: *Возьми́ заверни́, будь до́бренька, я мешэ́чек дам.* КАРГ. Лкшм.

До́брой – ‘исполненный доброты, благожелательности, сердечности’: *Валенти́н-то вам ничё́ до́брого не ска́жэ́т.* ВЕЛЬ. Пкш. Значение обычно реализуется в сочетаниях **до́брое сло́во, до́брое се́рдце, до́брые мы́сли**: *Му́ш-то путёвой? С рука́ми, с нога́ми да с до́брым се́рдцем на́до* (чтоб был). ВЕЛЬ. Пкш. *До́брым сло́вом не забыва́ют.* ВИЛ. Трп. В фольклорных текстах: *Цвётнойе пла́тьйо на плéци – до́брые мы́сли нафстрéцю* (поговорка). ПИН. Ёр. *Угла́ – угла́ми, двери – дверьми, ца́ри – ца́рями. Иду́ к вам с опаской, а вы ко мне с лаской. Иду́ до вас с перцем, а вы ко мне с до́брым се́рдцем. Аминь* (заговор, письм. источник). ПИН. Нхч. *Захо́дит и говорит, сва́т, не жэ́ни́х: «До́брым де́лом сва́том!»* (обрядовая формула). КРАСН. ВУ.

Доброе, сердечное отношение к собеседнику отражено в благопожеланиях **до́брого здоро́вья, на до́брого здоро́вья, на до́бро здоро́вье**: *Ну́ дак с проходя́щим (с прошедшим) днё́м рождéнья, до́брово здоро́вья.* КАРГ. Крч. *Пожа́луста, на до́брого ва́м здоро́вья. На до́бро здоро́вьио, у меня́ мно́го напе́ценó.* ВИЛ. Пвл.

Отметим десемантизацию обоих компонентов (добра и здоровья) в приветствии при встрече: *До́брово здоро́виця!* ВИЛ. Пвл. *До́брого здоро́вичька фсéм, дефчо́нки, до́брого здоро́вичька!* ЛЕШ. Вжг.

Благопожелания при прощании: *Ну́ ла́дно, до́брово пу́ти вам.* ПИН. Ёр. *До́брово пу́ти вам, добра́ да здоро́вья.* В-Т. Сфт. *Мно́го до́бренького́ фсего́!* (соотносится с лит. *всего́ добро́го*). ПИН. Врк.

Значение ‘достойный уважения, уважаемый, авторитетный’ связано с коллективной оценкой человека:

дóброй – в сочетании *дóбрые лю́ди: Ты не включя́й пока́ (диктофон), а то нагорожу́, бу́дут хохота́ть лю́ди дóбры.* ПИН. Ёр. *И фсе́ жэ погóда наладилась, сэна-то наста́вят дóбры лю́ди, дак и бу́дут жыть.* МЕЗ. Бч. *Уцїсь да быва́й – и какім большым целове́ком бу́деш (внуку). Хóть бы одін и вы́билсе в дóбры лю́ди.* ПИН. Нхч.

добрéнной – *Наця́льник над йїми добрéнной сто́ит.* ВЕЛЬ. Сдр. *И са́м тако́й робóтник добрéнной.* ВЕЛЬ. Пкш.

В народной речи слово *дóброй* может выступать в функции усиления при ироническом обозначении высокой степени проявления каких-нибудь отрицательных качеств, негативно оцениваемых социумом: *Он пья́ница, дóброй пья́ница, а тако́й ворі́на, дак о́й, никакі замкі́ йего́ не дéржат.* МЕЗ. Аз. *У телевизору́ просидя́т, дóбры лентя́йки.* ПИН. Нхч.

Субстантивы, служащие для номинации положительно оцениваемого субъекта, человека или животного:

добря́га – ‘кто-л. добрый, ласковый’: *Пёс был ры́жый, тако́й добря́га. Тако́й был добря́га. То́т на прівязи не́ был.* ПИН. Кшк.

добря́к – ‘кто-л., неспособный ответить на зло, беззащитный’: *Он ла́сковый тако́й, добря́к (пёс). Хозя́ин броса́ет йего́, во́т он выжыва́ет.* ШЕНК. Трн. *Йёво́ (кота) бя́ют коты́ у меня́, добря́к у меня́.* ПЛЕС. Фдв.

добру́ха – ‘порядочная, трудолюбивая женщина’. МЕЗ.

2б) Добро́ как нравственная норма

Семантика слова *добро́* и его словообразовательных синонимов *добринá / доброта́ / добрóтность / добры́дня* в зоне этики и морали соотносится с обозначением всего хорошего: мыслей, отношений, поступков, жизненных установок, соответствующих нравственным нормам носителей традиционной народной культуры.

Стремление делать добро предполагает свойственное человеку душевное расположение, доброжелательность, отзывчивость, беззлобность, обозначаемое в говорах рядом словообразовательных синонимов:

добро́ – *Бывало, в пост и дѣтям ма́лым молоко́ не дава́ли. Но это не вездѣ, это от добра́, от челове́чности зави́село.* ПИН. Врк. *Оди́н-то де́лат с добро́м, а друго́й-то вроди́ и хоро́ше зде́лат, а ду́мат, как бы назли́ть.* ПИН. Нхч. *Ка́к-то вот за зло отпла́чивал добро́м, оно́ и лу́чше: зло ни кипи́т на душе́.* КАРГ. Лкшм. *Она́ как вроди́ выпари́ват фсе́, она́ па́рит вот та́к рука́ми (массажирует), она́ ка́жну ко́сточку зна́ет в теле́, и она́ же́нишына с добро́м.* ПИН. Ср.

доброта́ – *А вну́ки у меня́ о́чень хоро́шые, да́же не поду́майеш, што мои́ вну́ки, таки́ хоро́шые, така́я доброта́.* УСТЬ. Снк.

добринá – *И хоро́шой фсем вы́шэл: красотой и добринóй.* В-Т. Грк.

‘Хорошие намерения, хорошее отношение к кому-либо’:

добро́ – *Приду́т со сватошы́ком, ста́нут при ма́тице, ска́жут, мы со добро́м пришли́, вот смотри́, вы́летят слова́.* МЕЗ. Сфн. *Не иши́ы в лю́дях добра́, в себе́ иши́ы, так фсегда́ бу́деш добѣ́р.* УСТЬ. Стр.

добрóтка – *Фся́кому добрóтка на́ть, ласкóтка.* ЛЕШ. Юр.

‘Хорошие поступки’:

добро́ – *Пусть сама́ роска́жэт, што она́ мне добра́ зде́лала.* НЯНД. Лм. В сочет. *на добро́ / к добру́ учи́ть (научи́ть, наста́вить и т. п.): Она́ фсе́ нас это́ на добро́ учи́ла.* ПИН. Яв. *Моя ма́мка – старове́рка, не нау́чит на добро́, дала́ ме́дную копе́йку – разменя́й на серебро́ (фольк.).* ШЕНК. Ктж. *Ба́бушка, ты меня́ фсе́ к добру́ учи́ла. Э́ти това́рищи на добро́ не наста́вят, то́ко вино́ пить.* ВИЛ. Пвл.

доброта́ – *Неужэ́ли доброты́ не зде́лать челове́ку?* ПИН. Трф. *У меня́, говори́т, доброты́ да де́фкам почѣ́ты.* ОНЕЖ. Трч.

добры́дня – *Злы́дни, как добры́дни захотѣ́лось* ПИН. Нхч. (противопоставляется злы́дне – ‘стремлению к злему поступку’).

Как **добротность** определяется трудолюбие, старание: *За свою-то добротность мучились: работали фсю жызнь, а их кулáчили.* ЛЕН. Рбв. Сопоставимо с литературным значением слова *добросовестность*.

Общеоценочное значение ‘все хорошее’ ярко проявляется в диалектных речевых формулах и благопожеланиях: *к добру ли к хúду (ли́ху), не перед добром, куда́ (куды́) с добром, добра́-здоровья* и др.

К добру ли к хúду – речевая формула, связанная с бытующей в говорах вере в существование домового: *Домовой вот давил меня – это стáра поговóрка. Дак вот лежы́иш, и он давит тебя́, и спроси́иш: «К добру ли к хúду?» И он ска́жэт, к добру́ или к хúду.* ПИН. Нхч. *Домове́юшко, бывáт, когда́ давит, нáть спроси́ть, к хúду или к добру́.* МЕЗ. Мсв. *Надо́ бы́ло спроси́ть, к хúду или к добру́, а я́ не могла́ ни руко́й ни ного́й двíнуть, надавил как гру́с како́й, и тепло́-тепло́. Говори́ли, домово́й давит.* ЛЕШ. Смл. *Мне сестра́ говори́т: «Ли́ска, мне сегóдня дéтко вы́давил».* Она́ спроси́ла у него́, к добру́ ли к ли́ху. Он отве́тил ей – к ли́ху. *Бы́к-от ей и розмя́л, вот к ли́ху и йесть.* ПИН. Ёр.

Не перед добром – ‘к каким-н. неприятностям’ (ср. в лит. языке *не к добру*): *Ба́нка нафотографи́ровалась не перед добром.* ПРИМ. Ннк. *Ты́ не перед добром* (много смеешься)! КАРГ. Ух. *Бу́тто бы́ не перед добром – коро́ва родила́. Двойники́.* ШЕНК. Ктж.

В значении ‘очень хороший’ в говорах используется словосочетание **куда́ (куды́) с добром**: *Не по мне́, отиы́ла, а э́тот мужы́к куда́ с добром бы́л.* ХОЛМ. Сия. *И ни́тки куда́ с добром, а по копе́йке уце́нено* (уцененный товар). МЕЗ. Бч. *Да он врёде был па́рень-то куда́ с добром, куда́ сверну́лся?* ПРИМ. Ннк. *Хозя́ин куды́ с добром, а хозяйка́-то не на схóт* (не уживается). УСТЬ. Стр.

Куда́ (куды́) с добром в функции предиката – ‘очень хорошо’: *Ра́ньшэ с мы́лом хúдо бы́ло, дак шчо́лок вари́ли из зольи́. Кофшо́м почерпну́т э́того шчо́локу и голову́ мы́ли э́тим шчо́локом. Го́лову вы́мойет – и куда́ с добром!* ПИН. Нхч. *Веть куды́ от (вот) с добром бы́ло* (когда внук не пил). ВИЛ. Пвл.

Добра́-здоровья – благопожелание в качестве благодарности за угощение: *Когда́ пироги́ на стол прино́сиш, они́ говори́т: «Добра́-здоровья пекари́хе», а я́*

йим: «Добра́-здоровья ва́м». Добра́-здоровья пекари́хе! – Добра́-здоровья фсем, кто йест да хва́лит. ШЕНК. Шгв. Конструкция также может не быть благопожеланием, а обозначать ‘все хорошее’: Добра́-здоровья друг дру́гу мо́лят. ВЕЛЬ. Пкш.

2в) Поведение до́брого человека

В разных жизненных ситуациях до́брый человек может до́бриться, задо́брить, роздо́бриться, сдо́бреть, сдо́бриться.

1) Доброта как внутреннее состояние субъекта – ‘проявить доброту, подобреть’:

сдо́бреть – Ба́бушка здо́брела и меня́ отпусти́ла купа́ца. ПИН. Нхч.

роздо́бриться – Ведро́ взять – роздо́брилась (дала ведро). ПРИМ. Лпш.
Раздо́брица – э́то се́рцэ отойде́т у нево́. ШЕНК. Трн.

сдо́бриться – А да́ле и оте́ц здо́брица (без его ведома женились), ма́ть-то бы́стро поми́рица. ПИН. Ср. Де́нек взять, ме́лочи, хле́ба взять. Петуха́ или котá на́до пе́рвым пусти́ть. Со́ль йеще́ взять. Хозя́ин тогда́ здо́брица. ПРИМ. Ннк.

В ироничных контекстах глагол *сдо́бриться* развивает значение ‘неожиданно совершить добрый поступок’, что напоминает слово *расщедриться* в литературном языке: *Вода́ фся была́ ми́нами заки́дана. Когда́ подре́жут ми́ну, дак она́ кве́рху фсплыва́ла. А те́х мин мы не зна́ли, да здо́брилась Кана́да, помогла́.* ВИН. Уй. *Сафо́ноф здо́брица и дро́ф привезе́т.* ШЕНК. ВЛ.

До́бриться – ‘ласкаться’: *До́брица-то коро́ва, ла́шшыца она́.* ПИН. Врк.
Они́ нача́ли ласка́ца да до́брица, кусо́чка хотя́т. МЕЗ. Бч.

2) Проявление доброты, направленной на объект:

До́бриться для кого-л. – ‘проявлять доброту, хорошее отношение к кому-н., заботу о ком-л.’: *Она́ не то́ што для Ко́ли, она́ для Ва́си-то до́брилась, она́ из-за Ва́си-то некла́ся.* ВИЛ. Пвл.; к кому-л. – ‘выражать свое доброе отношение, ласкаться’: *Он што́-то к вам до́брица.* МЕЗ. Дрг. *Она́ до́брица, пове́жливейе фсе́, а он не по́няў, оби́деўсе. Дак она́ до́брица ба́ба.* ВИЛ. Пвл. *Ра́ньшэ побира́хи ходи́ли, одни́ (хозяева) до́брыие, они́ до́брюца.* ВИЛ. Трп.

3) Стремление вызвать доброту:

Задобрять (задобрить) кого-л. – ‘делать (сделать) кого-л. добрым, расположить к себе’: *А в лесу лешый. В реки – чёртышко. В овине – овинница. А в бане – обдериха. Задобрить их приговорами можно.* ПИН. Ср. *Домового надо не приголубить, а задобрить, веть в каждом доме он должен водича.* УСТЬ. Снк. *Йесли посуда бьёца сама по себе, надо задобрять (домового), покупают новый веник и приносят: «Вот тебе новый веник, ты йего рви, трепи, што хош делай, а хозяйеф не трогай».* УСТЬ. Снк.

Человек ведет себя *добрóm, добрóтно, добрóточкой, подобру́, по-дóбрóму, сдобрá*, т. е. поступает в соответствии с общепринятой нормой, проявляя доброе, ласковое отношение к другому человеку или живому существу:

- ‘по-хорошему, как надо’

подобру́ (пóдобрóу) – *Правильно, фсё бы оди́н делал подобру́.* УСТЬ. Бст. *Йесли хозяин хороший, не бйóт, не учит зря, лошадь и служыт подобру́.* ПРИМ. Ннк. *Луцьце бы свойим отдала пóдобрóу. Она потихоньки копила.* ЛЕШ. Ол.

сдобрá – *Тóжэ вот это сечя́с-то не знаю, у нас дедушка Кузьма́ тóжэ... кто чяга, то уходи здобрá, йему́ не попадэ́ и мне́ не попадэ́, не надо ругáце.* ПИН. Яв.

- ‘по-доброму, с добротой’

добрóm – *И скотинина, йесли ты с ней добрóm опходишся, она понима́ет. Уж добрóm Настасья просила, остáтки – матюком.* ВЕЛЬ. Сдр.

добрóтно – *Они́ добрóтно щя́с отнёсяця (внучки к сыну).* УСТЬ. Сбр.

подобру́ – *Была́ бы какáя жэнына, и построжэ́, и подобру́.* ПРИМ. Ннк. *Ты йейó не наказывай, подобру́ (с ней).* ШЕНК. ВЛ.

- ‘ласково’

по-дóбрóму – *Фсяко назывáла – по-дóбрóму и по-худóму.* ХОЛМ. БН. *Палтусёнок (прозвище) – по-дóбрóму, фами́лия Пáлтусоф.* ВИН. Уй.

добрóточкой – *Опходíлась ко мнѣ ласкóтоцькой, обрацáлась ко мне добрóтоцькой.* (фольк.) ЛЕШ. Вжг.

В. Композиты³⁶ с корнем *добр-*

Корень *добр-* является первой частью у группы сложных слов, представленных на схеме 2.

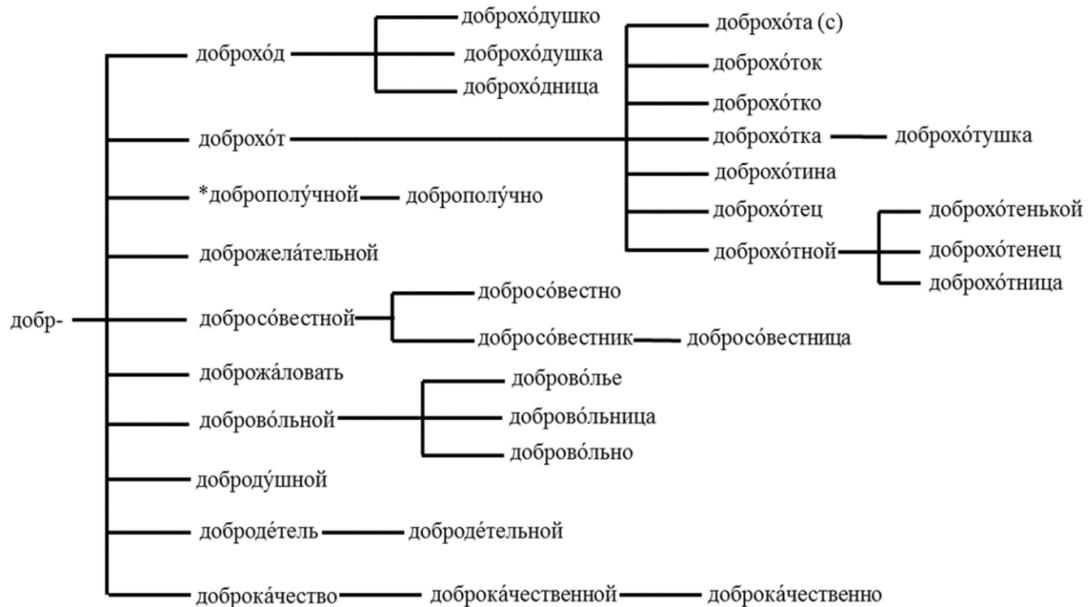

Схема 2. Композиты с корнем *добр-* в архангельских говорах.

Анализ данной группы выявил семантический параллелизм слов *добрó* и его композитов. В первую очередь, это усиление материального компонента в семантике (*добрó* в одном из значений – ‘имущество, богатство’). Так, например, прилагательное *добрóдетельной* не является характеристикой с точки зрения морали, а обозначает человека, хорошо ведущего хозяйство: *Мы́ дóброво рóда, отѣць у нас добродетельной.* КРАСН. ВУ. *Дѣюшка был Ивáн, дѣдина – добродетельна старушка, дóбро жы́ли.* ЛЕШ. Шгм.

Расширенная семантика *добрá* (в другом значении – ‘все хорошее’) проявляется в ласковых обращениях к положительно оцениваемому человеку или животному:

³⁶ «Композит – то же, что сложное слово» [Немченко 1984: 56].

доброхóтенец – *Дружóк мой, доброхóтенец*. НЯНД. Врл.

доброхóток (доброхóтко) – *Вóт сынóчки-доброхóтки*. НЯНД. Врл.
Доброхóток, я, говорít, вам ноцьлэк, так вы вот в любу кóмнату. ОНЕЖ. Кнд.

доброхóтка – *Óй ты, доброхóтка*. ПЛЕС. Прш. *Óй ты, доброхóтка, сóбинка, сугрэвушка тёплая*. КОН. Клм.

доброхóтушка (ласк. к *доброхóтка*) – *Она́ говорíла: и сугрэвушка, и доброхóтушка, и убáжэнка*. КОН. Клм.

доброхóтина – ласк. обращение к животному. НЯНД. Врл.

Понятия добра и блага не всегда различаются диалектоносителями, о чем говорит наличие синонимов *доброполучно* – *благополучно* и др. В экспрессивных контекстах развиваются значения, противоположные первичным (*добро* ‘что-н. ненужное’, *добродéтель* ‘кто-н., сделавший другому плохое’ – *Двухйетáжной был дом. Добродéтель нашóлся, сожóк*. КРАСН. ВУ.).

С позиций традиционной народной культуры наибольший интерес представляют слова *доброхóд / доброхóт* и их производные. Остановимся на их рассмотрении подробнее.

Общеславянские номинации важных для народного мироустройства фантастических существ – домовых – заключают в своей внутренней форме связь с добром, противопоставленным злу (*доброжил, доброхот*) [СДЭС II: 99].

Носители архангельских говоров именовали домового *доброхóдом* (вероятное прочтение внутренней формы – ‘тот, кто приходит с добром’) или *доброхóтом* (‘тот, кто хочет человеку добра’): *Доброхóт во дворé жывёт, в хлёве*. ШЕНК. Трн. К нему уважительно обращались как к хозяину дома: *Хозяюшко-доброхóт, полюбí скотíну*. ОНЕЖ. УК. Домового старались задобрить, используя ласковые номинации: *В кáжном дому́ доброхóдушка йесь. А как из дóма в дом перебира́юшся – свойевó доброхóтушко привáдиш*. ШЕНК. Трн.

И.Б. Качинская отмечает, что по отношению к мифологическим хозяевам дома нередко использовались термины кровного родства, противопоставленные по гендерному признаку: *В кáжном дому́ хозя́ин йесть, доброхóд-ба́тюшко и доброхóдица-ма́тушка*. ШЕНК. Трн. [Качинская 2018: 31]. Эти номинации

территориально ограничены и образуют два ареала в западной (Онежский р-н) и центральной (Шенкурский р-н) частях архангельского региона.

В современных русских говорах с постепенным отходом от мифологических представлений о мире эта номинация не исчезает и используется по отношению к реальным людям. *Доброхóт* – ‘хороший человек’: *Како́й доброхóт, што мешóк карто́шки дал.* КАРГ. Ош. *Доброхóт – это вот захóдит целовéк, муци́на конéшно, так йему́: «Ну, доброхóт, проходи́», – это хоро́ший целовéк, кто захóдит в дом.* КОН. КЛМ.

В архангельских говорах *доброхóтом* могут ласково назвать любое живое существо: *Доброхóт – собáка, ко́шка, борáн, мужы́к, а жéнщина – доброхóтница.* КАРГ. Лкш. *Сыно́к-от* (щенок), *доброхóт, пришióл.* НЯНД. Врл. В ироничном, негативном значении связь с представлениями о нравственности сохраняется – *доброхóдами* часто называют любовников, «незаконных гостей» хозяек дома: *Муш не му́ш, доброхóт то́жэ был, да бро́сил.* ОНЕЖ. Пдп. Энантисемия фиксируется и в других говорах. Ср. бранное – ‘черт, дьявол’: *А кто с ним сживетя, с доброхотом?! Калуж. Доброхот тебя возьми!* Орл. [СРНГ 8: 79].

Таблица 11. Семантическое пространство ДОБРА в архангельских говорах.

общеоценочный компонент	этический компонент	материальный компонент	физический компонент	энантисемия	десемантизация
‘все хорошее’	‘доброе отношению к другому’	‘ценность’	‘полнота, здоровье’		
<i>добрó</i> – ‘нечто хорошее’ <i>дóброй</i> – ‘хороший’ <i>задóбрить</i> – ‘исправить, улучшить’ <i>добрёшенько</i> – ‘очень хорошо’ <i>доброхóтница</i> – ‘хорошая женщина’	<i>добрó</i> – ‘доброжелательность’ <i>добрéнной</i> – ‘отзывчивый, добрый’ <i>дóбриться</i> – ‘проявлять доброту’ <i>добрóточкой</i> (н) – ‘добром, ласково’	<i>добрó</i> – ‘наследство’ <i>дóбренькое</i> (с) – ‘имущество’	<i>дóброй</i> – ‘здоровый’ <i>добрúщей</i> – ‘здоровый, крепкий’ <i>роздобрéть</i> – ‘располнеть, набрать вес’	<i>добрó</i> – ‘нечто ненужное, бесполезное’ <i>доброхóтец</i> – ‘кто-н., совершивший нечто плохое’	<i>добрó</i> ³ – ‘да, ладно’ <i>добрóвóльно</i> – ‘свободно, естественным путем’ (<i>Добрóвóльно тра́вы расту́т от дождей.</i> ШЕНК. УП.)

Лексико-семантический анализ слов с корнем *добр-* позволил нам выявить некоторые параллели развития значений внутри семантического пространства ДОБРА (см. табл. 11).

Прослеживается параллелизм значений существительного *добро́* и прилагательного *до́брой* (см. табл. 12); обе лексемы имеют стилистически окрашенные, антонимичные первичным значения, т. е. обнаруживают энантиосемию. При параллелизме значений существенны их различия функционального плана: в семантической структуре существительного первичное (по Е. Куриловичу) значение – ‘имущество’, в семантической структуре прилагательного – значение ‘хороший’ (в таблице выделены полужирным).

Таблица 12. Семантика слов *добро́* и *до́брой* в архангельских говорах.

<i>До́брой</i>	<i>Добро́</i>
‘хороший, обладающий положительными качествами’ <i>се́но до́брое, пе́сня до́брая</i>	‘нечто положительное, хорошее, полезное’ <i>к до́бру ли к худу э́то?</i>
‘знатный, богатый’ → ‘уважаемый, авторитетный’ <i>послу́шаем, что до́брые лю́ди ска́жут</i>	‘имущество, богатство, ценные вещи’ <i>до́бро в сундука́х храни́ли</i>
‘полный, крепкий’ <i>до́брая де́вка</i>	‘вкусные продукты, улучшающие качества сдобной выпечки’ <i>до́бро кла́ли в ша́нежки</i>
‘отзывчивый, беззлобный’ <i>до́брое се́рдце</i>	‘отзывчивость, беззлобность’ <i>он с до́бром пришёл, зла не желáл</i>
<i>иронич.</i> ‘крайний в своем проявлении, плохой’ <i>до́брой пья́ница</i>	<i>иронич.</i> ‘что-то, не представляющее ценности’ <i>э́то до́бро вы́кинуть на́до</i>
	<i>эвф.</i> ‘половой орган’ <i>не отморóзь своё до́бро</i>

По мнению Е.В. Колесниковой, атрибутив *до́брой* в архангельских говорах «реализует положительную оценку самых разнообразных явлений действительности, фактически заменяя универсальное определение *хороший*» [Колесникова 2012: 118]. Опираясь на работы С.П. Обнорского и В.В. Колесова,

Е.В. Колесникова объясняет это тем, что прилагательное *хороший* изначально было чуждо живой великорусской речи и только впоследствии заимствовалось говорами из литературного языка. На наш взгляд, не вполне корректно говорить о слове *дóброй* как о замене литературного *хороший*. На самом деле речь идет о семантике слова, исконного для говоров, которое в одном из своих значений синонимично литературному прилагательному *хороший*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в диалектном языке сохраняются тесная связь слова с его этимологом (*дóброй* = ‘годный, качественный’) и архаичные пласты семантики (*добрó* = ‘имущество, богатство’). В то же время для носителей диалекта важны представления о добре как о полюсе нравственности – в противопоставление злу: *Бéлый свёт не без дóбрых людéй*. ПИН. Нхч. *Свекрóва фсё учíла: «Молóтка-молóтка, вы против злá здéлайте добрó», – вот это свекрóвины слова*. МЕЗ. Аз.

4.2. ЗЛО

Что бы делало твое добро,
если бы не существовало зла?
(М.А. Булгаков)

А. Историко-лингвистический комментарий

А.П. Скрипник в книге «Моральное зло в истории этики и культуры» дает описание представлений о зле, сформировавшихся в философии за всю историю человечества. Ученый отмечает, что с III века, когда Плотин написал книгу I, 8 «Эннеад» под названием «О сущности и происхождении зла», философия «не знала недостатка в трактатах на эту тему» и только за XIX и XX века вышло несколько десятков работ со словом *зло* в заглавии [Скрипник 1992: 3].

При этом практически не обнаруживаются лингвистические работы, посвященные исключительно *злу*. Как правило, научные изыскания в этой области строятся на тесной связи данного слова с *добром*. См., например: [Колесов 2004], [Вендина 2020], [Жданова 2004], [Егорова 2005], [Богданова 2012] и мн. др. Это, на наш взгляд, еще раз доказывает³⁷, что добро и зло существуют в русской ЯКМ именно как неделимая бинарная оппозиция, между полюсами которой располагаются представления носителей русского языка о морали и аморальности. «Микрополе ‘добро / зло’ можно назвать определяющим для всего семантического поля этической оценки» [Жданова 2004: 78] говорящих на русском языке.

Общерусское слово *злой* имеет индоевропейский корень *g'hul-, обозначающий ‘изгибаться, кривиться, изворачиваться’ [Черных I: 326], т. е. исконно обладает метафорической внутренней формой, которая постепенно из описания пространственного перемещения трансформируется в характеристику нравственного поведения человека: ‘изгибаться’ → ‘изворачиваться’, ‘кривиться’ → ‘кривить душой’. Представлено во всех славянских языках: укр. *злий*, чеш. *zlý*,

³⁷ По данным «Русского ассоциативного словаря» [РАС 2002: URL], среди реакций на стимул *зло* первое место занимает слово *добро* (12 из 67 уникальных ответов).

болг. *зъл* и др. [Фасмер II: 99]. В.В. Колесов пишет, что «в родственных индоевропейских языках корень, который связан у нас с обозначением зла, может значить всякое: наглый, грубый, несправедливый, кривой, плохой, жестокий, лживый, просто бесчеловечный... Именно поэтому ни одно из значений не может быть изначальным, и следует предполагать, что слово *зъло* в исходном своем... смысле обозначало всю множественность отрицательного мира в случае, когда требовалось этот мир назвать» [Колесов 2004: URL]. В древнерусском языке слово *зълъ* отмечается начиная с XI века [Жданова 2004: 87]. Уже тогда оно обнаруживало полисемию (см. 8 значений в [Сл. РЯ XI–XVII вв., 6: 23–24]) при преобладании первичного значения ‘плохой, дурной’.

В толковом словаре современного русского языка исходное, идущее от этимона значение уже вытеснено вторичными ‘исполненный злости’, ‘выражающий злобу’, ‘закрывающий в себе зло’ (в [МАС I: 613] семема ‘дурной, плохой’ отмечена только у пятого по счету значения). Очевидно, что, как и у слова *добрый*, семантика прилагательного *злой* трансформировалась с принятием христианского вероучения. Негативная оценка с общеоценочным компонентом (плохое по качеству) сместилась в сторону плохого с точки зрения морали. В диалектном языке этическое понимание зла, безусловно, представлено, хоть и не фиксируется диалектными словарями, поскольку является общерусским. При этом архаичный компонент семантики позволяет диалектному прилагательному *злой* расширять свое значение до общеоценочного ‘все плохое, недолжное’³⁸.

Е.В. Колесникова рассматривает прилагательные *добрый* и *злой* в русских говорах [Колесникова 2012], привлекая в том числе материалы выпусков «Архангельского областного словаря». Она отмечает, что «лексема *злой* в говоре обладает не столь разветвленной семантической структурой», как *дóброй* [Колесникова 2012: 118]. На наш взгляд, это связано с тем, что в архангельских говорах все доброе и хорошее обозначается словом *дóброй*, тогда как семантическую зону обозначения злого, плохого покрывают три слова (*злой* – *худóй* – *лихóй*), а не одно. Е.В. Колесникова также отмечает синонимию

³⁸ Подробнее об этом см. в пункте Б настоящего параграфа.

прилагательных *злой* и *дьявольской* в архангельских говорах [Колесникова 2012: 119].

Б. ЗЛО по данным архангельских говоров

Понятие зла представлено в говорах рядом однокоренных слов с корнем *зл-*. Это имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия. Кроме того, корень *зл-* является первой частью у группы композитов с разнообразной внутренней формой (см. Приложение б).

По сравнению с ДОБРОМ, в семантическом пространстве ЗЛА обнаруживаются более сложные синонимические отношения, что будет показано ниже в пунктах а) – в). Материал систематизирован в зависимости от частиречной принадлежности слов и их семантического наполнения.

а) Человек злой

В зоне этической семантики прилагательное *злой* и его дериваты *злѳбной*, *злѳбенной*, *злѳблѳвой*, *злѳской*, *злѳденной*, *злѳдѳной*, *злѳщей* (*злѳчей*), *злѳщей* (*злѳщѳй*), *злѳбоѳдной*, *злѳврѳдной*, *злѳбѳчей*, *злѳсчѳстной*, *злѳумѳшленной*, *злѳядной* обозначают нравственные качества и свойства человека, получившие негативную оценку с точки зрения общепринятой нормы.

Такой человек определяется как

- ‘исполненный враждебности, недоброжелательства’:

злой – *В Тѳпсе-то мѳло людѳй злых, фсѳ хорѳшыйе бѳли*. ВИН. Тпс. *Кудѳ Лѳзу поневолили за злѳво разбѳйника?!* ЛЕШ. Кб. *Фсе фотокѳрточкѳ перервалѳ – такѳя злѳя былѳ*. ВИН. Слщ. *Сломѳли стол, злы бѳли*. ВИН. Слщ. *Ѵта кѳска злѳшша, щѳс я йей рѳбѳнку дам. Зла навѳрно, што я с мѳличька йей котѳят топлѳ*. ХОЛМ. БН.

злѳбной – *Он был такѳй злѳбной, мужѳк-от*. КАРГ. Нкл.

злѳбенной – *Щѳс нарѳт какѳй-то злѳбенный*. УСТЬ. Брз.

злоблiвой – Он запрешшл людям потходить к этому Скрипуну. Когда потходили люди злоблiвийе, он их не пускл. А с хоршыми Скрипун молчл. УСТЬ. Стр.

зльденной – Йесли человека зльденново фстретиш, щас от скажы, да отплывивай. УСТЬ. Брз.

злющей (злючей) – Злюшша, злюшша, злючя, сколько мне назлила, бедл! ПИН. Влт. Сосетка напротив такл злючя, мы с йей не в лады. МЕЗ. Бч.

злящей – Светка-то зляшша, она не мжэт так мимо пройти, йему ишэлбаны дайот (брату). ПИН. Ёр.

злоумышленной – Злоумышленной – нехоршой, недброй, плохой. В-Т. Врш. Ну он писатель был дак незлоумышленной. ПИН. Ёр.

- ‘проявляющий враждебность, недоброжелательность’:

злой – Когда злл бвлл, семерых убвлл. ВИЛ. Трп. При Мишэ-то не смёл (петь непристойные частушки), он злой бдет. ПИН. Ёр.

- ‘несдержанный, вспыльчивый, грубый’:

злой – У меня брат злой, матюг загнет. ЛЕН. Тхт. Люди счлс злье стл. ВИН. ВВ. Он стал злой, бить стал, с кем жывет. В-Т. ЧР.

злящей в сочетании злящей на язык – Млша Карлкина-то речлста, да тллько на йезык болно зляшча. ПИН. Врк.

- ‘непослушный, озорной’:

злой – А Слшка-то злой (озорной), убежал, а надо молоко пить. ЛЕШ. Кб. Которые злье, так надо учить. Не станете шалить-то (о детях). В-Т. Тмш. Не знай, злой (озорной) ли, не злой, дома смлреной. ВИН. Слц.

Злое коренье – обращение к непослушному ребенку: Злойе коренье! Такой злой у мамы выпотакан (избалован). ОНЕЖ. Трч.

злющей – Дети бвлли злюшшы, худо ходили одеты. ЛЕШ. Кнс.

злящей (злящей) – Зляшчой детеш, он злой, потому что не слшат, в избу не заходит, се на улцы. ЛЕШ. Блц. Другийе-то уй зляшшыие, а эти ничегл не злят, смлренье. ШЕНК. ЯГ. Эта сама мала в семье, сама зляшша. ЛЕШ. Кнс.

- ‘имеющий плохой характер, своенравный, вредный, упрямый’:

злой – Ты злая свекрова или не злая? – Я? Злая. КАРГ. ХТН. И парень-то злой и вольной, не заслушает никого. В-Т. Тмш. Упрямый человек – злой, говорят. В-Т. Тмш. Он веть злой, дажэ чай согрить (чаю не предложит). ВЕЛЬ. Сдр. Упрямый человек – злой, говорят. В-Т. Тмш.

злоской – Он злоской такой, вредной. ПИН. Штг.

злючей (злючей) – Йесли сам злючя, то и домовой злой. ВЕЛЬ. Сдр. Парень был у йей такой злючий, дак она сказала: «Да несí тебя лешый!» ОНЕЖ. АБ. Злючья, как комар, прилетела (о бабушке подруги). ПРИМ. Лпш. Свекрофка злючиша, морда лошадина така йешо. МЕЗ. Бч.

зловредной – Зловредна ты, когды посылала, ни за што не пойдёшь. ХОЛМ. Сия. Один рас матери послала в бутылке (масло), так он в воду выбросил, зловредный такой. У меня характер ко фсем потходит, я не зловредна. ПИН. Нхч.

злобучей – Я рагозлива, так уш я ничего не говорю, я рагозлива. (Что такое «рагозлива»?) Зловредна, злобучья – это фсе одно и то жо. ПИН. Квр.

Зол как козёл – так скажут об упрямом человеке: Вот до чего зол, зол как козёл. МЕЗ. Пгр. В этом же значении по отношению к человеку используется выражение *злой баран*, зафиксированное в ЛЕШ. Плщ.

Качества и свойства злого человека в говорах могут переноситься

- на упрямых или вредных животных: *Зляця скотина* (коза). ПИН. Нхч. Она фсе сено витаскайет себе под ноги, коза привередлива, скотина-то зляця. ЛЕШ. Блщ. Кура живая, зловредная. ВИН. УВ. Коль они зловредны, крысишиша. ПИН. Клг.;

- на больно кусающихся, причиняющих боль насекомых: *А имели-то в нежилых помещениях я видал, так они злые. Фсе нападают. У них меду-то нету.* ВИН. Брк. *Йети фсе малыньки, слепышами зовут, он тожо злые* (слепни). КАРГ. Лкшм. *Я их хлорофосом, они (клопы) того злые.* ОНЕЖ. Врз. *Мошка маленькая, та фсех злее и йедовитейе.* УСТЬ. Стр. *Она (мошка) такая злоядна, дак она, а чешэца-то после йей.* ПРИМ. Ннк. *Муха не такая злобойедная, как гнус.* ВИН. Кнц.;

- на явления природы, доставляющие человеку неудобство или опасные для него: *Запад* (ветер) – *самый злой*. ЛЕШ. Ол. *Полуночник-трёхчасовей – это сех зле, зле Севера*. ЛЕШ. Смл. *Тут такой камень злой, как поворачивать, она запнулась*. ВЕЛЬ. Пжм.

- на ядовитые растения или грибы: *У нас на одном остожье хороша трава росла, а на другом – волчяк, дак плохо – коротенькой, а сам злой*. ОНЕЖ. Прн. *Да, поганка ядовитая, злая, нельзя*. ШЕНК. УП.

и даже на неприятные, трудные периоды времени: *Кто рано става, тот злы дни застава – кто не хочет робить, тот так и сказал*. ПИН. Шрд. *Потом веть как-то угонили их, злы дни наступы, топили солому*. МЕЗ. Длг. *Высоко – год злой для Севера*. УСТЬ. Снк. *Злощясный празник, недобрый – нельзя в него робить*. ПИН. Нхч.

Семантика несчастья и несчастливой судьбы также присуща исследуемому семантическому пространству ЗЛА:

‘обделенный счастьем, несчастный человек’:

злыденной – *Нещасливой* – *дак говорят, злыденной целовек*. ЛЕШ. Кб. *Да што ж, у нейо фсе йесь, не пуста пословица: злыденной помирайт, а шиясливой подбират*. МЕЗ. Аз.

злыдяной – *Злыдяна дефка, без отца, без матери человек*. МЕЗ. Кмж.

злосчастной – *Наэрно, я така злосчасна родилась*. УСТЬ. Снк. *Один без матери, другой без отца – таки йети люди злосчасны*. ПИН. Штг. *А я думаю, я злощясная (нет друзей)*. ВИЛ. Трп.

Злыденная судьба – судьба обделенного счастьем, несчастного человека: *От така злыдена судьба, а в люди-то ни за чем не ходила. Тяжолá жысь, в йиной раз раздумайсе, ак лучче бы и не фспоминать. Шо зделат. Така уш злыденна моя судьба*. МЕЗ. Бч.

Важными для традиционной народной культуры являются значения, отражающие представления о несчастьях, связанных с колдовством и нечистой силой. И.Б. Качинская отмечает, что «злые люди (‘недоброжелательные’ – Прим. авт.) оказываются близки колдунам и мифологическим персонажам заговоров»

[Качинская 2018: 44], в том числе своими атрибутами (например, долговолосостью): *Злы́е долговоло́сые тётки шоп не призо́рили – я́ как-то ба́ню топи́ла, мне одна́ тётка опризо́рила* (навела порчу). ЛЕШ. Брз.

Колдуны – *зна́ющие* люди, они знают магические средства и ритуальные формулы, причиняющие вред, – *зна́ют на зло́*: *Ико́тник – т́ипа колдуно́ф. Одни́ на до́бройе де́ло, други́ на зло́ зна́ют. Заколду́ют, ико́тки наші́пчют, закро́ют коро́ву. ПИН. Нхч.; используют эти знания – на зло́ (на́ зло) де́лают / сде́лают: Чёрны́е и бе́лые колдуны, одни́ де́лают на зло́, други́е на до́бро. В-Т. Сфт. Тепе́рь э́ти ма́ги да йе́сь, да э́ти кні́ги дак, йешио́ шальне́йе ста́ли на́ зло де́лать ВЕЛЬ. Блг.*

Люди *зна́ющие*, обладающие способностью причинять вред другим при помощи колдовских формул или ритуалов, именуется *злы́ми*: *Была́ злая́ стару́ха, она́ фсе́ па́костила* (колдунья). КРАСН. ВУ. *Бы́ли злы́е лю́ди, у меня́ коро́ву закры́ли* (сглазили). ХОЛМ. Сия. У таких людей *злой гла́з*, т. е. они могут сглазить человека, нанести ему порчу – умеют *зло, злость де́лать*: *Поберега́йся, мо́жет злой гла́с, грудни́ца бу́дет. ЛЕШ. Вжг. Да их* (колдунов) *окно́м выно́сили, кото́ры зло де́лали. В-Т. Сфт. Дак йе́ть, вот э́то злось де́лают, уме́ют злось де́лать: вот шчо коро́ву закрыва́ют – э́то веть то́жо злось, э́то фсе́ злось. ВИН. Мрж.*

Интересно, что в диалектной сочетаемости *до́брые лю́ди – злы́е лю́ди* проявляется параллелизм семантического развития обоих прилагательных от этимона: *до́брые* – ‘высококачественные’ → ‘знатные, богатые’ → ‘уважаемые люди’; *злы́е* – ‘изворотливые’ → ‘связанные с нечистой силой’ → ‘колдуны’. Люди, обладающие колдовскими способностями, также называются *недо́брыми*: *Йе́сть фся́ки о́бережы* (обереги). *О́береш почита́ют, ико́тничкоф-то ско́лько развело́ся, недо́бры лю́ди. У меня́ безу́шка* (игла без ушка) *фколо́цена, для э́тих недо́брых люде́й. Ты заколоті́ безу́шку, не зна́й, каки́ чяроде́и тут приверну́ца. ПИН. Нхч.*

Еще одна параллель с прилагательным *до́брой* – наличие энантиосемии. В изучаемых говорах развивается антонимичное значение *злой* – ‘упорный’,

выражающее не отрицательную, а положительную оценку: *Этот уж зло́й охóтник – от його́ звить никуда́ не уйдёт*. УСТЬ. Снк. *Йесть лю́ди злы́е, бисстра́шныие* (ни перед чем не остановятся). КАРГ. Влс. Синоним – *зля́щей: Он зля́шчой бы́л* (жених был настойчивый), *а я бестолко́ва* (вышла замуж не подумав). ПИН. Нхч.

Т.И. Вендина отмечает, что *зло* в диалектном языке может быть как квантором ('много', 'мало'), так и интенсификатором ('очень', 'сильно')³⁹ [Вендина 2020: 361].

Исследование показало, что в каждом значении полисеманту *злой* синонимичны производные от него прилагательные (см. табл. 13). Это говорит о параллелизме развития диалектной семантики.

Таблица 13. *Злой* и производные от него прилагательные в архангельских говорах.

<i>злой</i>					
'исполненный враждебности'	'имеющий плохой характер'	'непослушный, озорной'	'полный негативного чувства'	'причиняющий боль'	'упорный'
<i>злóбной, злóбенной, злóбливой, злóщей (злóчей), злы́денной, зля́щей, злоумы́шленной</i>	<i>злóской, злóчей (злóщей), зля́щей, зловре́дной, злоебу́чей</i>	<i>злóщей, зля́щей</i>	<i>злóбной, злóбенной, зля́щей</i>	<i>злой́дной, злобое́дной</i>	<i>зля́щей</i>

Номинации человека, характер и поведение которого негативно оцениваются обществом, – словообразовательные синонимы, обладающие экспрессивной окрашенностью: *злец, злѣха, злóбень, злоди́на, злыдарѣк, злыда́рник, злыда́рь, злыде́нь, злыдени́ца, злыди́на, злыди́ница, злыди́ня, злыдю́ха, злю́ка, злю́ха, злю́чка, зля́ка*. Для образования данной группы номинаций используются разнообразные аффиксы, различающие родовые пары (*злыде́нь – злыди́ня*) или создающие слова общего рода (*злоди́на, злыдю́ха, злю́ха, злю́ка* и др.). Экспрессивные номинации *злыдю́ха* и *злю́ха*, а также *злоди́на* и *злыди́на* образованы по продуктивным в говорах моделям (ср. с диал. *позору́ха, срамíна*).

³⁹ Заметим, что функции квантора и интенсификатора отмечены нами в изучаемых говорах и у слова *добро*² (см. п. 4.1).

Это полисеманты, значения которых определяются семантикой производящего слова *злой*:

- ‘недоброжелательный, желающий людям зла человек’:

злец – *Он злец хорóшой, злой человек.* ПИН. Ёр. *Вот злец какой!* ПРИМ. 33.

злю́ха – *Ракел (героиня телесериала) – такая злю́ха.* ПРИМ. Ннк. *Така́ злю́ха то́жэ была́ на веку́.* ОНЕЖ. УК. *Стару́хи до чего́ докурба́тошуца. О́ни таки́е злю́хи.* КАРГ. Ош. *Тебе́ Олю́ха килы́ насади́ла, пропа́шшы шы́пко, а как по жы́лам насады́т – здо́хнуть мо́жэши: я у не́й козлу́х гоня́ла, така́ злю́ха она́.* КРАСН. ВУ. *Я и звала́ фьсе́ йейо́ «злю́ха», вре́дная дак, зля́я.* ВЕЛЬ. Блг. *Какая́ злю́ха, кака́я зля́я, йесли́ чевó так вот гро́мко зарозговáривали дак.* КАРГ. Лкшм.

- ‘человек, испытывающий чувство гнева, досады’:

злю́ка – *Злю́ка такая́! Какой́ злю́ка, глаза́ каки́е злю́шшы́е.* ВИЛ. Трп.

зля́ка – *О, зло́й, зля́ка (внуку).* ЛЕШ. Смл.

/ О животном: **зло́бень** – *Ты, зло́бень, стова́й дава́й, принесу́ молока́ веть тебе́!* (коту) ШЕНК. ВЛ.

- ‘человек, совершающий негативно оцениваемые в коллективе поступки’:

злец – *Вот злец какой!* Пришо́л де́нек проси́ть. ПИН. Штг.

злы́дня (злы́деня) – *Ой, злы́дня-то такая́, злой целове́к.* УСТЬ. Снк. *А дру́гу неvéсту-то взяли́ – вверх дно́м поверну́ла, во́т веть кака́ злы́деня.* МЕЗ. Дрг.

/ О животном: **злы́дня** – *Пойежжа́й в Москву́, там хо́ть машы́ной замну́т, злы́дню таку́ (кошке).* ВИН. Тпс.

злы́дю́ха – *Иди́ ко мне, злы́дю́ха.* В-Т. ЧР.

злы́даре́к, злы́да́рник – *Страмни́к такой!* Злы́даре́к, злы́да́рник йеши́о ска́жут. НЯНД. Стп.

/ О животном: **злѐха** – *Жыво́т вѐсне (висит), ско́ро принесѐ́ (кошка). Така́ злѐха. Злѐха та́ шиэ́.* ПИН. Ёр. *Вот щя́с подлы́зываете́ца, а чю́ть маленько отпусти́ – и удере́т. Вот и злѐха. Она́ сама́ фсе́ зло смека́йе.* ПИН. Ёр.

- ‘непослушный, склонный к озорству, шалостям человек’:

злость – Да така́я злос́ь! Зла́я де́фка-то, непослу́шная. ВИН. Брк. Ой, какáя злос́ь, ой, какáя злос́ь, я тебе́ щяс, ну я тебе́ си́щяс устро́ю. ВИЛ. Пвл. Они́ то́жо таки́ злос́ти. ПИН. Ёр.

злоди́на – Ты́, злоди́на, и э́то пи́шэш? КОН. Влц.

злю́ка – Вот злю́ки-те де́тоцьки. ЛЕШ. Ол.

злю́чка – Злю́чка какá, я говорю́, бессос́весной ты. ЛЕШ. Вжг. Тебе́ злю́чка, а мне́ фсе́ хоро́шо де́лала. ПИН. Штг.

/ О животном: *злю́чка* – Ра́душко-то, красáвец (о собаке), с Солофко́ф привезён. А то́т злю́чка ру́ку прокуси́л. КАРГ. Ар.

злы́дарь – Телёш у меня́ тако́й злы́дарь, дак мале́нькой йешо́, а вы́растёт – го́ря мне́ бу́дет. ЛЕШ. Кб.

Несчастливого человека в говорах называют:

злы́день – Са́мый злы́дный целове́к без до́щери-то. Злы́дный дак нешча́стный, э́то пе́рвый злы́день. МЕЗ. Бч.

злы́дина – Была́ боль такá, а я родила́сь, и я злы́дина, в таку́ бо́ль родила́сь. Злы́дина у отца́ сряжа́йеца (одевается), ща́слива – у му́жа. ЛЕШ. Плц.

злы́деница – Семь зи́м вы́ездила, лес руби́ла, не могу́ до́мой зайти́, вот злы́деница какáя. МЕЗ. Бч.

злы́дница – В колхо́зе прожыла́, лет два́цать в колхо́зе прорабо́тала <...> пядеся́т рубле́й у меня́ пеньсия-та. На пята́десяти рубле́й жыла́, вот какá злы́дница, виш, как пеньси́ю начали́ огребáть. МЕЗ. Бч.

б) Зло как нравственная антинорма

В общеоценочном значении *зло* и его словообразовательные синонимы *зло́е*, *зло́ба*, *злора́да*, *злость*, *злы́дина*, *злы́дки*, *злы́дни*, *злю́ки* называют все, что характеризуется социумом как негативное, плохое.

Зло, зло́е – ‘нечто плохое, недолжное’: *Вот како́йе зло получа́йеца*. ВЕЛЬ. Длм. *Ли-ко, нонь ско́лько наро́ду уби́ло, не́ было бы зла́*. КОН. Твр. *Тебе́ зла́-то хотя́т*. ПИН. Квр. *По добру́ я добра́, а по злу́ я то́же зла*. ПИН. Трф. *А такá была́ хоро́ша стару́шка-то, у йей зла́ не́ было, такá ва́жна стару́шка*. ПИН. Яв. *Вот*

мне досади́т како́й-нибудь из них, што́-нибудь зло́йе. УСТЬ. Стр. *Хоть и партийной, а на цёркофь ничево́ зло́ва не имёл.* ПРИМ. Ннк.

В фольклорных текстах зло персонифицировано: *Неда́ром говоря́т: «Бох со́здал три зла́: цёрта, ба́бу и козла́».* (фольк.) ПИН. Яв. *На све́те три зла: ба́ба, о́фца и коза́.* (фольк.) ПИН. Нхч. *Йёдет мужы́к на теле́ге, то да сё, лежы́т на доро́ге копы́о, взял он э́то копы́о, йёдет да́льшэ, на землё змея́, взял он э́то зло (копье) и уби́л друго́йе зло (змею) (загадка).* КОН. Влц.

Зло, злость де́лать / сде́лать / наде́лать (+ N₃) – ‘сделать что-н. плохое, совершить плохой поступок’: *Вы не де́лайте зла́, де́лайте добро́, оно́ фсе́ равно́ отойде́т обрат́но.* МЕЗ. Аз. *Не де́лай зла – не получи́ши ху́да, а бу́дет беда́ – лю́ди помо́гут.* УСТЬ. Снк. *Йёсли тебе́ зло сде́лают, ты добро́ сде́лай.* ЛЕШ. Цнг. *Вот ско́лько она́ наделала зла.* УСТЬ. Стр. *Немно́го (едва) зло́сти не сде́лала вам, взяла́ бума́гу, кулё́к хоте́ла сде́лать.* ОНЕЖ. Хчл.

Вторая группа значений связана с негативными чувствами и эмоциями, которые испытывает человек по отношению к кому- или чему-либо.

Зло, зло́ба, злость – ‘чувство сильного недовольства, гнева, досады’: *Мо́жет, срáзу зла́-то не вы́скажэи.* ВЕЛЬ. Длм. *Домо́й приходíл, до́ма злость не показывал.* МЕЗ. Свп. *Уйёхала от Волóтьки, у меня́ така́я зло́ба на судьбу́ што́ ли.* ВЕЛЬ. Длм. *Накипяти́ли, никако́й зло́бы не́ было, как тепе́рь. А тепе́рь ма́ленький посе́лочек, и то́ фсе как соба́ки.* ЛЕН. Кзм.

По зло́сти, со зла, со зло́стью, со зло́сти, по зло́бе, по злора́де – ‘от сильного недовольства, гнева, с досады’: *Ту́т уи со зла де́лали, по зло́сти што́ ли.* ХОЛМ. Члм. *Со зло́стью дак говоря́т: вино́ сопу́т, насопу́ца.* ШЕНК. Ктж. *Шэлóнник – э́то с мо́ря на ночь, разбо́йник. А у него́ жэна́ некраси́ва, он со зло́сти ду́йет.* ОНЕЖ. Лмц. *Шэпчю́т, наговáривают да фсе́ по зло́сти.* ХОЛМ. Члм. *Сва́тъиной коро́ве, мо́жэт, хто́ по рогáм стёгну́л. По зло́бе-то.* ПЛЕС. Фдв. *По злора́де... Злора́да – зло́ба, злора́дство э́то.* КАРГ. Лкш.

Зла не хвата́ет (+ N₃, у + N₂) – ‘о состоянии сильного недовольства, гнева’: *Мне зла́ не хвата́т, я к ни́м со фсе́й душо́й.* ПИН. Нхч. *Когда́ зла не хвата́ет,*

так такой диалект вылетит! ВЕЛЬ. Пкш. *У меня дак не хватило зла, фсе к нулю приведено.* ПРИМ. ЛЗ.

Зло, злобы нести́, злону имéть / держáть в уме (на + N₄) – ‘испытывать чувство сильного недовольства, гнева’: *А ты́, Рóза, на меня́ зла не неси́, а утопи́л Ошуркоф.* ПИН. Чкл. *Несут какийе-то злобы на нейó, она́ веть какá-то немíлостива ба́ба.* ВИН. Тпс. *Злону имéет – так корóву закрóует.* ОНЕЖ. ББ. *Злону-то в умé дёржут на меня́.* ПЛЕС. Фдв.

Злю́ки поводи́ть – ‘испытывая чувство сильного недовольства, осуждать кого-л. / клеветать на кого-л.’: *Цёго́ злю́ки они́ на меня́ пово́дят?* (клеветают) МЕЗ. Длг.

Важный для традиционной народной культуры аспект зла связан с разнообразными несчастьями, несчастливой судьбой.

Зло – ‘беды, несчастья’: *Оспóдь, благослови́ жэла́нных мо́их дéточек, и зя́тя, и невэ́ску, сохрани́ их, Го́споди, от беды́-напа́сти, от фся́кого зла́* (молитва). ПИН. Ёр. *Не будь горда во время счастья, а будь горда во время зла* (письм. источник). КАРГ. Крч.

Злы́дни / злы́дки собра́ть (на + N₂) – ‘навлечь на себя беды, несчастья’: *Я на себя́ фсе злы́дни собралá.* МЕЗ. Дрг. *Сё на меня́ на одну́ гора́-то, се злы́дни со фсéх собралá.* ЛЕШ. Рдм. *У тебя́ мно́го горя́ ли, у меня́, заму́цилась, с му́жом нелады́, скажу́: «Фсе́-те злы́тки-ти собралá», как жóнке, хош мужы́ку.* ЛЕШ. Рдм.

Зло, злость, злы́дина – ‘малое количество чего-н., остатки’: *Вы́тила фсе́ (до дна), зла́ не оста́вила.* ВИЛ. Трп. *Злы́дина со́ли в корму́шке.* ШЕНК. Шгв.⁴⁰ На первый взгляд, наличие этого значения кажется немотивированным. Однако ситуация недостаточности средств существования – это плохо, это несомненное зло. В контексте традиционной культуры аграрного характера особенно актуально бережное отношение к пище как результату тяжелого труда. Возможно, это

⁴⁰ В «Словаре русских народных говоров» значение ‘остатки чего-н., малость’ обнаруживает широкую территорию распространения для слова *злы́дни*: *Корова наша даёт молока только злы́дни.* Вят. Новг. Влад. Волог. *У нас хлеба-то злы́дни остались.* Калуж. Перм. Иркут. Бурят. [СРНГ 11: 294].

обстоятельство могло послужить мотивировкой для появления у слов *зло*, *злы́дина*, *злость* значения ‘малое количество чего-н., остатки’. Поэтому *зло*, *злость оставля́ть (оста́вить)* – значит ‘обижать хозяев, не доедая угощение до конца’: *Йёсли вы не допива́йте, значит злость оставля́ете*. ПИН. Ёр. *То, што ты оста́вила – ёто ты оста́вила на меня́ зло*. ПИН. Ёр.

В сочетании *зла / злость не оста́вить (оставля́ть)* семантика малого количества чего-н. трансформируется в этикетную формулу ‘доесть угощение до конца, чтобы не обидеть хозяина’: *Принесли́ (бутылку водки) – так вь́пнете, зла́-то не оставля́йте, мы́ ведь до́брыйе лю́ди*. МЕЗ. Мсв. *Фсе́ вь́пила? Фсе́ надо вь́пить, не оставля́йте зла*. ВЕЛЬ. Пкш. *Зла́ не оставля́йте на столе́-то, вина́ не оставля́йте*. В-Т. Стр. *Дава́й ло́пай, дойеда́й. Зла́ не оставля́й*. ВЕЛЬ. Длм. *Пе́й, не гнуси́! Зло не оставля́ют, пе́й до конца́*. ПИН. Ёр.

Итак, значения существительного *зло*, как и прилагательного *злой*, связаны в изучаемых говорах главным образом с тремя семемами: ‘все плохое’, ‘негативное чувство’, ‘несчастье’ – при явном преобладании первой. Параллелизм развития их значений представлен в табл. 14.

Таблица 14. Семантика слов *злой* и *зло* в архангельских говорах.

<i>Злой</i>	<i>Зло</i>
‘исполненный враждебности, обладающий плохими качествами, свойствами’ <i>злой разбо́йник, зол как козе́л</i>	‘нечто плохое, недолжное’ <i>не́ было бы зла́</i>
‘полный негативного чувства: гнева, обиды’ <i>слома́ли стол, злы́ были</i>	‘негативное чувство: гнев, досада’ <i>зла не хватáет</i>
‘приносящий несчастье, вред; связанный с нечистой силой’ <i>злой глаз, злы́е лю́ди</i>	‘беда, несчастье’ <i>во вре́мя сча́стья, а не зла́</i> ‘вред’ <i>на зло́ знать</i>
энант. ‘упорный’ <i>злой рыба́к</i>	
	‘остатки, малое количество чего-л.’ <i>зла не оставля́йте в стака́не</i>

в) Состояние или поведение злого человека

Глаголы *злить*, *злиться*, *зализть*, *зализться*, *назлить*, *обозлиться*, *злобить*, *злобиться* имеют общий семантический признак ‘испытывать негативные чувства’. Они являются многозначными, в каждом из значений обозначают разные фазы состояния, поведения злого или разозленного человека:

злиться, *зализться*, *обозлиться* – ‘находиться в состоянии (прийти в состояние) недовольства, раздражения’: *Ой, как Колька злице, он ведь без работы теперь*. ПРИМ. Ннк. *Толька залился страшно. Он у меня софсем залился*. ОНЕЖ. Пдп. *Забегат, обозлица, што надо на пасву*. УСТЬ. Брз.;

злить, *злиться*, *злобиться*, *зализться*, *обозлиться* – ‘сердиться (рассердиться), обижаться (обидеться) на кого-л. (на + N₂)’: *Паша, не зли, как было, сё делай, не зли на нас*. ПРИМ. Ннк. *Мамина мама – богомольна была старушка, фсе говорила: «Йесли фсе правильно зделайте своему покойнику, он никогда вам не будет сница и не будет злица»*. ВЕЛЬ. Лхд. *Сколько лет злитесь, злось несёте*. ВИЛ. Трп. *Фсю осень на меня злбился*. ПИН. Чкл. *Ты Юре не сказывай, а то он залица на их*. ВИЛ. Трп. *Потом она што-то залилась. Залилась на меня*. ШЕНК. ЯГ. *Нос вввихом, как обозлица на ково*. ВИЛ. Трп. *А иновой (иной) падёт, дак говорят: «До чевó напился, шио упал, итти не мóжет»*. Иновá обозлица. В-Т. Сфт.;

злить (назлить), *злобить* – ‘вызывать (вызвать) обиду, гнев, сердить (рассердить) кого-н.’ (+ N₂, N₃): *А он, как назло, пойот, злит ейо, молодицу*. ПИН. Ср. *И собака не бегат – менé хоть не злит*. ПИН. Нхч. *Да и я много злила йему тогда, много мужыка дразнила, да и вредничяла, я-то йего дразнила, досажала-то йему*. КОН. Твр. *Они не такийе злбныйе и не такийе ройливыйе (пчелы). Их дым только злбит*. УСТЬ. Брз.

Негативные чувства могут становиться причиной негативных действий: *злить (назлить)* – ‘совершать (совершить) плохие поступки, вредить кому-н.’ (+ N₃): *Не надо злить людям: боу отомстит. Никому ничё не злите, и вас будут уважать и любить. Фсе наказывала покойенка: «Нигде не дурачьте, не злите никому»*. ПИН. Нхч. *Не зли другу – попадёт себе в руку*. УСТЬ. Снк. *Он, говорят,*

ищѣ фсѣ время унижэл, злил йѣму. ПРИМ. ЛЗ. Я и тепѣрь это знáю, злить никому нельзя́ (делать зло). УСТЬ. Стр. Я говорю́ (внуку): «Помогáй, родíмо мойó. Это веть фперѣт тебе́, пáрень». Не то што зли́ть да назли́ть, да фсѣ на зло. ПИН. Нхч.;

ззли́ться – ‘начать ссориться, драться’: Какí-то зазли́лись мужыкí. МЕЗ. Дрг. Робѣнки зазля́ца – ну, возьму́ ви́цу и рáза два стегану́. ВИН. Брк. Зазля́ца, дак иногдá у́йму нѣту. КРАСН. ВУ.;

злить, зли́ться – ‘проказничать, шалить’: Ребáта злят мáленьки, хóдят в я́му. В-Т. УВ. До тогó они́ зля́ца, до тогó друг дру́шку зажыма́ют, как заревя́т. ВИН. Брк.;

злить (назли́ть), зли́ться – ‘совершать (совершить) ритуальные святочные бесчинства’ (+ N₃): Зли́ли ходи́ли, дровá спи́хивали. Наряжóны хóдят. Рáньшэ то́лько где бы́ли неvéсты, жонихí то́лько тем зли́ли. А тепѣрь не розбира́ют. Зли́ли в свя́тки, пáрни костры́ столкнóт, либо сáни приморóзят – это где дѣвушки жывóт, назля́т. Ворóта подпирáли, ворóта подлива́ли. Дровá спи́хивали, у ково́ дворы́ большы́. ПИН. Нхч. Другíе пороскáзывают, што ребáта зли́ли им. УСТЬ. Стр. Ребáта йесь ребáта – кáк, мы́ жэ молоды́ бы́ли! – ребáта пристаю́т тут к дѣфкам-то и фсѣ, ребáта. Тут зля́ца што-нибóдь, дак што-нибóть тудóй тут, фсѣ клáли, под мѣсто чевóй-то накладóт – кладóт лягушы́ э́тих, и чевó-то тáм накладóт дѣфкам нáзло, нáзло дѣлали. ВИН. Мрж.

Злить (ззли́ть) – ‘магическими средствами наводить (навести) порчу’ (+ N₃, на + N₂): А навѣрно, зли́ла то́жо, знатóха бы́ла дак. КАРГ. Ус. Икóтники – котóрыйе злят чело́веку, сечя́с их нѣт. В-Т. УВ. Говоря́т, врóде как икóтники йесть – колдуны́. И корóва не дáст (молока): злят прóсто. Ну́ти, э́ти икóтники (ведьмы) и щя́с йесть: чело́века доведóт, шо умрѣ́т мóжэт, я не люблю́ ну́тих, они́ злят лю́дям. ПИН. Нхч. А на како́во чело́века раз зазля́т и бóдут злить. ПРИМ. Ннч.

Наречия и наречные слова с корнем *зл-* обозначают сделанное с умыслом, намеренно во вред другому:

на́зло – *Она́ злит, це́-нить на зло́-то де́лат. А што́ это на́зло ты це́ловэ́ку (делаешь)?* ПИН. Нхч.

на зло́сть – *Эта де́лаэт на зло́сть.* ВЕЛЬ. Сдр.

зло́стно – *Зло́сно мне зде́лали, прова́да оборова́ли.* МЕЗ. Рч. *Верё́фка не по́рвана ни́где, не у кола́, не у шэ́и, кто́-то отвяза́л (коня) зло́сно.* ПИН. Нхч. *То хто́ потсве́тит, зло́сно подо́жге́ дак.* ПИН. Ёр. *Я вам больни́сьней не вь́пишу, потому́ што́ вы зло́сно зашли́ (не по правилам).* ПИН. Ёр.

Слово *злы́денно* в архангельских говорах развивает значение ‘несчастливо, тяжело’: *Худа́ на́ша жы́знь бы́ла, я йе́што злы́денно жы́ву.* ЛЕШ. Рдм. *Вот когды́ роди́ла, злы́денно – в тяжо́лой го́д, ребё́нка-то со́сить на́до. Я гоорю́, ох, злы́денно, злы́денно.* ЛЕШ. Плщ.

Проведенный лексико-семантический анализ слов с корнем *зл-* позволил выявить некоторые параллели развития значений внутри семантического пространства ЗЛА (см. табл. 15). Дериваты, как и слова *злой*, *зло*, развивают свои значения по трем направлениям – этическому, эмоциональному или мифологическому.

Таблица 15. Семантическое пространство ЗЛА в архангельских говорах.

этический компонент	эмоциональный компонент	мифологический компонент	энантио-семия	десемантизация
‘плохое, враждебное’	‘негативное чувство’	‘несчастье’		
<i>злой</i> – ‘вредный, имеющий плохой характер’ <i>злыдárник</i> – ‘кто-н., ведущий себя плохо’ <i>злить</i> – ‘совершать плохие поступки’ <i>злóстно</i> – ‘намеренно, во вред другому’	<i>зло</i> – ‘негативное чувство: гнев, досада, обида’ <i>злóчей</i> – ‘раздражительный, своенравный’ <i>обозлítься</i> – ‘рассердиться, разозлиться’	<i>злосчáстной</i> – ‘несчастливый’ <i>злýдня</i> – ‘несчастливый человек’ <i>зазлítь</i> – ‘навести порчу, сглазить’ <i>злýденно</i> – ‘несчастливо, тяжело’	<i>злой</i> – ‘упорный’	<i>зло</i> – ‘остатки чего-л.’ <i>злосчáстник</i> ‘растение кипрей’ <i>злoпoтpeблять</i> – ‘чрезмерно, много потреблять’

В. Триада ЗЛО — ХУДО — ЛИХО

Данные картотеки АОС подтверждают, что в народной речи для обозначения плохого и недолжного, противопоставленного *дóбромy*, кроме слова *злой*, существует еще два – *худóй* и *лихóй*. Отношения синонимии внутри этой триады заслуживают отдельного, более тщательного изучения. В рамках данного исследования наметим лишь несколько зон пересечения их значений.

Диалектные фраземы, зафиксированные в говорах, прямо указывают на полную синонимию существительных *зло*, *худо* и *лихо* в несвободной сочетаемости: «*К хóду ли к добру?*» – *спрашыват*, а *домовой*: «*Хóдо, хóдо!*» *или* «*Хорошó, хорошó!*» *кричит*. ВИН. Кнц. *Спрашывали, к добру ли к лиху...* ПИН. Ср. *На добрó-то нёт, а фсё на злó.* ЛЕШ. Смл. *На добрó мáло дéла, а на злó – скоко хóш.* ВИН. Кнц. *Ужасти! Ну ёто ни к добру им показáлось, ёто ни к добру. Ёто к хóду им показáлося, к худóму, тем бóлее на клáдбище и три старóухи.* КАРГ. Крч. *Ёто тóжо нехорóшая примéта. Не к добру ёто фсё.* ВЕЛЬ. Лхд.

Ни зlá ни лиха в сочетании с глаголами *хотéть*, *молítь* – ‘не желать кому-л. ничего плохого’: *Не зlá не лиха не хочю, а тогó жо сáмого, чегó менé хотя́т. Я*

вам не зlá не ліха не молю, а тогó жэ сáмого. ПИН. Квр. *Ни хúда ни зlá* – в составе формулы для отвода зла при икоте: *Хлы́кцеця* (икается). *Кому́-то на дорóге жыву́* (кто-то вспоминает). *А я́ никому́ ни хúда ни зlá не хоцú.* ПИН. Нхч.

Из приведенных примеров видно, что *зло* — *хúдо* — *ліхо* образуют синонимический ряд, когда они противопоставлены *добрú* в общеоценочном значении ‘все хорошее’ и обозначают, соответственно, ‘все плохое, недолжное’. При этом в свободной сочетаемости прилагательное *худóй* больше тяготеет к утилитарной семантике, *лихо́й* – к абстрактно-мифологической, а прилагательное *злой* – к морально-этической.

Худóй – ‘плохой, плохого качества’ (денотативные сферы совпадают с выявленными для прилагательного *злой* в общеоценочном значении):

- по отношению к артефактам: *И́згнило фсё, искосíлось, избоцíлось, осéло, тэс худóй стал.* ШЕНК. ВП. *Изгрéбнойе по́ртно – пёрвы очёски, сáмойо худóйо.* ВЕЛЬ. Сдр. *Чюгу́н худóй, издержáлся весь.* НЯНД. Стп. *У нас дорóга худáя, не излáжэна.* ВИН. Зст. *Купíла краску, а тóлько дёньги испóртила – порáто худá.* МЕЗ. Кмж. *И́ха ба́йна (их баня) худá.* МЕЗ. Крп. *Огорóды (заборы) худы́йе – фсе искосíлися.* ШЕНК. ВП.

- по отношению к натурфактам: *Ва́кора – дэрево худóйе, изгíбистойе, нехорóшойе.* В-Т. Пчг. *Кóля фчерá покосíл, вéдреньйе-то не зная́ како́ бúдет, худó ли хорóшэйе.* ОНЕЖ. Хчл.

- по отношению к здоровью, способностям человека: *Для жывотá, для сёрца, зúбы худы́йе, дак полоска́ть.* ПИН. Трф. *Мы фсе износілись, изработались, у фсéх здорóвьйе худóйе.* ШЕНК. УП. *У меня́ глаза́-то худы́, недовідят, мне ка́жут, она́ тогдá лу́че была́, а ця́с худя́ця.* ЛЕШ. Рдм. *Тепéрь голóва худáя, быйóт мо́рэ (укачивает).* ОНЕЖ. Прн. *Худóй фотóграф-то, плóхо кáрточьки дéлат.* ПИН. Врк. *У нево́ карáктер худóй.* КАРГ. Нкл.

Как болезнь или увечье издревле воспринималась худоба (в противопоставление полноте – *добротé*): *Целовéк изні́тился – похудáл дак. Худóй человéк стал.* В-Т. Врш. *Тепéрь худá да рúки худы́, нóги-ти икрени́сты, а рúки худы́.* ЛЕШ. Лбс.

Лихо́й – ‘плохой’: *Я домо́й пришла́, а была́ стару́шка у ма́мы в гостя́х, грíт, ну-ко ле́жысь – я легла́, она́ мне ба́нку наста́вила, я не могу́ вы́терпеть, ры́ком зары́чала: «Снима́йте ба́нку!» Кóйе-как па́лец потточíла да ба́нку отоссала́ у меня́, вот с тех по́р я лихо́во сна не вида́ла.* КОИ. Клм.;

– ‘связанный с нечистой силой’ (ср. *злы́е лю́ди, злой глаз* и т. п.⁴¹): *А́нгел мо́й, храни́тель мо́й, спаси́ меня́, го́споди, вы́веди меня́ на и́стинный путь, огради́ от фсéх напáстей и от смéрти напράсной, от злых, лихих люде́й и от зверья́* (молитва). ХОЛМ. Сия.

Прилагательное *лихо́й* в сочет. *лихи́м ма́том* выступает и в роли интенсификатора при описании крайней степени отрицательных свойств чего-л. (ср. лит. *благíм ма́том*): *Она́ уи пото́м заругáлась лихи́м ма́том.* ПРИМ. Ннк. *Помани́ло снаця́ло, пото́м ста́ло зада́жжывать лихи́м ма́том.* ЛЕШ. Ол. Подобная функция отмечена нами в исследуемых говорах и у *до́брого* и *зло́го* (*до́брый пья́ница* – ‘сильно пьющий человек’, *злой охóтник* – ‘очень упорный, не уйдет без добычи’).

Не менее интересной зоной схождения семантики трех слов является денотативная сфера болезни. Боль и болезнь, мучающие человека, закономерно воспринимаются носителем языка как нечто плохое. В изучаемых говорах зафиксированы названия болезней или болезненных состояний с корнями *-зл-* и *-лих-*: *злокома́нка* ‘падучая болезнь’ – *Злокома́нкой ба́ба болéла. Ничéм вы́лечить не могли́.* ПИН. Ёр.; *лихора́дка* ‘состояние агонии, сопровождающееся повышенной температурой тела’ – *Церез де́нь меня́ лихора́тка забирáла.* КОТЛ. Фдт. *Лихора́тка забрала́, до Ко́тласа дойéхал и по́мер.* ЛЕН. Пст.

Пересечения значений прилагательных *злой*, *худой* и *лихой* показаны на схеме 3.

⁴¹ Об этом сказано выше, в пункте Б настоящего параграфа.

Схема 3. Семантика прилагательных *злой*, *худой* и *лихой* в архангельских говорах.

Таким образом, на шкале нравственной оценки ‘хорошо – плохо’ положительный полюс занимает ДОБРО, а отрицательный – триада ЗЛО — ХУДО — ЛИХО⁴². При этом если речь идет об этике, то наиболее употребительны члены оппозиции *дóброй* — *злой*, тогда как в общеоценочных контекстах *дóброй* гораздо чаще противопоставляется *худóму*.

⁴² См. Приложение 7.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что ДОБРО на исследуемой территории более многомерно и развивает свою семантику в двух направлениях – вещественном (архаичном, идущем от этимона) и морально-этическом. Для прилагательного *дóброй* характерна общая оценка ('хороший'). *Злой* же предстает в виде набора частнооценочных значений ('враждебный', 'упрямый', 'упорный' и др.), таким образом ЗЛО концентрируется только в морально-этической зоне. Однако стоит отметить, что в говорах ДОБРУ противостоит комплекс значений, выражаемый тремя словообразовательными гнездами с корнями *-зл-*, *-худ-* и *-лих-* в вершинах. Следовательно, понятие зла «покрывает значительно большую часть семантического пространства», чем понятие добра, что, по меткому замечанию Т.И. Вендиной, «говорит об известном пессимизме языка традиционной культуры» русского народа [Вендина 2020: 368].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование, целью которого являлось описание фрагмента диалектной картины мира, соотносящейся с ключевыми понятиями нравственности, позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Важнейшими нравственными ориентирами носителей архангельских говоров являются морально-этические понятия, которые в говорах выражаются общерусскими словами *добро*, *зло*, *совесть*, *стыд*, *честь* и *позор*, а также их многочисленными дериватами и диалектными синонимами *худо*, *лихо*, *страм*, *позора́* и др.

Автором диссертационной работы было проанализировано около 6 тыс. словарных карточек, из них на словообразовательные гнезда: *совест-* – 500, *стыд-* – 300, *чест-* – 400, *позор-* – 1000, *добр-* – 2100, *зл-* – 700 контекстов, а также около тысячи употреблений диалектных синонимов базовых слов.

2. Исследование показало, что для ментального мира носителей изучаемых говоров характерна особенная взаимосвязь четырех культурных констант – **СОВЕСТЬ**, **ЧЕСТЬ**, **СТЫД** и **ПОЗОР**, которые составляют «нравственный квадрат» попарно противопоставленных микрополей.

Внутри этого квадрата противопоставляются: **СОВЕСТЬ** и **ЧЕСТЬ** как выразители позитивной оценки – **СТЫДУ** и **ПОЗОРУ** как выразителям негативной оценки чьих-либо действий; **СОВЕСТЬ** и **СТЫД** как внутреннее осознание моральности / аморальности своих действий – **ЧЕСТИ** и **ПОЗОРУ** как внешней реакции социума на чей-либо нравственный / безнравственный поступок.

а) Общерусское слово *совесть* обозначает одно из ключевых морально-этических понятий. Это нравственный кодекс, с которым сверяется человек перед принятием того или иного решения. Слово *совесть* обнаруживает в диалекте достаточно широкие круги сочетаемости: атрибутивной (*чи́стая*, *проста́я*,

баранья совесть), предложно-падежной (*от совести, на совесть, за совесть, с совестью*) и глагольной, причем *совесть* может быть как субъектом, так и объектом действия (*совесть бьет, убивает, ударяет – знать, пропивать совесть*).

Буквальное прочтение метафорической сочетаемости с предикатами выводит на набор образов совести, частично не совпадающий с литературным языком. Совесть осознается носителями говора по-разному: как внешняя неподвластная сила, существо, которое больше и сильнее человека (*совесть бьет, ударяет*); как агрессивное существо, которое живет внутри человека (*совесть заедает*); как субстанция внутри тела человека (*совести не набрать*); как часть его тела (*совесть не поднялась*) или как необходимая вещь (*пропивать совесть*). Восприятие совести как судьбы, отмечаемое лингвистами на материале литературного языка, для диалектоносителей не характерно.

Семантика общерусского существительного находит свое развитие в диалектных дериватах: прилагательном *совестной* и глаголах *совестить, совеститься* и *совестничать*.

Прилагательное *совестной* достаточно частотно в изучаемых говорах, его значения обнаруживают гендерное распределение: *совестная дэвка / баба* – это чистая, непорочная, стеснительная девушка, не способная на плохой поступок, или порядочная женщина, верная мужу; *совестной парень / мужик* – честный, скромный, добросовестный, работающий, не имеющий вредных привычек мужчина. Гендерные различия стираются в сочетаемости с собирательным существительным *народ*: *совестной народ* – ‘честный, порядочный’.

Совестной человек осознает отклонение своих действий от общепринятых норм, учитывает общественное мнение о себе, *совестится*, при этом он может *совестить* других – стыдить, стараться привести к осознанию проступка. Таким образом, прототипический сценарий СОВЕСТИ включает в себя три семантических актанта: испытывающего неловкость субъекта, аудиторию, перед которой человек *совестится*, и действие или ситуацию, за которые *совестно*.

В целом можно с уверенностью говорить о том, что СОВЕСТЬ является одной из ключевых духовных констант народной культуры. Слово *сѡвесть* вступает в отношения синонимии со словами *честь* (как положительная категория) и *стыд* (как составляющая внутреннего мира человека).

б) Общерусское слово *стыд* обозначает индивидуальное чувство неловкости за свои действия («эмоциональное» значение по терминологии А.Д. Шмелева). Существительное *стыд* не формирует в архангельских говорах столь широкие круги сочетаемости, как *сѡвесть*, чтобы можно было с абсолютной достоверностью говорить о концептуализации СТЫДА, тем не менее в работе предпринята попытка трактовать имеющиеся модели.

Анализ метафорической глагольной сочетаемости этого слова в говорах вскрывает идущее от этимона (*стыд-/студ-/стуж-*) восприятие стыда не только как стыда-жара, характерное для литературного языка, но и как чего-то холодного. Так, наряду с выражением *сгорать / загорать от стыда* в говорах отмечена и сочетаемость *стыд берёт* (как *болѣзнь / хѡлод берёт*). Кроме того, в работе выявлена вещественная и локативная семантика СТЫДА: *есть стыд / нет стыда, держать за стыд, напринима́ться стыда; привести в стыд. Стыд* воспринимается как внутренняя, телесная составляющая. В глазах можно увидеть не только совесть, но и стыд: *У них нѣту в глазах стыда!* Стыдясь, человек прячет *глаза – обувает / кладёт / за глазами ходит*.

Мужчина, не имеющий стыда – *бессты́дник*, женщина – *бессты́дница, бессты́денка, бессты́дина, бессты́дка*. Ситуация, оцениваемая в коллективе как неприемлемая, постыдная, описывается с помощью глаголов *сты́дить, сты́живать, сты́диться, сты́дскаться*. Прототипический сценарий СТЫДА предполагает наличие двух взаимодействующих актантов (X *сты́дит* Y-а, Y *сты́дится* X-а), один из которых может быть коллективным, и ситуацию, за которую *сты́дно*. При этом глагол *сты́диться* управляет винительным падежом, а предикатив при указании на аудиторию обнаруживает вариативность предложно-падежной сочетаемости: *сты́дно* кого-н., *от / до / на* кого-н., кому-н.

в) Честь в говорах связывается, в первую очередь, с уважением со стороны общества. Лексические значения слова *честь* обычно реализуются в условиях несвободной сочетаемости: в составе фразеологических единиц (*честь по чести*), предложно-падежных конструкций (*в честь* кого-л.), традиционных формул речевого этикета (*вся честь на столе*). Понятие чести тесно связано с народным ритуалом гостеприимства, когда хозяева дома обязаны выразить уважение своим гостям в виде угощения. Честь как индивидуальная характеристика человека, его репутация, традиционная для менталитета носителей литературного языка (*дело чести, запятнать свою честь*), в говорах отсутствует.

Исследование показало, что для народного сознания в первую очередь характерно восприятие чести как уважения, почета, т. е. внешней положительной оценки человека коллективом, а не индивидуальной репутации. Из этого следует вывод о том, что говоры сохраняют архаичные пласты семантики общерусского слова *честь*, идущие от его этимона. Морально-этическое значение слова *честь* – ‘порядочность’ также присутствует в языке данного региона, однако не является преобладающим.

На базе основных значений слова *честь* (‘уважение’ и ‘порядочность’) формируются две группы дериватов, одна из которых связана с ритуалом гостеприимства (глаголы *честить*, *чествовать* и т. п.), а другая – с представлениями данного социума о нравственности (прилагательное *честной*).

Глаголы *честить*, *чествовать* обнаруживают в говорах следующие значения: ‘отдавать дань уважения кому-либо’, ‘оказывая уважение, приглашать куда-либо’, ‘оказывать уважение в виде угощения’. Ситуация ЧЕСТВОВАНИЯ-угощения предполагает субъекта-хозяина, объекта-гостя и средство – предлагаемое блюдо; в ситуации оказания уважения – то, за что уважают (валентность содержания может не заполняться), в ситуации приглашения уважаемого человека куда-либо появляется валентность места.

В исследуемых говорах *честной* мужчина – это человек, неспособный на обман или преступление, хранящий свою честь, заслуживающий уважение других к себе (так же в сочетаемости с собирательным существительным *народ*).

Чётная женщина (как правило, девушка) – чистая, непорочная, порядочная. В данных значениях прилагательные *чётной* и *сóвестной* являются полными синонимами. Слово *честь* имеет семантические схождения не только с *сóвестью*, но и *позóром*.

г) Диалектный материал отражает существование в изучаемых говорах двух многозначных лексем – *позóр* и *позора́*, обладающих большим деривационным потенциалом. Эти существительные имеют семантически близкий, но не идентичный набор значений, что позволяет считать их отдельными словами, а не грамматическими вариантами.

Оба слова имеют целый спектр значений, в процессе развития которых от ‘унизительного положения’ через ‘душевные муки’ к ‘физическим мучениям’ негативная оценка «зрителя», заложенная в этимологии общерусского слова *позóр*, сдвигается от презрения к состраданию: презирают за аморальное поведение – сочувствуют горю, тяжелым жизненным условиям. Негативная оценка смещается с субъекта действия на общую оценку «увиденной» ситуации.

Многозначность и траектория развития значений *позóра* как производящего слова сохраняется и в производных словах: ср., например, *позóр* ‘унизительное положение’ → ‘душевные муки’ → ‘физические мучения’ и *позóрной*, *позóрник* ‘о субъекте, совершающем действие, осуждаемое в данном коллективе’ → ‘о субъекте, испытывающем душевные муки’ → ‘о субъекте, занимающемся тяжелым физическим трудом’.

Анализ слова *позóр* и его дериватов показал, что наиболее семантически разработанной является зона употребления производных от него глаголов. В работе отмечено 7 значений и подзначений для глагола *позóрить* и 12 – для глагола *позóриться* (*позорíться*), которые соотносятся с направлением развития семантики производящего слова: ‘неприемлемым поведением навлекать на себя бесчестье, презрение окружающих’ → ‘испытывать душевные муки, беспокоиться по поводу чего-л., тяготиться чем-л.’ → ‘вести тяжелую жизнь, полную различных физических мучений’.

Кроме того, общерусское слово *позор* в говорах имеет два омонима со значениями 'вид' и 'взгляд', выявляющих его глубинные связи с этимологией и отражающих наличие пресуппозиционного «зрителя» в его семантике. Омонимия обнаруживается и среди производных глаголов (*позорить*, *позориться*), причем всех их объединяет сема 'доводить до готовности, логического завершения': 1) 'воспитывать детей до их совершеннолетия', 2) 'ухаживать за пожилыми родителями до их смерти', 3) 'следить за зерновыми до их созревания'.

3. В ходе настоящего исследования были выявлены зоны тесной связи всех четырех культурных констант. СОВЕСТЬ и СТЫД как выразители «внутренней» морали пересекаются в составе фразеологических единиц (*ни стыда́ ни совести*), при образовании прилагательных, обозначающих отсутствие совести и стыда (*бессовестной*, *бесстыдной*) и в зоне нейтрализации значений глаголов *совеститься* и *стыдиться* в ситуации стеснения. Наиболее яркое семантическое пересечение между ЧЕСТЬЮ и СОВЕСТЬЮ проявляется в синонимии прилагательных *честной* и *совестной*. Для употребления обоих слов в говорах важен гендерный аспект. ЧЕСТЬ и ПОЗОР являются показателями внешней оценки, репутации человека в коллективе. *Стыд* и *позор* вступают в синонимичные отношения не только между собой, но и с диалектным словом *страм* (*срам*).

Можно предположить, что в исследуемом фрагменте диалектной картины мира первостепенное значение имеет не СТЫД, а ПОЗОР. При этом СОВЕСТЬ представляется более близкой носителям языка, чем ЧЕСТЬ. Такие выводы делаются на основе семантической разработанности микрополей, большего круга моделей сочетаемости, дериватов и частотности употреблений слов *совесть* и *позор*. *Совесть* отражает внутреннюю оценку человеком своих действий и мыслей, а *позор* – внешнюю оценку поведения человека окружающими его людьми. Таким образом, для народного самосознания оказывается важным соотносить свои действия с нормами морали и сохранять репутацию в коллективе.

4. Анализ морально-этических понятий и выражающих их лексем проведен в контексте базовой бинарной оппозиции ДОБРО — ЗЛО. Представления

носителей изучаемых говоров о добре и зле не совпадают с аналогичными воззрениями говорящего на литературном языке. ДОБРО включает в себя довольно весомый материальный компонент, имеющий этимологическое происхождение, а ЗЛО предстает в виде триады синонимов *злой* — *худой* — *лихой*, из которых именно диалектное прилагательное *худой* является наиболее употребительным в утилитарном значении, за *злым* же закрепляется преимущественно морально-этическая семантика.

Исследование показало, что в семантике слова *добрый* преобладает общеоценочность: прилагательное *добрый* характеризует все хорошее, важное, полезное для человека. Тогда как в значениях прилагательного *злой*, развившихся в данных говорах, содержится частнооценочный компонент: например, *злой* — ‘враждебный’, ‘упрямый’, ‘рассерженный’, ‘озорной’, ‘несчастливый’, ‘упорный’. Все эти значения оцениваются социумом как плохие именно с точки зрения морали, а не в общеоценочном смысле.

Этическая зона добра включает в себя: а) прилагательное *добрый* и его дериваты, обозначающие нравственные качества и свойства, получившие положительную оценку с точки зрения общепринятой нормы; б) существительные *добро* / *добринá* / *добротá* / *добрóтность* / *добрýдня* как обозначение этой нормы; в) глаголы, описывающие поведение доброго человека: его внутреннее состояние (*сдобрéть* — ‘проявить доброту, подобреть’), проявление доброты к другому (*дóбриться* — ‘проявлять заботу о ком-л.’) и стремление вызвать доброту (*задóбрить* — ‘сделать кого-л. добрым, расположить к себе’).

Значения существительного *зло* связаны главным образом с тремя семемами: ‘все плохое’, ‘негативное чувство’, ‘несчастье’ — при явном преобладании первой. Многочисленна в говорах группа экспрессивов, служащих для номинации человека, характер и поведение которого негативно оцениваются обществом: *злец*, *злѣха*, *злѣбень*, *злѣдина*, *злыдарѣк*, *злыдárник*, *злыдарь*, *злыдень*, *злыденица*, *злыдина*, *злыдница*, *злыдня*, *злыдюха*, *злюка*, *злюха*, *злючка*, *зляка*. Эти слова образованы по продуктивным моделям и развивают семантику производящего слова *злой*.

Глаголы *злить, злиться, зазлить, зазлиться, налить, обозлиться, злóbить, злóbиться* имеют общий семантический признак ‘испытывать негативные чувства’, являются многозначными и обозначают разные фазы состояния, поведения злого или разозленного человека.

ДОБРО и ЗЛО – достаточно разработанные семантические пространства, подтверждающие, что представления о добре и зле являются ключевыми для языковой картины мира носителей данных говоров.

5. Именно между добром и злом располагаются морально-этические понятия и связанные с ними эмоции и состояния, тяготея к «плюсу» или «минусу» своеобразной «шкалы нравственности» (см. Приложение 7).

Полюса данной шкалы занимает глобальная оппозиция ‘хорошо’ – ‘плохо’, где ДОБРО (абсолют. +) противопоставляется триаде ЗЛО — ХУДО — ЛИХО (абсолют. –). В этой системе координат человек соизмеряет свои действия с представлениями о морали, дает им внутреннюю оценку: СОВЕСТЬ (+) — СТЫД (–). Внешняя же оценка выражается мнением коллектива: ЧЕСТЬ / ПОЧЁТ (+) — ПОЗОР / СТРАМ (–).

При однозначном распределении по шкале понятий в целом (ЗЛО, ПОЗОР, СТЫД в зоне «–» и ДОБРО, ЧЕСТЬ, СОВЕСТЬ в зоне «+») обнаруживается внутренняя поляризация семантики в двух зонах: на уровне антонимии и энантиосемии (см. табл. 16).

Таблица 16. Поляризация значений внутри шкалы нравственности.

–	+
Антонимия	
<i>бессóвестной,</i> <i>сты́дной, бессты́дной</i>	<i>сóвестной,</i> <i>несты́дной</i>
<i>чéстно,</i> <i>непозóрно</i>	<i>бесчéстно,</i> <i>позóрно</i>
Энантиосемия	
<i>злой человек ‘плохой’</i>	<i>злой охóтник ‘упорный’</i>
<i>добрó ‘нечто ненужное, бесполезное’</i>	<i>добрó ‘нечто хорошее, ценное’</i>

6. Изучение функционирования общерусских слов в пространстве диалекта позволило нам подтвердить мнение диалектологов о том, что в говорах и литературном языке общерусские слова ведут себя по-разному. Некоторые из них при общем с литературным языком значении расширяют круги сочетаемости (*сóвесть убивáет, сóвесть в глазáх, сдéлать за сóвесть*) или концептуальное содержание (*стыд* как то, что заставляет сжиматься, цепенеть, в дополнение к *стыду-жару* или *стыду-огню*, от которого человек краснеет, *загорáет* и т. п.).

Важнейшей особенностью общерусских слов, функционирующих в диалекте, является их более тесная связь с этимологом и сохранение архаичных значений. Так, в говорах обнаруживаются *дóбрый* (этимол. ‘годный, доброкачественный’) в значении ‘обладающий положительными свойствами, хорошего качества’, *добрó* как богатство, имущество, наследство, *добрó* и *добротá* как полнота, красота, физическое здоровье. Прилагательное *злой* (этимол. ‘изогнутый, кривой’) обозначает в том числе и отклонение поведения от нормы (*злой ребёнок* – ‘озорной’), и связь с нечистой силой (*злые люди* – ‘колдуны’). Слово *честь* сохраняет исконное значение ‘уважение’, что ярко отражается в характерном для Русского Севера гостеприимстве и ритуале угощения (*вся честь на столé, была́ бы честь предлóжена*).

Общерусские слова в диалектном языке являются вершинами разветвленных словообразовательных гнезд (*добр-*, *зл-*, *позор-*, *стыд-*), развивают глубокую полисемию (*добрó*, *зло*, *честь*, *позóр*), синонимию (*честь*, *зло*), омонимию (*добрó*, *позóр*) и фактически образуют семантические микрополя.

Проведенное в рамках настоящей диссертационной работы исследование выявило **перспективы** развития данной темы.

1. В дальнейшем можно расширить территорию исследования и вписать семантику рассмотренных в диссертации слов в контекст не только севернорусских, но и других русских говоров.

2. Не затронутыми в данной работе остались слова, выражающие представления о морали, связанные с христианской традицией. Понятие совесть неизбежно пересекается со смирением, позор – с грехом, стыд – с виной и т. д. Поэтому кажется перспективным описать религиозный аспект народной морали с анализом семантики таких общерусских слов, как *грех*, *вѣра*, *вина́*, *смирѣние*, и их диалектных дериватов.

3. Заявленная тема может быть расширена и в сторону изучения важных для мировоззрения сельского жителя оппозиций «труд — лень», «правда — ложь» и др.

Исследование особенностей функционирования общерусских слов в макросистеме диалектного языка – актуальная и перспективная задача для современной русистики, важная не только для изучения народной культуры, но и для более точного и полного описания русской языковой картины мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

Литература

1. *Аванесов Р.И.* Русская диалектология / под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. — М.: Наука, 1964. — 306 с.
2. *Антонова Л.Е.* Семантика стыда в современном русском языке // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — Вып. 117. — СПб., 2009. — С. 177–180.
3. *Антонова Л.Е.* Семантика стыда и способы ее выражения в современном русском языке: норма и субстандарты: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009. — 220 с.
4. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 472 с.
5. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 767 с.
6. *Апресян Ю.Д. и др.* Языковая картина мира и системная лексикография / под ред. Ю.Д. Апресяна. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 910 с.
7. *Апресян Ю.Д.* Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект // Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. — СПб., 2007. — С. 17–21. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/apresyan-07.htm> (дата обращения: 18.02.2023).
8. *Апресян Ю.Д.* Стыдиться и его синонимы // Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. — М.: Языки славянских культур, 2009. — С. 306–317.
9. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Актуальные проблемы современной лингвистики / сост. Л.Н. Чурилина. — М.: Флинта, Наука, 2010. — С. 293–306.

10. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988. — 338 с.
11. *Арутюнова Н.Д.* О стыде и стуже // Вопросы языкознания. — 1997. № 2. — С. 59–70.
12. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 895 с.
13. *Арутюнова Н.Д.* О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.Б. Рябцева. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 54–78.
14. *Арутюнова Н.Д.* ИСТИНА, ДОБРО, КРАСОТА: Взаимодействие концептов // Логический анализ языка: Языки эстетики / под ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Индрик, 2004. — С. 5–29.
15. *Афанасьева О.М.* Анализ лексической сочетаемости слова «честь» (на материале российских СМИ) и профессиональная честь журналиста // Вестник ЧелГУ. — 2015. № 5. — С. 357–365.
16. *Банкова Т.Б., Угрюмова М.М., Аганова Н.А.* Константы русской культуры: языковые воплощения. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. — 199 с.
17. *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / сост. и отв. ред. С.М. Толстая, пер. с польск. — М.: Индрик, 2005. — 527 с.
18. *Белова И.А.* Семантически сопряженные константы: долг и совесть // Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та. — 2010. № 4. — С. 161–168.
19. *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. — М.: Индрик, 2005. — 287 с.
20. *Белякова С.М.* Русская диалектология: лексика. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2011. — 99 с.

21. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. — М.: Индрик, 2007. — 599 с.
22. *Блинова А.А.* Нравственные концепты в лексическом освещении // *Блинова А.А., Купина Н.А.* Функциональная семантика слова. — Екатеринбург: Уральский гос. пед. ин-т, 1993. — С. 20–30.
23. *Блинова О.И.* Введение в современную региональную диалектологию. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. — 257 с.
24. *Блинова О.И.* Русская диалектология: Лексика. Учебное пособие. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. — 133 с.
25. *Блинова О.И.* Областной словарь как источник изучения народной речевой культуры // *Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. I (VII).* — М.: Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова РАН, 2002. — С. 232–241.
26. *Богданова Е.А.* Концепты «добро» и «зло» в русской и французской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. — Майкоп, 2012. — 162 с.
27. *Богданова Е.А., Сокурова С.Н.* Ассоциативные свойства лингвоконцептов «добро» и «зло» в русском и французском языках: данные свободного ассоциативного эксперимента // *Известия ВГПУ.* — 2014. № 5(90). — С. 56–61.
28. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М.: Шк. «Мастера рус. культуры», 1997. — 574 с.
29. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Грамматика позора // *Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.Б. Рябцева.* — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 216–234.
30. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. 2-е изд., испр. и доп. — М.: УРСС, 2004. — 229 с.

31. *Варбот Ж.Ж.* Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Известия РАН. Серия литературы и языка. — Т. 54. № 4. — М., 1995. — С. 60–65.
32. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз, пер. с англ. — М.: Рус. слово, 1996. — 411 с.
33. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева. — М.: Языки рус. культуры, 1999. — 776 с.
34. *Вежбицкая А.* Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира»? (Патрик Серио утверждает, что нет) // *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. — М.: Языки славянских культур, 2012. — С. 624–636.
35. *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. — М.: Индрик, 2002. — 334 с.
36. *Вендина Т.И.* Прекрасное и безобразное в русской традиционной духовной культуре // Логический анализ языка: Языки эстетики / под ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Индрик, 2004. — С. 143–161.
37. *Вендина Т.И.* Антропология диалектного слова / Ин-т славяноведения РАН. — М.; СПб.: Нестор-История, 2020. — 684 с.
38. *Виноградов В.В.* Лексикологические заметки // Уч. зап. Моск. гос. педаг. дефектологического ин-та. Т. 1. — М., 1941. — С. 18–19.
39. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. — М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1998. — 763 с.
40. *Гак В.Г.* Русская динамическая языковая картина мира // Русский язык сегодня. — М., 2000. — С. 36–45.
41. *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. — 456 с.

42. *Гецова О.Г.* Проект «Архангельского областного словаря». — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. — 214 с.
43. *Гецова О.Г.* Русская диалектология. Методические указания... — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
44. *Гецова О.Г.* Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика. Русские диалекты. История и современность // Вопросы русского языкознания. — Вып. VII. — М.: Диалог, 1997. — С. 138–197.
45. *Голованивская М.К.* Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. — М.: Языки славянской культуры, 2009. — 376 с.
46. *Гольдин В.Е.* Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня / РАН, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2000. — С. 53–65.
47. *Гольдин В.Е.* Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. — М.: Наука, 2002. — С. 58–64.
48. *Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. — Саратов, 1993. — Вып. 25. — С. 9–19.
49. *Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б.* Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. — М.: Дрофа, 1997. — С. 413–415.
50. *Грузберг Л.А.* О специфике концептов в народной культуре (на материале диалектной речи) // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции. — М., 2004. — С. 42–43.
51. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. — М.: Прогресс, 1984. — 397 с.

52. *Гученшюкова С.А.* Архетипический концепт «лицо/честь/совесть»: когнитивный и лингвокультурный аспекты (на материале русского, адыгского, английского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2011. — 174 с.
53. *Демешкина Т.А.* Концепт в речевой диалектной культуре (Возможные подходы к описанию) // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. I (VIII). — М.: Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова, 2004. — С. 25–35.
54. *Дженкова Е.А.* Толкование номинаций концепта «стыд» / «Sham» в филологических словарях // Антропологическая лингвистика: изучение культурных концептов и гендера: сборник научных трудов / под ред. Н.А. Красавского, В.П. Москвина. — Волгоград, 2003. — Вып. 1. — С. 43–48.
55. *Дженкова Е.А.* Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2005. — 237 с.
56. *Дмитриева Н.М.* Об этическом и религиозном в лексике русского языка // Вестник ОГУ. — 2011. № 6(125). — С. 32–37.
57. *Егорова О.А.* Нравственно-оценочные категории «добро» и «зло» в лингвокогнитивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. — Ульяновск, 2005. — 177 с.
58. *Емец О.Л.* Имя прилагательное как средство выражения нравственной оценки (на материале русских пословиц и поговорок) // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Севера. Т. 2. — Киров, 1996. — С. 25–29.
59. *Ермакова О.П.* Концепты «совесть» и «стыд» по данным языка // Русский язык в контексте культуры. — Екатеринбург, 1999. — С. 54–59.

60. *Ефанова Л.Г.* Категория нормы в русской языковой картине мира. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. — Томск, 2013. — 40 с.
61. *Жданова В.И.* Семантическое поле этической оценки в его историческом развитии (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2004. — 389 с.
62. *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 671 с.
63. *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 691 с.
64. *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. В 2 т. 3-е изд., доп. — М.: Просвещение, 1964–1965.
65. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. — М.: Наука, 1974. — 342 с.
66. *Изард К.* Эмоции человека / пер. с англ. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. — 439 с.
67. *Иоанесян Е.Р.* Семантика стыда // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. [Электронное научное издание]. — 2016. № 8. — С. 196–251. URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2016_08/5.pdf (дата обращения: 17.08.2019).
68. *Кабакова Г.И.* Концепт чести в ритуале гостеприимства // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология / под ред. Е.Л. Березович. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. — С. 22.
69. *Калнынь Л.Э.* Значение трудов Р.И. Аванесова для теории диалектологии // Аванесовский сборник. — М.: Наука, 2002. — С. 47–52.

70. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. — 389 с.
71. *Караулов Ю.Н.* Языковое сознание, языковая картина мира, ментальность // Вавилонская башня-2: Слово. Текст. Культура: Чтения 2002–2003. — М.: МГЛУ, 2003. — С. 17–27.
72. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. — М.: Наука, 1976. — 354 с.
73. *Касьянова К.* О русском национальном характере. — М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 1994. — 558 с.
74. *Качинская И.Б.* Термины родства и языковая картина мира. Автореф. ... канд. филол. наук. — М., 2011. — 24 с.
75. *Качинская И.Б.* Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). — М.: Индрик, 2018. — 285 с.
76. *Клепикова Г.П.* Сема-ономасиологический аспект в исследованиях некоторых лексических групп // Общеславянский лингвистический атлас. 1975 / отв. ред. Р.И. Аванесов. — М.: Наука, 1977. — С. 162–177.
77. *Кобозева И.М., Шарнин М.М., Сомин Н.В., Тищенко А.С., Маслак А.А.* Понятия добра и зла в рамках нейросетевого подхода // Русский лингвистический бюллетень. 2022. № 8(36). URL: <https://rulb.org/media/articles/2841.pdf> (дата обращения: 12.01.2023).
78. *Ковригина Е.А.* Семантическое поле ‘БОЛЕЗНЬ’ в пространстве диалекта (на материале архангельских говоров): дис. ... канд. филол. наук. — М., 2022. — 222 с.
79. *Ковшова М.Л. и др.* Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия / отв. ред. М.Л. Ковшова. — М.: Ленанд, 2016. — 400 с.
80. *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология. — М.: Наука, 1979. — 335 с.

81. *Коконова А.Б.* Функции хлеба в родильном и похоронном обрядах Архангельской области // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 2009. — С. 412–417.
82. *Коконова А.Б.* РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ в пространстве диалекта. Автореф. ... канд. филол. наук. — М., 2011. — 24 с.
83. *Колесникова Е.В.* Семантика прилагательных *добрый* и *злой* в русских говорах // Актуальные проблемы русской диалектологии: сборник материалов конференции. — М.: Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. — С. 117–119.
84. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. — 365 с.
85. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. — СПб.: Петерб. востоковедение, 2004. — 237 с.
86. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. — СПб.: Петерб. востоковедение, 2007. — 619 с.
87. *Коліева І.Г.* Имена концептов эмоций «Scham / стыд», «Schuld / вина», «Reue / раскаяние» в немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. — Владикавказ, 2010. — 194 с.
88. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2013. — 347 с.
89. *Коробкина Н.И.* Эмоциональная картина мира и ее языковая репрезентация (на примере понятий «добро» и «зло») // *Linguamobilis*. — 2011. № 4(30). — С. 37–44.
90. *Красных В.В.* От концепта к тексту и обратно // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. — 1998. № 1. — С. 53–70.

91. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекционный курс. — М.: Гнозис, 2002. — 282 с.
92. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? // Актуальные проблемы современной лингвистики / сост. Л.Н. Чурилина. — М.: Флинта, Наука, 2010. — С. 214–216.
93. *Красовская Н.А.* Человек, мир, слово в книге Т.И. Вендиной «Антропология диалектного слова» // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. — 2021. — Т. 13, вып. 4. — С. 41–51.
94. *Кругликова Л.Е.* Идеографическая классификация языковых единиц, характеризующих человека. — Саратов, 1998. — 52 с.
95. *Кубрякова Е.С.* О ментальном лексиконе: лексикон как компонент языковой способности человека // Актуальные проблемы современной лингвистики / сост. Л.Н. Чурилина. — М.: Флинта, Наука, 2010. — С. 327–342.
96. *Кузнецов А.М.* Когнитология, антропоцентризм, языковая картина мира и проблемы исследования лексической семантики / РАН, ИНИОН. — М., 2000. — С. 8–22.
97. *Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П.* Понятие о диалектной макросистеме // *Сороколетов Ф.П.* Избранные труды. — СПб.: Наука, 2011. — С. 463–470.
98. *Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. — М.: Прогресс, 1981. — С. 350–368.
99. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Актуальные проблемы современной лингвистики / сост. Л.Н. Чурилина. — М.: Флинта, Наука, 2010. — С. 267–292.
100. *Лихачев Д.С.* О национальном характере русских // Вопросы философии. — 1990. № 4. — С. 12–26.

101. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия АН. Т. 52. № 1. — М., 1993. — С. 3–9.
102. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. — М.: Политиздат, 1991. — 367 с.
103. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2010. — 704 с.
104. *Лотря Л.В.* Концептуальная оппозиция «добро – зло» в этноязыковой картине мира (на материале русского и чувашского языков): дис. ... канд. филол. наук. — Чебоксары, 2004. — 237 с.
105. *Максимов Л.В.* О дефинициях добра // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.Б. Рябцева. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 17–30.
106. *Малахова С.А.* Личностно-эмоциональные концепты «гордость» и «стыд» в русской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. — Армавир, 2009. — 254 с.
107. *Маленкова А.А.* Система обозначений добра и зла в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2004. — 198 с.
108. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие. — М.: Academia, 2004. — 202 с.
109. *Меньшикова С.И.* Концепт психического состояния «стыд» и вербальные средства его выражения // Вестник ТвГУ. Сер.: Филология. — 2013. № 7. — С. 56–65.
110. *Миронюк Л., Каминьски В.* Нечто об эмоциональных концептах в русском языке // Концептосфера, 2003. — С. 127–131.
111. *Мокаева И.Р.* Этические концепты в языковой картине мира. Автореф. ... канд. филол. наук. — Нальчик, 2004. — 22 с.

112. *Мокиенко В.М.* Стыд и срам в восточнославянской паремиологии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы V Международной научной конференции (Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г.). — Екатеринбург, 2022. — С. 174–180.
113. *Недосугова А.Б.* Концепт «честь, долг, совесть» в русской и японской языковой картине мира // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. — 2012. № 3. — С. 57–61.
114. *Немченко В.Н.* Современный русский язык. Словообразование. — М., 1984. — 297 с.
115. *Нерознак В.П.* От концепта к слову // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. — Омск, 1998. — С. 80–85.
116. *Нефедова Е.А.* Погода и время в архангельских говорах // Вопросы русского языкознания. Т. 8. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
117. *Нефедова Е.А.* Диалектные лексические микросистемы в ареальном аспекте // Аванесовский сборник. Т. 1. — М.: Наука, 2002. — С. 94–104.
118. *Нефедова Е.А.* ВРЕМЯ и ПОРА в диалектной картине мира // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. — М., 2007. № 4. — С. 7–29.
119. *Нефедова Е.А.* Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. — М.: МАКС Пресс, 2008. — 463 с.
120. *Нефедова Е.А.* Общерусское слово в диалектном словаре // Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина. L / отв. ред.: А.С. Герд, Е.В. Пурицкая. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. — С. 91–102.
121. *Нефедова Е.А.* Проблемы лексико-семантического варьирования в пространстве диалекта // Gwarydzis. 6. Aktualne problemy dialektologii slowianskiej. Т. 6. Wydawnictwo RTPN. — Poznan, 2012. — С. 34–49.

122. *Нефедова Е.А.* «Архангельский областной словарь»: традиции и новаторство // *Вопр. лексикографии.* — 2013. № 2(4). — С. 65–76.
123. *Нефедова Е.А.* Взаимодействие семантических полей: время, погода, жизнь в поворотах и вращении // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Диалектология.* — М., 2014. — С. 239–257.
124. *Нефедова Е.А.* О региональных вариантах русской национальной картины мира // *Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани методологического срыва. Т. 2.* Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.— Kraków, 2015. — С. 257–264.
125. *Нефедова Е.А.* О месте архангельских говоров в диалектном членении русского языка // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология.* — М., 2016. № 4. — С. 38–46.
126. *Нефедова Е.А.* ПРОСТОР, СВОБОДА, ВОЛЯ в народной речевой культуре // *Известия ВГПУ. Филологические науки.* — 2016. № 9–10. — С. 38–46.
127. *Нефедова Е.А.* Дух и душа: общерусские слова в системе диалекта // *Studia Russica XXVI. Материалы Международной лингвистической конференции. Будапешт, 20–21 октября 2017 г. № XXVI.* — Budapest, 2018. — С. 298–307.
128. *Нефедова Е.А.* Феномен веры в традиционной народной культуре // *Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Т. 17.* — М.; Благовещенск, 2021. — С. 14–22.
129. *Нефедова Е.А., Качинская И.Б., Коконова А.Б.* «Архангельский областной словарь»: прошлое и настоящее // *Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология.* — М., 2013. № 3. — С. 39–60.

130. *Падучева Е.В.* Семантика вины и смещение акцентов в толковании лексем // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.Б. Рябцева. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 149–166.
131. *Пак М.К.* Общерусское слово в диалектной системе (имя существительное). Автореф. ... д-ра филол. наук. — Республика Казахстан, Алматы, 2010. — 40 с.
132. *Палеха Е.С.* Концептосфера лексико-семантического поля добра в русском языке // Вестник ЧГУ. — 2007. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptosfera-leksiko-semanticheskogo-polya-dobra-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 04.03.2019).
133. *Панина Ж.А.* Семантическое поле ‘ПРАЗДНИКИ’ в говорах архангельского региона. Автореф. ... канд. филол. наук. — М., 2015. — 24 с.
134. *Пауфошима Р.Ф.* Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность: сб. ст. — М.: Наука, 1989. — С. 41–49.
135. *Петрухина Е.В.* Закономерности изменений в русской языковой картине мира: представления о духе и душе // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2012. № 3. — С. 12–22.
136. *Плешкова Т.Н.* Особенности языковой ситуации Архангельского Севера и формирующие их факторы. Автореф. ... д-ра филол. наук. — Архангельск, 2005. — 45 с.
137. *Погребняк Ю.В., Вань Сьюань.* Структурно-семантические характеристики концепта СТЫД в русской и китайской лингвокультурах // Известия ВГПУ. Филологические науки. — 2016. № 9–10. — С. 96–100.
138. *Пожарицкая С.К.* Русская диалектология: учебник. — М.: Парадигма, Акад. проект, 2005. — 253 с.

139. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. — Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1999. — 30 с.
140. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Избранные работы. — М.: Юрайт, 2016. — 290 с.
141. *Потебня А.А.* Слово и миф. — М.: Правда, 1989. — 622 с.
142. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. — М.: Флинта, Наука, 2009. — 170 с.
143. *Прохорова О.Н., Заика Т.В.* Функционирование фразеологических единиц английского языка с концепто-выражающим значением совести // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. № 18. Вып. 7. — С. 131–138.
144. *Радченко О.А.* Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства: дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1997. — 308 с.
145. *Разин А.В.* Этика: учебник для вузов. — М.: Акад. проект, 2006. — 621 с.
146. *Редько Н.А.* Гендерные различия в семантике прилагательного *совестной* // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» [Электронный ресурс] / отв. ред.: И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. — М., 2013.
147. *Редько Н.А.* О глагольной сочетаемости существительного *совесть* (на материале говоров архангельского региона) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» [Электронный ресурс] / отв. ред.: И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. — М., 2014.

148. *Редько Н.А.* ЧЕСТЬ в говорах архангельского региона: семантика и сочетаемость // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» [Электронный ресурс] / отв. ред.: И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. — М., 2015.
149. *Редько Н.А.* Гендерные различия в семантике прилагательного *сóвестной* (на материале говоров архангельского региона) // Актуальные проблемы филологической науки. Вып. 6. — М., 2015. — С. 369–373.
150. *Редько Н.А.* Предикативы с общей семой ‘чувство вины’ в говорах архангельского региона // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» [Электронный ресурс] / отв. ред.: И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. — М., 2017.
151. *Редько Н.А.* Морфо-семантическое поле ‘ЗЛО’ в говорах архангельского региона // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018» [Электронный ресурс] / отв. ред.: И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. — М., 2018.
152. *Редько Н.А.* Семантика зла в говорах архангельского региона // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26–28 октября 2018 г. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. — М., 2018. — С. 226–229.
153. *Редько Н.А.* Честь и позор как категории внешней оценки поведения человека (на материале говоров архангельского региона) // Четвертые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: в 2 ч. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 22–24 ноября 2018 г. — Оренбург, 2018. — Т. 1. — С. 54–58.
154. *Редько Н.А.* Семантика позора в севернорусских говорах // Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы межд. научной

- конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова А.Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета / под ред. Н.Е. Ананьевой, В.Ф. Васильевой, А.И. Изотова и др. — М., 2018. — С. 261–264.
155. *Редько Н.А.* СОВЕСТЬ как традиционная доминанта русской языковой картины мира // Мир русского слова. — 2019. № 2. — С. 60–65.
156. *Редько Н.А.* Семантика добра в народной речевой культуре (на материале говоров архангельского региона) // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. — 2019. № 6. — С. 64–72.
157. *Редько Н.А.* Лингвоспецифичный концепт СОВЕСТЬ в литературном и диалектном языке // Русский язык: Исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы / под ред. М.Л. Ремневой и О.В. Кукушкиной. — М., 2019. — С. 41–42.
158. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. — М.: Наука, 1988. — 212 с.
159. *Рукавишникова М.В.* Совесть как многогранный феномен. Этимологический и лексический анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2009. № 2(14). — С. 121–126.
160. Русская диалектология: учебник / под ред. Л.Л. Касаткина. — М.: Academia, 2005. — 280 с.
161. Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX вв. / отв. ред. И.В. Власова. — М.: Наука, 2001. — 848 с.

162. Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений // X конгресс МАПРЯЛ. 30 июня – 5 июля 2003 г. — СПб.: Политехника, 2003. — 355 с.
163. Рут М.Э. Этнографические материалы в диалектном словаре: проблемы подачи // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. I (VII). — М.: Наука, 2002. — С. 241–251.
164. Сафонова Н.В. Ментальная и языковая репрезентация концепта «благо / добро» в русском языковом сознании: дис. ... д-ра филол. наук. — Тамбов, 2004. — 496 с.
165. Свиридова А.В. Компонентный состав двух фразеологических эквивалентов русской фраземы «не иметь ни стыда ни совести» и французской идиомы «n'avoir ni foi ni loi» в лингвокультурологическом аспекте // Вестник Челябинского гос. педагогического ун-та. — 2010. № 12. — С. 314–322.
166. Сенека. Письма к Луцилию. URL: http://lib.ru/POEEAST/SENEKA/seneka_letters.txt (дата обращения: 10.08.2019).
167. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / под ред. и с предисл. А.Е. Кибрика, пер. с англ. — М.: Прогресс, Изд. группа «Универс», 2002. — 654 с.
168. Сиротинина О.Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня. — № 1. — М., 2000. — С. 240.
169. Ситникова О.В. Лексика морально-нравственного содержания в русском языке новейшего периода и ее отражение в языковом сознании современных носителей русского языка: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2009. — 238 с.

170. *Скрипник А.П.* Моральное зло в истории этики и культуры. — М.: Политиздат, 1992. — 349 с.
171. *Слышкин Г.Г.* Концепт чести в американской и русской культурах (на материале толковых словарей) // *Языковая личность: культурные концепты.* — Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996. — С. 54–60.
172. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу. — М.: Academia, 2000. — 125 с.
173. *Сливакова Е.М., Сливакова М.М.* Национальная специфика русского концепта «честь» // *Казанский педагогический журнал.* — 2015. № 4–1. — С. 415–419.
174. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т., в 6 кн. — М., 1958.
175. *Стефанский Е.Е.* Концепт СОВЕСТЬ в русской, польской и чешской лингвокультурах // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена.* — 2004. № 71. — С. 88–96.
176. *Стефанский Е.Е.* Стыд как особый вид иррационального страха (на материале русской, польской и чешской лингвокультур) // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология.* — 2008. № 1. — С. 181–189.
177. *Супрун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. — Волгоград: Перемена, 2000. — 171 с.
178. *Суровягин С.П.* Нравственная целостность личности: дис. ... доктора филос. наук. — Тюмень, 1995. — 332 с.
179. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. — М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. — 284 с.

180. *Терина С.В.* Древнерусский концепт «честь» и его языковая репрезентация в летописи «Повесть временных лет»: дис. ... канд. филол. наук. — Голыятти, 2007. — 195 с.
181. *Толстая С.М.* О семантическом параллелизме в славянской лексике // Проблемы семантического анализа лексики: тезисы докладов. Пятые Шмелевские чтения. 23–25 февраля 2002 г. — М.: Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова, 2002.
182. *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. — М.: Индрик, 2008. — 528 с.
183. *Толстая С.М.* Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 368 с.
184. *Толстая С.М.* Русская честь и польский *honor* // *Etnolingwistyka*. — Lublin, 2013. — Zesz. 25. — S. 5–15.
185. *Толстой Н.И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // Вопросы языкознания. — 1963. № 1. — С. 29–45.
186. *Толстой Н.И.* Язык и культура: некоторые проблемы этнолингвистики // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1. — М.: Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова, 1991. — С. 5–22.
187. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М.: Индрик, 1995. — 509 с.
188. *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. — 1960. Вып. 1. — С. 135–168.

189. *Урысон Е.В.* Голос разума и голос совести // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.Б. Рябцева. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 184–189.
190. *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 223 с.
191. *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. — М.: Гнозис, 1994. — 688 с.
192. *Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. — М.: Эйдос, 1996. — С. 139–162.
193. *Фетисов В.П.* Добро и зло. Опыт историко-философского анализа. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1982. — 127 с.
194. *Фрумкина Р.М.* Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. — М.: ИНИОН РАН, 1992. — С. 28–44.
195. *Фрумкина Р.М.* Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века: сб. ст. — Москва: Ин-т языкознания РАН, 1995. — С. 74–117.
196. *Харитонов В.И.* Концептуальный анализ фольклорной лексики, характеризующей нравственный мир русского человека: дис. ... канд. филол. наук. — Курск, 1997. — 166 с.
197. *Хроленко А.Т.* Этнолингвистика: понятия, проблемы, методы. — Славянск-на-Кубани: Изд-во СФ АГПИ, 2000. — 92 с.
198. *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. 3-е изд., испр. — М.: КомКнига, 2006. — 280 с.

199. *Чернейко Л.О.* Опыт парадигматического анализа лексики (на материале географических терминов архангельских говоров): дис. ... канд. филол. наук. — М., 1980. — 369 с.
200. *Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. — 320 с.
201. *Чернейко Л.О.* «Ненаучная метаречь» современной когнитивной лингвистики // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства. Сб. статей, посвященный 35-летию кафедры современного русского языкознания Башкирского гос. ун-та. В 2 т. — Т. 1. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. — С. 151–165.
202. *Чернейко Л.О., Долинский В.А.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. — 1996. № 6. — С. 20–41.
203. *Шатилова Л.М.* Лексико-семантическая репрезентация концепта «добро» в немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2006. — 179 с.
204. *Шахманова Б.Г.* Морально-этический концепт «совесть» в кумыкской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологических и паремиологических единиц): дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 2008. — 170 с.
205. *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 224 с.
206. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. — М.: Наука, 1973. — 280 с.
207. *Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию / пер. с нем. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1950. — 292 с.

208. *Щур Г.С.* Теории поля в лингвистике. — М.: Наука, 1974. — 256 с.
209. *Юдин А.В.* Этнолингвистика // Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. — СПб., 1998.
210. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М.: Гнозис, 1994. — 343 с.
211. *Яковлева (Редько) Н.А.* Слова *стыд*, *срам* и *позор* в говорах архангельского региона: на пересечении значений // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2020. Т. 39. № 2. — С. 306–316.
212. *Яковлева (Редько) Н.А.* Позор в говорах архангельского региона: полисемия и омонимия // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020» [Электронный ресурс] / отв. ред.: И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. — М., 2020. — С. 100.
213. *Яковлева Н.А.* Общерусские слова *честь* и *позор* в говорах архангельского региона // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2021. № 4/2. — С. 201–204.
214. *Якушкина Е.И.* Честь и совесть в сербской народной культуре // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. ст. Вып. 56. — М.: МАКС Пресс, 2017. — С. 330–337.
215. *Яндиева А.И.* Лингвосемантическая концептосфера абстрактного имени со значением «честь / совесть» в разносистемных языках: дис. ... канд. филол. наук. — Нальчик, 2010. — 241 с.
216. *Giraud P.* Les champs morpho-sémantiques (Critères externes et critères internes en étymologie) // Bull. de la Soc. Linguist. — Paris, 1956. — Т. 52.
217. *Lakoff G.* Women, fire and dangerous things. — Chicago and London, 1987. — 614 p.

218. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. — Chicago and London, 1990. — 256 p.
219. *Sapir E.* Language: An introduction to the study of speech. — Ottawa, 1921. — 125 p.
220. *Wierzbicka A.* Emotions across languages and cultures: diversity and universals. — CUP, 1999. — 338 p.

Словари и атласы

1. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. Вып. 1– . — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980– .
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. — М.: Русский язык, 1981–1982.
3. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1–3 / под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. — М.: Наука, 1986–2004.
4. *Комягина Л.П.* Лексический атлас Архангельской области. — Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ин-та, 1995.
5. КФС – Краткий философский словарь / под ред. А.П. Алексева. — М.: Проспект, 2004. — 496 с.
6. Краткий Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. В 2 т. — Ярославль: ЯПИ, 1961.
7. *Кубрякова Е.С. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Филол. фак-т МГУ, 1996. — 245 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 682 с.
9. МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1988.

10. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.08.2019).
11. *Нефедова Е.А.* Экспрессивный словарь диалектной личности. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. — 143 с.
12. НОС – Новгородский областной словарь / подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. — СПб.: Наука, 2010. — 1435 с.
13. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. — М.: Языки славянской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2004. — 1488 с.
14. РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов и др. — М., 2002. URL: <http://thesaurus.ru/dict> (дата обращения: 01.03.2023).
15. СДЭС – Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. — М.: Междунар. отношения, 1995–2012.
16. СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. — Вологда: ВГПИ, 1983–2007.
17. Селигер: материалы по русской диалектологии / под ред. А.С. Герда. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, Нестор-История, 2003– .
18. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001– .
19. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / гл. ред. Р.И. Аванесов. В 4 т. — М.: Русский язык, 1988–1991.
20. Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова, И.С. Кона. 6-е изд. — М.: Политиздат, 1989. — 447 с.
21. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–4. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–1999.

22. СНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры / под ред. Л.А. Ивашко. В 2 т. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003.
23. СРНГ – Словарь русских народных говоров / АН СССР, РАН. Вып.1– . — Л.–СПб.: Наука, 1965– .
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. С.Г. Бархударова. — М.: Наука, 1977– .
25. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. — М.: Акад. проект, 2001. — 989 с.
26. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. — М., 1996. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 01.08.2019).
27. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. В 4 т. — М.: АСТ, Астрель, 2009.
28. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. 6-е изд. — М.: АСТ, Астрель, 2001. — 510 с.
29. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 т. — М.: Русский язык, 1999.
30. *Шанский Н.З., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. — М.: Русский язык, 1987. — 237 с.
31. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1– . — М.: Наука, 1974– .
32. Ярославский областной словарь / отв. ред. Г.Г. Мельниченко. Вып. 1–8. — Ярославль: ЯПИ, 1981–1989.
33. Ярославский областной словарь. Дополнения / сост.: М.Т. Афанасьева и др. В 2 т. — Ярославль: РИО ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2015.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Карта Архангельской области	202
Приложение 2. Принятые сокращения названий районов и населенных пунктов Архангельской области, в которых производились записи диалектной речи для АОС	203
Приложение 3. Образы СОВЕСТИ в архангельских говорах	206
Приложение 4. Гендерные различия в семантике прилагательного <i>сóвестной</i> ..	207
Приложение 5. ЧЕСТЬ в архангельских говорах	208
Приложение 6. Композиты с корнем <i>добр-</i> / <i>зл-</i> в архангельских говорах.....	209
Приложение 7. «Шкала нравственности» в архангельских говорах	210

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

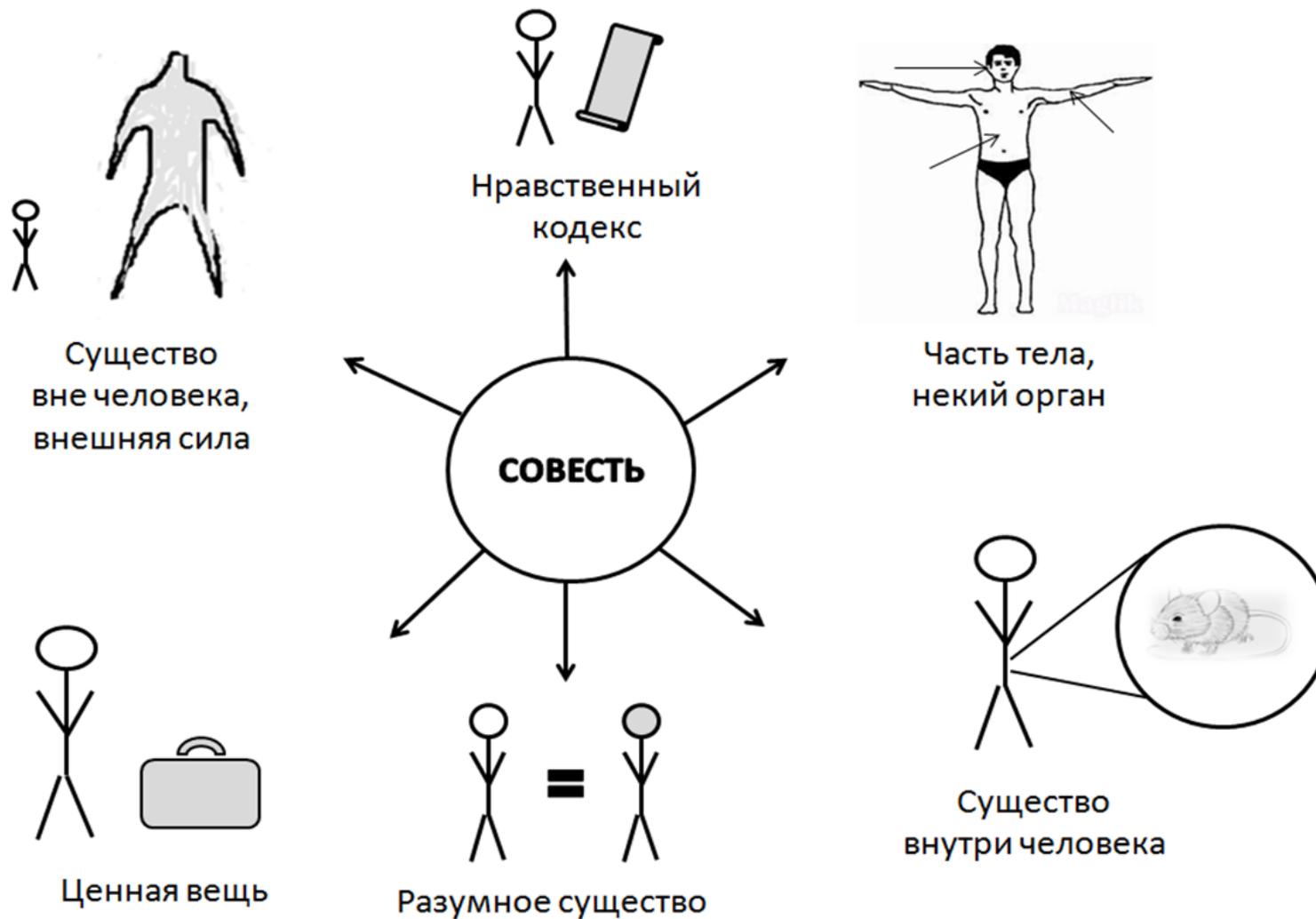
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ
названий районов и населенных пунктов Архангельской области,
в которых производились записи диалектной речи для АОС

В-Т	ВЕРХНЕТОЕМСКИЙ	Зст	Заостровье
АП	Аверин Починок	Кнц	Конецгорье
Влг	Вадиога	Мрж	Моржегорское
Врш	Вершина	НВ	Нижняя Ваеньга
Грк	Горка	Слц	Сельцо
Крн	Корнилово	Тпс	Топса
Кчм	Качем	УВ	Усть-Ваеньга
Лрн	Ларионовская	Уй	Уйта
НТ	Нижняя Тойма	Шдр	Шидрово
Пчг	Пучуга	КАРГ	КАРГОПОЛЬСКИЙ
Сгр	Согра	Ар	Архангело
Сфт	Сефтра	Влс	Волосово
Тмш	Тимошино	Грк	Горка
Тнв	Тинева	Дмн	Думино
УВ	Усть-Выя	Клт	Калитинка
Фдк	Федьковская	Крч	Кречетово
ЧР	Черный Ручей	Мсл	Маселга
Яг	Ягрыш	Лдн	Лядины
ВЕЛЬ	ВЕЛЬСКИЙ	Лкш	Лёкшмозеро
Блг	Благовещенская	Лкшм	Лёкшма
Брз	Березники	Нкл	Нокола
Врх	Верхопуя	Оз	Озёрко
Длм	Долматово	Ош	Ошевенское
Лнв	Леново	Трф	Труфаново
Лхд	Лиходеево	Ус	Усачёво
Пвл	Павловское	Ух	Ухта
Пжм	Пежма	Хтн	Хотеново
Пкш	Пакшеньга	КОН	КОНОШСКИЙ
Сдр	Судрома	Влц	Вельцы
Уг	Угреньга	Клм	Климовская
ВИЛ	ВИЛЕГОДСКИЙ	Кнш	Коноша
Грд	Городок	Твр	Тавреньга
Ив	Ивновская	Хмл	Хмельники
Пвл	Павловск	КОТЛ	КОТЛАССКИЙ
Слн	Селяна	Збл	Заболотье
Трп	Тырпасовская	Тчк	Тючкино
ВИН	ВИНОГРАДОВСКИЙ	Фдт	Федотовская
Брк	Борок	КРАСН	КРАСНОБОРСКИЙ
ВВ	Верхняя Ваеньга	БН	Берёзонаволок

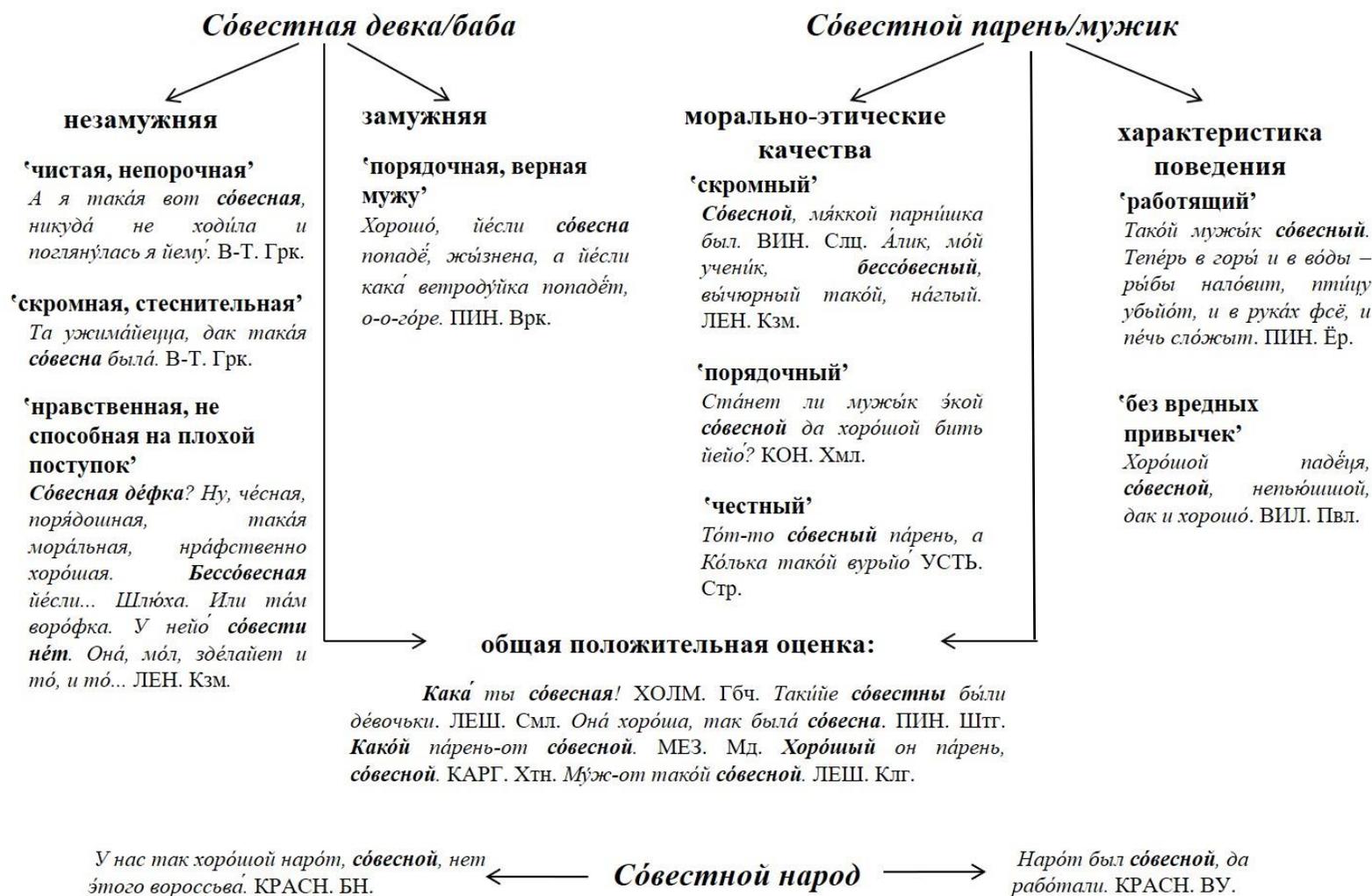
ВУ	Верхняя Уфтюга	Ез	Езевец
Кзм	Кузьминская	Ёл	Ёлкино
Клг	Кулига	Кд	Койда
Нвш	Новошино	Кмж	Кимжа
Прм	Пермогорье	Крп	Карьеполье
Тлг	Телегово	Лбн	Лобан
Чрв	Черевково	Лмп	Лампожня
Шдр	Шадрово	Мд	Майда
ЛЕН	ЛЕНСКИЙ	Мсв	Мосеево
Кзм	Козьино	Пгр	Погорелец
Лн	Лена	Рч	Ручьи
Пст	Паста	Свп	Совполье
Рбв	Рябово	Слщ	Селище
Схд	Суходол	Сн	Сояна
Тхт	Тохта	Сфн	Сафоново
Яр	Яренск	Тмщ	Тимощелье
ЛЕШ	ЛЕШУКОНСКИЙ	Цлг	Целегора
Блщ	Белашелья	НЯНД	НЯНДОМСКИЙ
БН	Большая Нисогора	Вдз	Вадъзерская
Брз	Березник	Врл	Верола
Вжг	Вожгора	Лм	Лимь
Врх	Верхнее	Мш	Моша
Ед	Едома	Стп	Ступино
Зсл	Засулье	ОНЕЖ	ОНЕЖСКИЙ
Кб	Кеба	АБ	Анциферовский Бор
Клч	Кельчемгора	ББ	Большой Бор
Кнс	Койнас	Врз	Ворзогоры
Кс	Кысса	Клщ	Клещёво
Лбс	Лебское	Кнд	Кянда
Лшк	Лешуконское	Крл	Корельское
Ол	Олема	Лмц	Лямца
Плм	Пылема	Пдп	Подпорожье
Плщ	Палащелья	Прг	Порог
Пст	Пустыня	Прн	Пурнема
Рдм	Родома	Тмц	Тамица
Смл	Смоленец	Трч	Турчасово
Тгл	Тиглява	УК	Усть-Кожа
УК	Усть-Кыма	Хчл	Хачела
Цнг	Ценогора	ПИН	ПИНЕЖСКИЙ
Ччп	Чучепала	Брз	Березник
Шгм	Шегмас	Вгр	Веегора
Юр	Юрома	Влд	Валдокурье
МЕЗ	МЕЗЕНСКИЙ	Влт	Вальтево
Аз	Азаполье	Врк	Веркола
Бкв	Баковская	Ёр	Ёркино
Бч	Бычье	Зр	Заозерье
Длг	Долгощелье	Квр	Кеврола
Дрг	Дорогорское	Кгл	Киглохта

Кл	Кулой	УСТЬ	УСТЬЯНСКИЙ
Клг	Кулогора	АП	Аникин Починок
Крп	Карпогоры	Брз	Березник
Кшк	Кушкопала	Бст	Бестужево
Лвл	Лавела	Дмт	Дмитриевская
Лтп	Летопала	Ед	Едьма
Нмн	Немнега	Пдг	Подгорное
Нхч	Нюхча	Сбр	Сабуровская
ПГ	Петрова Гора	Снк	Синики
Пкш	Покшеньга	Стр	Строевская
Прн	Пиренемь	Флн	Филинская
Сл	Соела	Шнг	Шангалы
Слц	Сульца	ХОЛМ	ХОЛМОГОРСКИЙ
Ср	Сура	БН	Брин-Наволоч
Трф	Труфаново	Брз	Берёзы
Чкл	Чакола	Ввч	Вавчуга
Чшл	Чушела	ВП	Верхняя Паленьга
Шрд	Шардонемь	Гбч	Гбач
Штв	Шотово	Ем	Емецк
Штг	Шотогорка	Звз	Звоз
Яв	Явзора	Зчч	Зачачьевская
ПЛЕС	ПЛЕСЕЦКИЙ	Кзм	Кузомень
Врш	Вершинино	Кпч	Копачёво
Ем	Емца	Кр	Курья
Кнв	Конёво	Лмн	Ломоносово
Кнз	Кенозеро	Мтг	Матигоры
Крв	Коровина	НК	Нижнее Койдокурье
Мрк	Маркомусы	Нкл	Ныкола
Прм	Поромское	НП	Нижняя Паленьга
Прш	Першлахта	ПМ	Плёсо-Мякурье
Ржк	Рыжково	Прл	Прилуки
Трс	Тарасовская	Ркл	Ракула
Фдв	Федово	Сбн	Собины
Црк	Церковное	Сия	Сия
ПРИМ	ПРИМОРСКИЙ	Слц	Сельцо
ЗЗ	Зимняя Золотица	Хвр	Хаврогоры
Иж	Ижма	Хрб	Хоробрица
КГ	Красная Гора	Члм	Чёлмохта
Кнд	Кондратьевская	ШЕНК	ШЕНКУРСКИЙ
Куя	Куя	Блд	Блудково
Лдм	Лодьма	ВЛ	Верхоледка
ЛЗ	Летняя Золотица	ВП	Верхопаденьга
Лпш	Лопшеньга	Ктж	Котажка
Ннк	Нёнокса	Ос	Осташево
Пшл	Пушлахта	Трн	Тарня
Сзм	Сюзьма	УП	Усть-Паденьга
Слз	Солза	Шгв	Шеговары
Чсв	Часовенская	ЯГ	Ямская Гора

Образы СОВЕСТИ в архангельских говорах

Гендерные различия в семантике прилагательного *совестной*

ЧЕСТЬ в архангельских говорах (на примере фразеологических единиц)

‘порядочность’

ФЕ – честь по чести

*Нать ружйó свойó бы́ло – лицен́зию
добыва́ют честь по че́сти.*

‘уважение, почет’

ФЕ – честь и похвала

Честь и похвала́ им за рабо́ту!

‘востребованность’

ФЕ – быть в чести

*Гуля́ли по пра́зникам, по вече́ркам,
я фсегда́ в че́сти́ была́.*

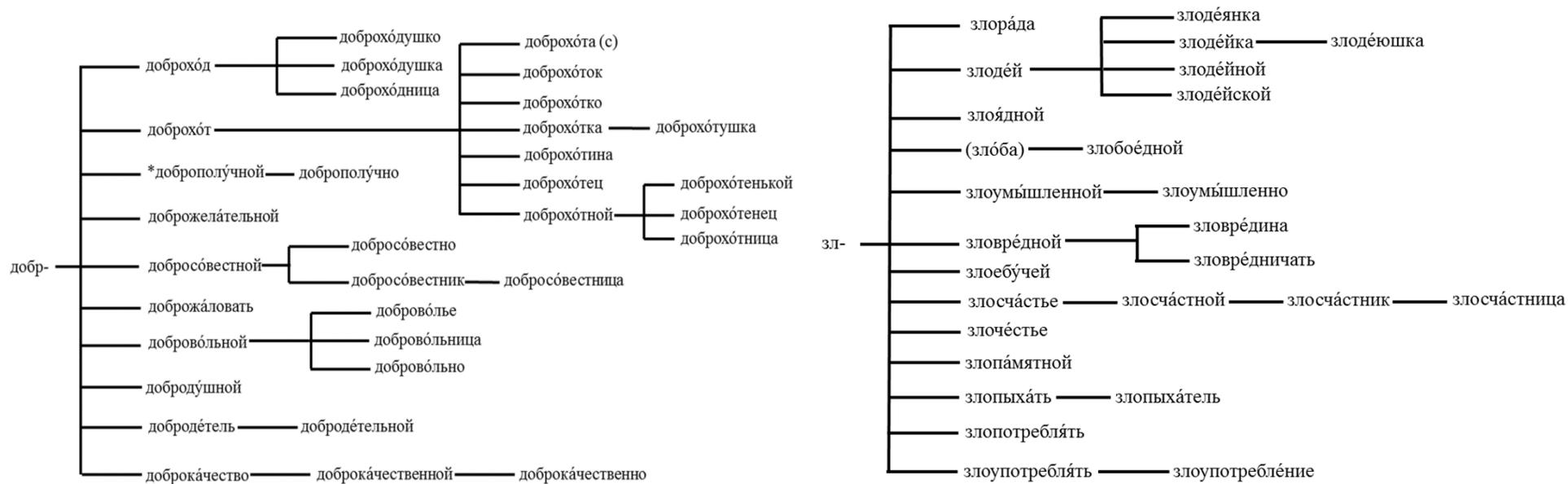

‘угощение’

ФЕ – вся честь на столе

*Ку́шайте, го́сти! Фся
че́сть на столе́.*

Композиты с корнем *добр-* / *зл-* в архангельских говорах

«Шкала нравственности» в архангельских говорах

